

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ISSN 2073-2929
DOI 10.22394/2073-2929

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:

ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА
Международный научно-аналитический журнал

Том 15, № 1 • 2021

Тема номера:
ИТОГИ ПЕРВЫХ ПЯТИ ЛЕТ РАБОТЫ ЕАЭС

Информационная поддержка: пресс-служба Евразийской экономической комиссии

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям (Распоряжение Министерства науки и высшего образования Российской Федерации о включении в перечень рецензируемых научных изданий от 25.12.2020 номер 469-р):

08.00.01 – Экономическая теория (экономические науки), 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности) (экономические науки), 08.00.14 – Мировая экономика (экономические науки), 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право (юридические науки), 12.00.10 – Международное право; европейское право (юридические науки), 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии (политические науки), 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития (политические науки), 23.00.05 – Политическая регионалистика. Этнополитика (политические науки), 23.00.05 – Политическая регионалистика. Этнополитика (социологические науки).

Размещается в открытом доступе в полнотекстовом виде. Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций DOAJ

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 199004, Санкт-Петербург,
В. О., 8-я линия, д. 61
Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10
Факс: (812) 335-42-16
<https://www.eijournal.ru>

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2021
- © Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2021
- © Редакция журнала «Евразийская интеграция: экономика, право, политика» (составитель), 2021
- © Все права защищены

Поздравления руководства

Сергей Юрьевич Глазьев –

Член Коллегии (министр) по интеграции
и макроэкономике ЕЭК, академик РАН,
главный редактор журнала

В этот сложный для России и всего евразийского пространства год коллективу журнала, его идейным вдохновителям удалось практически невозможное – реализовать ключевую задачу по включению его в список ВАК РФ. Это – повод для нашей общей гордости и подтверждение того, что совместными научными и творческими усилиями нам под силу многое. Поздравляю вас, уважаемые друзья, с этим событием. Желаю нам держать и дальше еще с большим энтузиазмом и неизменным профессионализмом!

Владимир Александрович Мау –
ректор РАНХиГС,

учредитель журнала «Евразийская интеграция:
экономика, право, политика»

Поздравляю коллектив Северо-Западного института управления РАНХиГС, редакционную коллегию и международный научный совет с возрождением журнала «Евразийская интеграция: экономика, право, политика» и включением его в список Высшей аттестационной комиссии Российской Федерации. Желаю творческих свершений в разработке перспективной евразийской тематики Президентской академии!

Пусть все идеи будут удачными, а журнал растет и развивается с каждым выпуском. Желаю не останавливаться на достигнутом, добиваться дальнейших творческих успехов, расширять круг новых интересных тем и талантливых авторов. Оставайтесь впредь надежным источником информации, сохраняйте свою популярность и высокий авторитет у читателей. Преданных вам подписчиков и новых успешных проектов!

Владимир Александрович Шамахов –
директор СЗИУ РАНХиГС, председатель
международного научного совета журнала

Усилиями редакционной коллегии, редакции и авторского коллектива удалось успешно решить поставленную руководством института задачу по включению журнала в список ВАК РФ, тем самым усилить научный потенциал нашего учебного заведения.

Поздравляю!

Владимир Львович Квинт –
Председатель Попечительского совета,
почетный доктор СЗИУ РАНХиГС,
иностраннный член РАН

Поздравляю создателей уникального журнала, деятельность которого нацелена на системный анализ и разработку усилиями авторского коллектива стратегии, направленной на реализацию проекта Большой Евразии по всему спектру экономических, юридических и социально-политических наук.

Так держать!

THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY
AND PUBLIC ADMINISTRATION
NORTH-WEST INSTITUTE OF MANAGEMENT

ISSN 2073-2929
DOI 10.22394/2073-2929

EURASIAN INTEGRATION:

ECONOMICS, LAW, POLITICS
International Scientific and Analytical Journal
Vol. 15 No 1 • 2021

Topic of the Issue:
RESULTS OF THE FIRST FIVE YEARS OF WORK OF THE EAEU

Information support: press service of the Eurasian Economic Commission

ADDRESS OF THE EDITORIAL OFFICE: 199004, St. Petersburg,
V.O., 8th line, 61
Ph.: (812) 335-94-72, 335-42-10
Fax: (812) 335-42-16
Website: <https://www.eijournal.ru>

- © Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2021
 - © North-West Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2021
 - © Editorial Board of the Journal „Eurasian Integration: Economics, Law, Politics“ (compilation), 2021
 - © All rights reserved
-

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГЛАЗЬЕВ Сергей Юрьевич, Член Коллегии (министр) по интеграции и макроэкономике ЕЭК, академик Российской академии наук, доктор экономических наук

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КЕФЕЛИ Игорь Федорович, директор Центра геополитической экспертизы Северо-Западного института управления РАНХиГС, профессор, доктор философских наук, эксперт Российской академии наук

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СОВЕТ

ШАМАХОВ Владимир Александрович, Председатель международного научного совета, директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук

СЛУЧЕВСКИЙ Вячеслав Владимирович, заместитель Председателя международного научного совета, советник директора Северо-Западного института управления РАНХиГС, кандидат исторических наук

АЛИМБЕКОВ Мусабек Тургынбекович, почетный профессор Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, доктор юридических наук (Казахстан)

БЕБЕНИН Сергей Михайлович, Председатель Законодательного собрания Ленинградской области

БОНДУРОВСКИЙ Владимир Владимирович, заместитель Ответственного секретаря ПА ОДКБ, кандидат юридических наук

КОГУТ Виктор Григорьевич, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Национального собрания Республики Беларусь в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат политических наук

КУЧЕРЯВЫЙ Михаил Михайлович, доктор политических наук

ЛОКЯН Арсен Багдасарович, ректор Академии государственного управления Республики Армения, доктор психологических наук

МАКСИМЦЕВ Игорь Анатольевич, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук

РАХИМИ Фарход Кодирович, президент Академии наук Республики Таджикистан, доктор физико-математических наук

САТВАЛДИЕВ Нурбек Абдрашитович, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Жогорку Кенеша Кыргызской Республики в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат политических наук

ХАНЬ Лихуа, старший научный сотрудник Университета международного бизнеса и экономики (Китай), PhD, профессор

ЧИЛИНГАРЯН Айк Марселонович, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Национального Собрания Республики Армения в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат экономических наук

ШУХНО Сергей Степанович, советник Департамента развития интеграции Евразийской экономической комиссии

ЭРКЕБАЕВ Абдыганы Эркебаевич, академик Национальной академии наук Кыргызской Республики, доктор философских наук

ЯКУНИН Владимир Иванович, заведующий кафедрой государственной политики факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, профессор, доктор политических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АБАЙДЕЛЬДИНОВ Ербол Мусинович, профессор кафедры международного права юридического факультета Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева (Казахстан), доктор юридических наук, профессор

АКАЕВ Аскар Акаевич, доктор технических наук, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, иностранный член Российской академии наук (Кыргызстан)

АСАУЛ Максим Анатольевич, заместитель директора департамента транспорта и инфраструктуры Евразийской экономической комиссии, доктор экономических наук

ДЕНИСОВ Андрей Иванович, посол Российской Федерации в Китайской Народной Республике, Чрезвычайный и полномочный посол (Россия), кандидат экономических наук

ЕНГОЯН Ашот Пайлакович, заведующий кафедрой теории и истории политической науки Ереванского госуниверситета (Армения), доктор политических наук, профессор

ЕРЕМЕЕВ Станислав Германович, ректор Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина (Россия), доктор экономических наук, кандидат политических наук, профессор

КАЗАНЦЕВ Андрей Анатольевич, директор аналитического центра Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Россия), доктор политических наук

КАШКИН Сергей Юрьевич, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, профессор кафедры «Жана Моннэ» (Европейский союз) (Россия), заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор

КАЮМОВ Нуриддин Каюмович, академик Академии наук Республики Таджикистан (Таджикистан), доктор экономических наук, профессор

КИРИЛЕНКО Виктор Петрович, заведующий кафедрой международного и гуманитарного права Северо-Западного института управления РАНХиГС (Россия), академик РАЕН, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, редактор раздела «Право»

КРОТОВ Михаил Иосифович, Полномочный представитель Федерального Собрания Российской Федерации — заместитель Ответственного секретаря ПА ОДКБ (Россия), доктор экономических наук, профессор

КУКЛИНА Евгения Анатольевна, профессор Северо-Западного института управления РАНХиГС (Россия), доктор экономических наук, профессор, редактор раздела «Экономика»

ЛЕБЕДЕВА Марина Михайловна, заведующая кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (Россия), доктор политических наук, профессор

ЛИВЕРОВСКИЙ Алексей Алексеевич, научный руководитель юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета, заведующий кафедрой конституционного права (Россия), доктор юридических наук, профессор

МИШАЛЬЧЕНКО Юрий Владимирович, профессор кафедры международного и гуманитарного права Северо-Западного института управления РАНХиГС (Россия), доктор экономических наук, доктор юридических наук, профессор

НОВИКОВА Ирина Николаевна, декан факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (Россия), доктор исторических наук, профессор

РЕМЫГА Владимир Николаевич, генеральный директор Координационного центра «Экономический пояс Шелкового пути» (Россия), доктор экономических наук

САИДАМИРОВ Баходур Шовалиевич, директор центра Евразийских исследований и межпарламентского сотрудничества Северо-Западного института управления РАНХиГС (Россия), кандидат юридических наук

СЕРГЕВНИН Сергей Львович, декан юридического факультета Северо-Западного института управления РАНХиГС (Россия), заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор

СТАРОВОЙТОВ Александр Александрович, заведующий кафедрой конституционного и административного права Северо-Западного института управления РАНХиГС (Россия), заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор

ТОРОПЫГИН Андрей Владимирович, профессор Северо-Западного института управления РАНХиГС (Россия), доктор политических наук, профессор, редактор раздела «Политика»

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, ведущий научный сотрудник сектора международно-правовых исследований Института государства и права РАН, главный редактор Евразийского юридического журнала (Россия), доктор юридических наук

ХАШ-ЭРДЭНЭ Самбалхундэв, председатель общества «Знание» Монголии (Монголия), доктор социологических наук, профессор

ЧЭНЬ ЧЖИГАН, вице-президент Китайского делового центра в Санкт-Петербурге (Китай), доктор экономических наук

CHIEF EDITOR

GLAZYEV Sergey, Member of the Board — Minister in charge of Integration and Macroeconomics of the Eurasian Economic Commission, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics

DEPUTY CHIEF EDITOR

KEFELI Igor, Director of the Center for Geopolitical Expertise, North-West Institute of Management, RANEPA, Professor, Doctor of Philosophy, Expert of the Russian Academy of Sciences

INTERNATIONAL SCIENTIFIC COUNCIL

SHAMAKHOV Vladimir, Chair of the International Scientific Council, Director of the North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Economics

SLUCHEVSKY Vyacheslav, Deputy Chairman of the International Scientific Council, Advisor to the Director of the North-West Institute of Management, RANEPA, PhD in Historical Sciences

ALIMBEKOV Musabek, honorary professor of the L. N. Gumilyov Eurasian National University, Doctor of Laws

BEBENIN Sergey, Chair of the Legislative Assembly of the Leningrad Region

BONDUROVSKY Vladimir, Deputy Executive Secretary of the CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Law

KOGUT Viktor, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the National Assembly of the Republic of Belarus in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Political Sciences

KUCHERYAVY Mikhail, Doctor of Political Sciences

LOKYAN Arsen, Rector of the Academy of Public Administration of the Republic of Armenia, Doctor of Psychology

MAKSIMTSEV Igor, Rector of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Economics

RAHIMI Farhod, President of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Doctor of Physics and Mathematics

SATVALDIEV Nurbek, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the Jogorku Kenesh of the Kyrgyz Republic in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Political Sciences

HAN Lihua, Senior Researcher of University of International Business and Economics (China), PhD, Professor

CHILINGARYAN Ayk, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the National Assembly of the Republic of Armenia in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Economics

SHUKHNO Sergey, Counselor of the Department for the Development of Integration of the Eurasian Economic Commission

ERKEBAYEV Abdygany, Academician of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Doctor of Philosophy

YAKUNIN Vladimir, Head of the State Policy Department of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Political Sciences

EDITORIAL BOARD

ABAYDELDINOV Erbol, Doctor of Laws, Professor, Department of Integrational Law, Faculty of Law, L. N. Gumilyov Eurasian National University (Kazakhstan, Nur-Sultan)

AKAEV Askar, Doctor of Technical Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences (Kyrgyzstan)

ASAUL Maksim, Doctor of Economics, Deputy Director of the Department of Transport and Infrastructure of the Eurasian Economic Commission

DENISOV Andrey, PhD in Economics, Ambassador the Russian Federation to the People's Republic of China, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary (Russia, Moscow)

ENGOYAN Ashot, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and History of Political Science of Yerevan State University (Armenia, Yerevan)

YEREMEEV Stanislav, Doctor of Economics, PhD in Political Sciences, Professor, Rector of the Pushkin Leningrad State University (Russia, St. Petersburg)

KASHKIN Sergey, Doctor in Laws, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Integration and European Law of Moscow State Law University named after O. E. Kutafin, Professor, Department of "Zhan Monnet" (European Union) (Russia, Moscow)

KAZANTSEV Andrey, Doctor of Political Sciences, Professor, Director of Analytical Center, Institute of International Studies of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (Russia, Moscow)

KAYUMOV Nuriddin, Doctor of Economics, Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Tajikistan, Dushanbe)

KIRILENKO Viktor, Doctor of Laws, Professor, Academician of RANS, Head of the Department of International and Humanitarian Law, North-West Institute of Management of RANEPA, academician of the Russian Academy of natural Sciences, Honored Lawyer of the Russian Federation, editor of the "Law" section (Russia, St. Petersburg)

KROTOV Mikhail, Doctor of Economics, Professor, Plenipotentiary Representative of the Federal Assembly of the Russian Federation — Deputy Executive Secretary of the CSTO PA (Russia, Moscow)

KUKLINA Evgenia, Doctor of Economics, Professor, North-West Institute of Management of RANEPA, Editor of the "Economics" section (Russia, St. Petersburg)

LEBEDEVA Marina, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of World Political Processes of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (Russia, Moscow)

LIVEROVSKY Alexey, Doctor of Laws, Professor, Scientific Director of the Faculty of Law of St. Petersburg State University of Economics, Head of the Department of Constitutional Law (Russia, St. Petersburg)

MISHALCHENKO Yuri, Doctor of Laws, Professor of the Department of International and Humanitarian Law of the North-West Institute of Management of RANEPA, Doctor of Economics (Russia, St. Petersburg)

NOVIKOVA Irina, Doctor of History, Professor, Dean of the Faculty of International Relations of St. Petersburg State University (Russia, St. Petersburg)

REMYGA Vladimir, Doctor of Economics, Director-General of the Coordination Center "Economic Belt of the Silk Road" (Russia, Moscow)

SAIDAMIROV Bahodur Shamilevich, PhD in Law, Director of the Center for Eurasian Studies and Interparliamentary Cooperation, North-West Institute of Management, RANEPA (Russia, St. Petersburg)

SERGEVNIN Sergey, Doctor of Laws, Professor, Dean if the Faculty of Law, Head of the Department of History and Theory of State and Law, North-West Institute of Management of RANEPA, Honored Lawyer of the Russian Federation (Russia, St. Petersburg)

STAROVOITOV Alexander, Doctor of Laws, Professor Head of the Department of Constitutional and Administrative Law, North-West Institute of Management of RANEPA, Honored Lawyer of the Russian Federation (Russia, St. Petersburg)

TOROPYGIN Andrey, Doctor of Political Sciences, Professor, North-West Institute of Management of RANEPA, editor of the "Politics" section (Russia, St. Petersburg)

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Doctor of Laws, Leading Researcher, Sector of International Legal Studies, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the Eurasian Law Journal (Russia, Moscow)

KHASH-ERDENE Sambalhundev, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chairman of the society "Knowledge" of Mongolia (Mongolia, Ulan-Bator)

CHEN ZHIGAN, Doctor of Economics, Vice-President of the Chinese Business Center in St. Petersburg (China, Beijing)

**ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:
ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА**
Международный научно-аналитический журнал
Том 15, № 1 2021

Содержание

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Глазьев С. Ю.

ЕАЭС: от политики *status quo* к сценарию «Собственный центр силы» 11

ГЛАВНОЕ

Шамахов В. А., Межевич Н. М.

Дивный старый мир и новые факторы развития 15

ЭКОНОМИКА

Куклина Е. А.

Современный Китай в экономическом пространстве Арктики 22

Беляев Л. С., Подковальников С. В., Чудинова Л. Ю.

Электроэнергетическая реинтеграция России со странами Центральноазиатского
и Каспийского регионов 32

ПРАВО

Царёва Л. В.

Ограничение прямых иностранных инвестиций: правовые аспекты в контексте евразийской
интеграции 44

Мячина А. Г.

Привилегии и иммунитеты персонала международных организаций 55

Беляков В. Г.

К вопросу о правовом статусе морских автономных аппаратов 62

Chuluunbat Sharkhuu, Min-Sik Lee

Fear of Crime among Mongolians in the Ulaanbaatar Metropolitan Area 68

ПОЛИТИКА

Кожухова К. Е.

Российско-китайское взаимодействие в сфере обеспечения стратегической стабильности 81

Карпенко Ю. О., Шумилов М. М.

Институционализация антитеррористического сотрудничества на евразийском пространстве:
проблемы и перспективы 88

Когут В. Г., Нурышев Г. Н.

Карабахский узел геополитических противоречий на Южном Кавказе 104

Передня Д. Г.

Географическая индетерминированность государственно-гражданской идентичности
русской молодежи 112

Храмова А. В.

Стратегическое развитие Евразийского экономического союза в эпоху коронакризиса 125

Саямов Ю. Н.

Политические проблемы и ракурсы безопасности: состояние и перспективы 133

ЕВРАЗИЙСКАЯ ХРОНИКА

..... 146

РЕЦЕНЗИИ

Шехова Н. В.

Рецензия на учебник под общей редакцией В. А. Шамахова и В. П. Кириленко «Морское право
и международный морской бизнес» 150

АВТОРАМ ЖУРНАЛА «ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА»

Правила оформления статей, принимаемых к рассмотрению редакцией научно-аналитического
журнала «ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА» 152

EURASIAN INTEGRATION: economics, law, politics

International scientific-analytical journal

Vol. 15 No 1 2021

CONTENTS

FROM THE EDITOR-IN-CHIEF

Sergei Yu. Glazyev

EEU: from the *status quo* Policy to the Scenario "Own Center of Power" 11

MAIN

Vladimir A. Shamakhov, Nikolay M. Mezhevich

A Wonderful Old World and New Factors of Development 15

ECONOMICS

Evgenia A. Kuklina

Modern China in the Arctic Economic Space 22

Lev S. Belyaev, Sergei V. Podkovaalnikov, Lyudmila Yu. Chudinova

Electric Power Reintegration of Russia with the Countries of the Central Asian and Caspian Regions 32

LAW

Liudmila V. Tsareva

Foreign Direct Investment Restrictions: Legal Aspects in the Context of Eurasian Integration 44

Alina G. Miachina

Privileges and Immunities of the International Organizations Staff 55

Vladislav G. Belyakov

On the Issue of the Legal Status of the Marine Autonomous Vehicles 62

Chuluunbat Sharkhuu, Min-Sik Lee

Fear of Crime among Mongolians in the Ulaanbaatar Metropolitan Area 68

POLITICS

Kira E. Kozhukhova

Russian-Chinese Cooperation in Ensuring Strategic Stability 81

Julia O. Karpenko, Mikhail M. Shumilov

Institutionalization of Counter-Terrorism Cooperation in the Eurasian Area: Current Issues
and Prospects 88

Victor G. Kogut, Gennady N. Nuryshv

Karabakh Knot of Geopolitical Contradictions in the South Caucasus 104

Dmitriy G. Perednya

Geographic Indeterminacy of the Russian Youth State and Civic Identity 112

Alexandra V. Khranova

Strategic Development of the Eurasian Economic Union in the Coronacrisis Era 125

Yury N. Sayamov

Political Problems and Angles of View on Security: Present State and Prospects 133

EURASIAN CHRONICLE

..... 146

REVIEW

Natalia V. Shekhova

Review for a Textbook Edited by V. A. Shamakhov and V. P. Kirilenko "The Law of the Sea
and International Maritime Business" 150

For the authors of the journal "Eurasian Integration: Economics, Law, Politics"

Rules for the design of articles accepted for consideration by the editors of the scientific and analytical
journal "Eurasian Integration: Economics, Law, Politics" 152

ЕАЭС: от политики *status quo* к сценарию «Собственный центр силы»

На страницах журнала, затрагивая те или иные аспекты развития евразийской экономической интеграции, анализируя их под разным углом зрения, предлагая те или иные меры по повышению эффективности ЕАЭС, мне, как автору, и Вам, уважаемый читатель, приходится оглядываться на уже пройденные этапы, делать отсылку к принятым и уже реализуемым документам. Утвержденная главами государств ЕАЭС 11 декабря 2020 г. Стратегия развития евразийской экономической интеграции (далее — Стратегия) — целеустановочный документ до 2025 г., фактически дорожная карта всех интеграционных усилий, призванная уплотнить экономические связи государств-членов и обеспечить принципиально иное качество единого экономического пространства. Именно поэтому мы будем регулярно обращаться к предусмотренным Стратегией мероприятиям, раскрывать их сущность, проводить содержательную экспертизу механизмов реализации стратегической повестки.

Предлагаю развернуть такую глубокую и заинтересованную дискуссию уже с этого номера «Евразийской интеграции».

Все стратегические направления, так или иначе, ориентируются на «инновационный путь развития». В частности, по всем сферам интеграции предусматривается использование современных цифровых технологий; к тому же необходимые для их повсеместного внедрения меры сосредоточены в соответствующем направлении. Специальное направление посвящено научно-техническому сотрудничеству. Оно включает меры и механизмы, такие как: реализация согласованных государствами-членами совместных программ и высокотехнологичных проектов с привлечением международных институтов развития — Евразийского банка развития и Евразийского фонда стабилизации и развития; мониторинг технологических разработок инновационных компаний и внедрение современных методов технологического прогнозирования в целях информационного обеспечения развития экономик государств-членов на передовой технологической основе; формирование национальных баз данных информации по науке, в том числе технологий, по единому межгосударственному кодификатору.

Стратегией предусмотрены конкретные меры по повышению эффективности регулирования общего рынка ЕАЭС, а также устранения узких мест в развитии Союза. В частности, в документе прописаны два направления — выработка гибких механизмов целевого содействия экономическому развитию; выстраивание эффективной системы управления совместными кооперационными проектами и их финансирования, создание и развитие высокопроизводительных, в том числе экспортно-ориентированных секторов экономики. Ими заложены ключевые мероприятия, призванные достроить единое экономическое пространство, исходя из целей строительства Союза как субъектного объединения с целостной системой стратегического и индикативного планирования, прогнозирования. Здесь «защиты» важные механизмы, такие как: выработка концептуальных подходов к формированию механизмов содействия экономическому развитию государств-членов; определение принципов и критериев поддержки развития экономик государств-членов в целях обеспечения инклюзивного экономического развития, включая механизмы сближения уровней экономического развития государств-членов; активизация развития

межрегионального торгово-экономического сотрудничества; определение перечня приоритетных интеграционных инфраструктурных проектов.

Кроме этого, ряд мер и механизмов «Стратегии-2025» сконцентрированы на создании условий для развития высокопроизводительных секторов экономики: разработка основных направлений промышленного сотрудничества в рамках Союза на очередной период; реализация проекта «Евразийская сеть промышленной кооперации, субконтракта и трансфера технологий»; снижение трансграничных барьеров и формирование условий для производственной кооперации. Таким образом, гибкие механизмы всемерного стимулирования экономического роста вкупе с продуманной системой развития промышленной кооперации и выращивания производственных лидеров, опирающихся, прежде всего, на внутренние заделы и технологии выпуска востребованной продукции, способны обеспечить необходимый импульс динамичному развитию экономики ЕАЭС.

Работу по формированию союзного индустриально-технологического профиля важно подкрепить эффективными решениями по устранению барьеров на общем рынке — их наличие вполне естественно для этапа формирования единого экономического пространства, поскольку по мере роста конкурентоспособности и связности экономик эта проблема будет нивелироваться. Стратегическими направлениями предусмотрены необходимые для этого меры и механизмы. Одна из мер документа уже оформлена Коллегией ЕЭК в виде принятого в феврале 2021 г. решения «Об утверждении Методологии разделения препятствий на внутреннем рынке Евразийского экономического союза на барьеры, изъятия и ограничения и признания барьеров устраненными». Оно определено будет способствовать наведению порядка в сфере идентификации препятствий и наряду с ранее принятыми решениями содействовать устранению препятствий в едином экономическом пространстве.

Сквозной, проходящей через все функции ЕЭК, темой является цифровая повестка Союза, которая должна быть упорядочена в рамках создаваемой Интегрированной информационной системы. Появление такой работоспособной системы призвано повысить совокупную эффективность интеграционного строительства как в рамках межгосударственных взаимодействий, так и в регулировании общего рынка. Ключевые меры по цифровизации выделены в специальное направление, которое включает следующие меры и механизмы: обеспечение прослеживаемости товаров, ввозимых на таможенную территорию Союза и перемещаемых между государствами-членами; разработка единого цифрового каталога товаров Союза на основе интеграции национальных каталогов государств-членов; развитие трансграничного пространства доверия, информационного взаимодействия и электронного документооборота; разработка и принятие актов органов Союза по созданию, развитию трансграничного пространства доверия в части установления требований к механизмам обеспечения информационного взаимодействия хозяйствующих субъектов с органами государственной власти государств-членов. Блок вопросов также включает формирование евразийских цифровых экосистем, в том числе с использованием интегрированной информационной системы Союза, а также создание кросс-отраслевых цифровых экосистем в рамках цифровой трансформации в Союзе (в частности, в сфере промышленной кооперации, транспорта и логистики, трудоустройства и занятости и др.).

Развитие транспорта и инфраструктуры, согласно Стратегическим направлениям, ориентирует на «последовательное и поэтапное формирование единого транспортного пространства». Для реализации крупномасштабных проектов в этой сфере Стратегией предусматриваются такие меры и механизмы, как создание транспортных коридоров, в том числе трансконтинентальных и межгосударственных, увеличение пассажирских и грузовых перевозок с целью реализации транзитного и логистического потенциала Союза. В числе прочего документ предусматривает реализацию государствами-членами совместных масштабных высокотехнологичных проектов, способных стать символами евразийской интеграции, выстраивание эффективной системы управления совместными кооперационными проектами и их финансирования, в том числе путем использования потенциала Евразийского банка развития, Евразийского фонда стабилизации и развития и иных институтов развития, осуществляющих деятельность в Союзе, а также Международного финансового центра «Астана». В дополнение к перечисленному стратегический документ предусматривает разработку и реализацию программы научно-технического развития

Союза на долгосрочный период, имеющей «рамочный» характер, реализацию совместных проектов по импортозамещению, а также создание механизма реализации совместных инфраструктурных проектов, инвестиционных и научно-технологических консорциумов.

Особое место Стратегией отводится мерам по реализации концепции формирования общего финансового рынка ЕАЭС, утвержденной главами государств 1 октября 2019 г. В соответствии с этим основополагающим документом государства-члены в период до 2025 г. определяют согласованные подходы к взаимному признанию лицензий посредством реализации механизма стандартизированной лицензии для учреждения юридического лица в банковском и страховом секторе, а также к трансграничной поставке финансовых услуг в секторе рынка ценных бумаг в рамках общего финансового рынка.

Концепция формирования общего финансового рынка носит всеобъемлющий характер, поскольку, помимо обеспечения национального режима для всех поставщиков финансовых услуг на едином рынке ЕАЭС, ею предусмотрено: развитие инфраструктуры общего финансового рынка, формирование общего биржевого пространства, защита прав и интересов инвесторов и потребителей финансовых услуг на общем финансовом рынке, обеспечение кибербезопасности, а также развитие общего платежного пространства.

Стратегия развития евразийской экономической интеграции до 2025 г. существенно уточняет и дополняет концепцию, задавая новые содержательные мероприятия, которые позволят более решительными темпами оформить финансовый рынок Союза. Так, Стратегией предусмотрена проработка вопроса по разработке и заключению международного договора о наднациональном органе по регулированию общего финансового рынка Союза; мониторинг и анализ использования национальных валют во взаимных расчетах государств-членов и разработка предложений по расширению их использования; разработка и заключение международного договора о допуске брокеров и дилеров одного государства-члена к участию в организованных торгах бирж (организаторах торговли) других государств-членов. Кроме целого перечня конкретных мер речь также идет об общих подходах к обращению ценных бумаг на организованных торгах в государствах-членах, а также об уточнении позиций государств Союза в части развития общего платежного пространства. Стратегией также предусмотрена проработка вопроса о взаимном признании национальных рейтинговых агентств с возможным последующим созданием союзного рейтингового агентства. Мы не можем более полагаться на субъективизм американской «большой тройки», которая по надуманным предлогам систематически публично влияет на инвестиционный климат в России и государствах-союзниках.

И наконец, важно упомянуть о «формировании Союза как одного из наиболее значимых центров развития современного мира», как выражении, прежде всего, его внутренней состоятельности и конкурентоспособности. Блок Стратегии, позиционирующий ЕАЭС как полноценного игрока в международных экономических отношениях, содержит весьма обстоятельное изложение внешнеэкономической стратегии Союза. При этом предлагается рассматривать упрочение торгово-экономических и инвестиционных связей с третьими странами и их объединениями в контексте заявленной Президентом России В. Путиным линии на формирование Большого евразийского партнерства (БЕП). Подготовленные нами концептуальные предложения по оформлению партнерства ориентированы на превращение Евразии в зону мира, сотрудничества и процветания. Создание такой зоны предусматривает решение не только задач по формированию преференциальных режимов торгово-экономического сотрудничества, но также развитие материковой транспортной, информационной и энергетической инфраструктуры, гармонизацию международной производственно-технологической кооперации, переход к справедливой системе валютно-финансовых отношений.

Создание БЕП может послужить основой формирования нового мирохозяйственного уклада, отличающегося от нынешней системы либеральной глобализации на принципах Вашингтонского консенсуса восстановлением значения национального суверенитета и разнообразия национальных политик развития, полицентричностью, взаимовыгодностью международного экономического сотрудничества на принципах добровольности, равноправия, прозрачности, строгого соблюдения норм международного права.

Что касается шагов со стороны ЕЭК по формированию БЕП, то, по сути, международная деятельность Союза и обеспечивает необходимую основу для реализации концепции. Речь идет о формировании сети партнерских отношений с третьими странами и региональными объединениями как в формате торговых соглашений, так и рамочных меморандумов о комплексном взаимодействии. Уже имеются промежуточные результаты. ЕЭК установила прямые отношения с АСЕАН, СНГ, в завершающей стадии формализация диалога с ШОС, происходит взаимодействие с правительствами десяти стран Евразии в формате меморандумов (Бангладеш, Греция, Иордания, Индонезия, Камбоджа, Молдова, Монголия, Сингапур, Таиланд, Фарерские острова), с четырьмя странами — в формате соглашений о свободной торговле (Вьетнам, Сингапур, Сербия, включая временное соглашение с Ираном) и одним государством — КНР — в формате соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве. Узбекистан, Молдова и Куба наделены статусом государств-наблюдателей при ЕАЭС, что позволяет им поддерживать высокий уровень информированности о процессах евразийской экономической интеграции, оценивая баланс всех «за» и «против» в отношении присоединения к договорно-правовой базе ЕАЭС и, таким образом, полноправного членства.

Итак, имеющийся в нашем распоряжении стратегический документ до 2025 г., а также утвержденный Советом ЕЭК План реализации этого документа с детализацией по срокам и ответственным исполнителям задает контуры дальнейшего движения в среднесрочном периоде и направлен на выправление имеющихся экономических диспропорций, способствует реальной конвергенции социально-экономических систем на основе тщательно отобранного инструментария и координации (согласования) перспективных политик развития. У меня нет сомнений, что исполнение предусмотренных мероприятий и кумулятивный эффект от реализации совместных кооперационных проектов положительно скажется на темпах прироста промышленного производства, настроении субъектов предпринимательства, социальном самочувствии граждан государств — членов ЕАЭС.

Сергей Глазьев, главный редактор, академик РАН

Дивный старый мир и новые факторы развития

Шамахов В. А.^{1,*}, Межевич Н. М.²

¹ Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Российская Федерация;

* shamakhov-va@ranepa.ru

² Институт Европы РАН, Москва, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Весьма сложные тенденции глобального развития получают новую трактовку в настоящее время. Эпидемия и пандемия ускоряют действующие тенденции мирового развития, как очевидно отрицательные, так и условно положительные. Однако нового качества международных отношений, в том числе международных внешнеэкономических отношений не появилось. Неизбежно обострение традиционных противоречий между организациями, странами, классами и социальными группами.

Ключевые слова: кризис, пандемия, мировая экономика, Европейский союз, тенденции развития

Для цитирования: Шамахов В. А., Межевич Н. М. Дивный старый мир и новые факторы развития // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. № 1. С. 15 – 21.

A Wonderful Old World and New Factors of Development

Vladimir A. Shamakhov^{a,*}, Nikolay M. Mezhevich^b

^a Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint Petersburg, Russian Federation; * shamakhov-va@ranepa.ru

^b Institute of Europe of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The very complex trends in global development are now being reinterpreted. The epidemic and pandemic were accelerating current trends in world development, both obviously negative and conditionally positive. However, there is no new quality of international relations, including international foreign economic relations. Inevitably, traditional contradictions between organizations, countries, classes and social groups are exacerbated.

Keywords: crisis, pandemic, world economy, European Union, development trends

For citing: Shamakhov V. A., Mezhevich N. M. A Wonderful Old World and New Factors of Development // Eurasian integration: economics, law, politics. 2021. No. 1. Pp. 15 – 21.

Как известно, кризис это не одномоментное явление, а форма существования общества или экономики на протяжении многих лет, а может быть, и десятилетий. В этом контексте текущий кризис ничем не отличается от предыдущих. С нашей точки зрения, нет никаких принципиально новых сюжетов в мировой экономике и мировой политике. Мы наблюдаем ситуацию, чем-то напоминающую шахматы. Да, каждая партия неповторима. Возможен итальянский дебют — «тихое начало», испанская партия, ферзевой гамбит и многое-многое другое. Конечно, возможны сочетания всех видов, количество вариантов велико, но все-таки ограничено, и профессионалы видят, кто и что играет.

Аналогично в современной мировой экономике. Практически все характеристики современной ситуации уже были с той или иной степенью подобия. Даже сочетания факторов показывают не столько

новизну, сколько традицию. Да, экологизация, цифровизация и некоторые иные относительно новые вызовы маскируют традиционную природу кризиса, но не отменяют ее в принципе. В этом контексте задача данной статьи — показать то, что ничего принципиально нового в глобальной экономике и в мировом развитии в целом не происходит. Используя термин Л. Н. Гумилёва, перед нами не «конец и вновь начало», а медленное и постепенное приближение конца. Однако в данный текущий момент мы видим некоторую интенсификацию традиционных процессов, что делает соблазнительной попытку найти какую-то принципиальную непредсказуемость глобального развития.

У авторов-экономистов нет никаких оснований давать прогноз эпидемиологической ситуации. Мы исходим из того, что в любом случае ситуация с коронавирусом уже стала фактором развития. В ближайшие десятилетия мировая экономика будет проходить через обострение всех проблем, существовавших и заведомо известных до пандемии.

Новый — старый характер развития мировой экономики

Все ключевые тенденции развития мировой экономики будут развиваться с учетом нового эпидемиологического фактора. На фоне исключительно высокой неопределенности прогнозируется, что рост мировой экономики составит 5,5% в 2021 г. и 4,2% в 2022 г. Прогноз на 2021 г. пересмотрен в сторону повышения на 0,3%-ного пункта по сравнению с предыдущим прогнозом, принимая во внимание ожидания роста экономической активности в последующие месяцы текущего года благодаря вакцинам и дополнительной поддержке со стороны мер политики в нескольких крупных странах¹.

В докладах международных организаций COVID-19 уже называют «общей угрозой» и «великим уравнивателем», это не так. В экономическом смысле эпидемия только ускорила все процессы разбалансировки глобальной экономики. К примеру, процесс замещения доллара и евро будет продолжаться. Причем, помимо важной и изученной дедолларизации, внимание привлекает и ситуация с евро: «...Доля евро в валютных резервах различных центральных банков быстро достигла довольно большой величины. Однако по факту эта доля никогда не превышала суммарной доли европейских валют — немецкой марки, французского франка, голландской кроны и ЭКЮ — в резервах центральных банков в период до появления евро. Этот момент очень важен. Неспособность евро превзойти суммарную долю денежных единиц из стран европейского валютного союза доказывает, что, вопреки надеждам и иногда опасениям некоторых международных экспертов, появление общеевропейской денежной единицы не создало никакой новой специфической динамики» [12].

Состояние мирового финансового рынка не может быть прежним, т. к. он давно не существовал в условиях частичной изоляции. Формирование всевозможных финансовых пузырей было характерно для мировых финансовых рынков и раньше. Новым является лишь совокупность дополняющих условий, мешающих принять однозначные выводы. Можно ли считать следующий абзац примером логики: «В экономической сфере корректировка голосов во Всемирном банке, Международном валютном фонде и банках развития будет продолжаться, уменьшая влияние западных держав в пользу растущих держав, особенно восточноазиатских. Кроме того, три региональных торговых и инвестиционных центра глобального значения — Восточная Азия, Европа и Северная Америка — будут продолжать институциональную консолидацию»²? С нашей точки зрения, первое противоречит второму. Какая консолидация возможна в условиях, когда одни участники теряют экономическую мощь, а другие наращивают? Заключение договора о Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП) — соглашение о свободной торговле, охватывающее почти треть населения мира и 30% мирового ВВП, — стало реальностью. Сделка, заключенная между Китаем, десятью странами — участницами АСЕАН, Австралией, Новой Зеландией, Японией и Южной Кореей, практически не имеет равных.

¹ [Электронный ресурс]. Международный валютный фонд. Январь 2021 г. URL: <https://www.imf.org/ru/Publications/WEO/Issues/2021/01/26/2021-world-economic-outlook-update> (дата обращения: 10.03.2021).

² Грэм Т. Утопия многообразного мира: как продолжается история [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/kak-ostanovit-volnu-globalnogo-besporядka/> 22.02.2021 (дата обращения: 10.03.2021).

В текущих условиях очень важна страновая специфика, оценка экономической роли отдельных стран. Начнем с Китая, а не с США. Укажем на позицию, которую занимает руководитель отдела экономических исследований Института Европы РАН А. И. Бажан, указывающий на важную роль Китая в формировании современных проблем глобальной экономики: «Сверхбыстрое развитие китайской экономики и завоевание мирового рынка опирается не только на низкие издержки предприятий, но и на государственную протекционистскую политику поощрения роста... Соединение естественных экономических преимуществ КНР в форме дешевизны труда с государственной политикой поддержки роста дает колоссальные конкурентные преимущества китайским компаниям на внешнем и внутреннем рынках» [2, с. 150].

Следующий вопрос: как эпидемия и пандемия отражаются на указанных процессах? С нашей точки зрения эпидемия и пандемия не более чем катализатор средней силы для тех процессов, которые и так очевидны в мировой экономике. Полуизоляция в пределах национальных правовых юрисдикций защищает страну от транснациональных проблем, но одновременно означает вызовы национальным экономическим системам. Что же касается цифровизации как тенденции развития, то информационно-коммуникационные технологии развивались и ранее, причем весьма высокими темпами. Таким образом, и в этом случае мы не наблюдаем новых тенденций, перед нами не более чем актуализация старых. Пандемия заставляет нас вспомнить слова Уоррена Баффета, сказавшего: «Узнать, кто плавает голым, можно только во время отлива» [11, с. 160]. В мировой экономике ситуация аналогичная, пандемия может показать, чей экономический потенциал реален в настоящее время, а какие страны, как луна, светят отраженным светом или светом прошлого.

Экономика и политика

Вопрос о том, как политика и идеология или ее отсутствие влияют на экономическое, социальное развитие мира, всегда интересовал ученых. Политика, безусловно, влияет на экономику, так как экономические решения принимают те или иные властные структуры. Система их взаимодействия, лоббизм и общественные группы совокупно влияют на процесс принятия экономических решений и перераспределения финансовых и экономических ресурсов. Более того, экономические проблемы оцениваются, так или иначе, через призму определенных политических убеждений. И в целом экономическое развитие зависит от политических задач и государственной политико-экономической идеологии (например, неолиберализма).

Любое экономическое решение несет в себе как позитивные, так и негативные моменты, однако именно политические интересы оправдывают определенный выбор. Сейчас очевидно, что, когда в США или Великобритании ставилась задача осуществить реформирование на принципах монетаризма, политические лидеры этих государств обратились именно к тем экономистам, которые могли дать теоретическое подтверждение правильности данного выбора. Да и сама экономика нуждается в поддержке со стороны политиков, которые должны объяснить населению политический смысл принятых решений. Именно политика определяет весь комплекс вопросов, от приватизации до налоговых реформ во всех государствах мира¹. Впрочем, вопрос о соотношении экономики и политики изучается достаточно давно, хотя и говорить о каком-то результате все равно не получается.

«После завершения холодной войны торжество стран Запада требовало своего институционально-правового закрепления. Точнее, сила той группы, которая в результате продолжительной борьбы добилась доминирования в мире, должна была обрести характер права. С одной стороны, это позволило бы приглушить очевидную несправедливость нового порядка. А с другой, придать ему форму общепринятой нормы, что сделало бы такой порядок относительно устойчивым. Одним из центральных инструментов стало стремительное движение к распространению господствующих на Западе представлений о морали (и моральности войны в первую очередь) в качестве международных норм поведения» [3]. Память об очевидных победах в недавнем прошлом ведет к поражениям в будущем.

¹ Pettinger T. The Relationship between Economics and Politics [Электронный ресурс] // Economics, 14 July 2017. URL: <https://www.economicshelp.org/blog/11298/concepts/the-relationship-between-economics-and-politics/> (дата обращения: 10.03.2021).

Суверенитет в глобальном мире

События на мировых финансовых рынках, следующие с конца 1990-х гг., по сути, ставили мир перед необходимостью поиска совместного механизма, позволяющего предотвращать кризисы либо строить национальную систему защиты. Иными словами, отказ от суверенитета мог бы быть молчаливо признан, если бы глобальные механизмы заработали, но этого не произошло. «Наиболее значимым в 2020 г. стало небывалое повсеместное закрытие границ — символ порыва к максимальной суверенизации. Замыкание в пределах национальных юрисдикций имело целью заслониться от проблемы, имеющей транснациональный характер, и одновременно означало растерянность перед вызовом, который пандемия бросила национальным системам здравоохранения и безопасности вообще. Закрытие границ и невозможность прямого общения привели, причем повсеместно — от государственного управления до образования и науки, к невиданному расцвету информационно-коммуникационных технологий» [13, с. 4].

Ресуверенизация явление не новое. То, что считается чертой нового мира, уже было. Возникновение пост-вестфальского мира и версальская система — триумф ресуверенизации. Затем «в странах Восточной Европы, где после 1989 г. шел процесс строительства нации-государства (nation building) и возникали новые государства, их роль, казалось бы, возрастала... Этому способствовали глобализация рынков, усиливающееся давление со стороны субнациональных акторов... которые ставили пределы для национальных правительств в перераспределении средств и возможностях контроля» [7, с. 69]¹. Безусловно, мы и ранее знали то, что государства суверенны, но наблюдали и формирование «высокой» международной — транснациональной власти, которой государства постепенно подчиняются. Победа глобализации оказалась не окончательной, и, мы считаем, то, что идет не наступление новой тенденции, но возврат к предшествующей, — ресуверенизация. «Первое — этот мир становится пространственным. Этот мир — это полная антитеза миру поздней глобализации... Второе — это вопрос, связанный с национальным суверенитетом. Национальный суверенитет становится принципиальным вопросом развития»².

Традиционный спор о том, что первично, экономика или политика в современных условиях, предполагает первенство политических приоритетов. Частный случай этой ситуации — очередное сражение концепции «глобального мира» и «глобальной экономики» с традицией национального государства [10, с. 22–27]. На текущем этапе мы видим неудачную попытку демонтажа национального государства. «Многоцветный ковер мира не получится превратить в коврик у двери, на котором преобладает всего один цвет»³. Именно поэтому осторожно и аккуратно начинается реабилитация национализма: «Для продвижения лучших и более прогрессивных форм национализма национальным лидерам придется самим стать лучшими националистами и научиться заботиться об интересах всех групп населения своих стран» [5].

Национальное государство выдержало удар, и замены его наднациональными структурами и регуляторами, более полно отвечающими интересам процесса глобализации, не предполагается ввиду кризиса самих процессов глобализации. При этом задача обеспечения суверенитета национального государства никуда не исчезла.

Главная угроза для национального государства на этом этапе — другие суверенные государства, а не глобальный порядок. О каких государствах идет речь? Обратимся к Р. Куперу: «Наиболее очевидная особенность этого мира — американское господство» [9]. Впрочем, очевидное в 2010-м не столь очевидно сейчас. Американское господство воспринимается как угроза не противниками США, а ее союзниками. Именно американское господство обеспечивает «...распространение финансовой нестабильности, возникающей в одном из звеньев мировой финансово-экономической системы, будет стремительным и разрушительным, что вызовет масштабные финансовые шоки в мировой экономике и в экономике отдельных стран мира» [1, с. 35].

¹ Зегберс К. Сшивая лоскутное одеяло... // Pro et Contra. 1999. Т. 4. № 4.

² Естафьев Д. Мир на пороге «коалиционной полицентричности» [Электронный ресурс]. URL: <https://russkie.org/articles/mir-na-poroge-koalitsionnoy-politsentrichnosti/?fbclid=IwAR0goSHUxvXOO7VB3slK9h7gtFA54BgTXHEVh57S8> (дата обращения: 02.03.2021).

³ Мюллерсон Р. Большая игра либерального империализма [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/bolshaya-igra/> (дата обращения: 30.12.2018).

Европа и мир глобальных проблем

Продолжающаяся эпидемия показала то, что Европейский союз — объединение суверенных государств, каждое из которых участвует в интеграции для реализации своих интересов. Сам процесс интеграции эффективен до того ключевого момента, когда интересы Брюсселя приходят в противоречие с национальными интересами. При этом условный «Брюссель» — только инструмент в руках некоторых национальных столиц, некоторых, но не всех.

Перед нами, во-первых, кризис европейской идеи, во-вторых, кризис конкретной практики ее реализации в политической сфере. Россия не собирается покидать Европейский континент ни экономически, ни политически, ни ментально. С тех пор как Екатерина II в «Наказе комиссии по составлению нового уложения» подчеркнула, что «Россия есть Европейская держава», прошло почти 250 лет, и это, при всех гигантских переменах в мире, остается и будет оставаться истиной¹. Однако что делать, если Европейский союз взял курс на изоляцию России? «Евросоюз из образца разумной предсказуемости стал, по сути, одним из наиболее явных источников глобальной неопределенности»².

С теоретической точки зрения возможно следующее объяснение. Европейская интеграция объяснима через понимание такого явления, как рекуррентное состояние (*recurrent state*). Речь идет о концепции совокупности песчинок в песочных часах. Песок сыпется сверху, и до какого-то момента совокупность песчинок растет вверх, но затем рост вверх прекращается и начинается рост в ширину. Именно это и происходит в Европе. «Достигнув пика по какой-то из линий (например, материальных ресурсов), она далее, даже при добавлении ресурсов, будет осыпаться и возвращаться к одной и той же точке. Линейное продолжение роста и переход в новое качество невозможны, — достигнут предел какого-то „ресурса“, и далее происходит только его исчерпание. По всей видимости, именно это происходит на наших глазах прямо сейчас»³. Политическая активность Брюсселя жестко лимитирована экономическими трудностями, внутривнутриполитическими вызовами.

Экономический кризис, вызванный не пандемией, но в пандемию обострившийся, свидетельствует об углубляющемся расколе в рамках Европейского валютного союза между Севером и Югом, Западом и Востоком. Интересный тезис профессора, д. э. н. О. В. Буториной, приведенный ниже, относится к предшествующему кризису, но насколько точно это описание подходит к текущей ситуации. Только цифра несколько изменилась... «Экономический кризис в Евросоюзе продолжается пятый год. На его преодоление потрачена гигантская сумма — 4,5 трлн евро, или 37% совокупного ВВП стран ЕС. Хотя страны ЕС не были первоисточником кризиса, масштаб происходящих потрясений свидетельствует о наличии глубоких внутренних проблем в структуре экономики и макроэкономической политике на национальном и наднациональном уровнях». И далее Буторина пишет о том, что следует «задуматься о том, насколько нынешняя модель европейской интеграции жизнеспособна в средне- и долгосрочной перспективе, а также об изменениях, которые она должна претерпеть, чтобы адекватно отвечать на вызовы глобализации» [4, с. 99].

Виденье глобального мира европейцами существенно изменилось при Трампе. Однако и после Трампа ожидаемое спокойствие не вернулось. Да, США — гарант безопасности, но это не исключает вопросов к политической и экономической модели Соединенных Штатов. Определенная часть политического класса и граждан в государствах ЕС считает, что Европа становится заложником антикитайской и антироссийской политики. При этом позиционирование Вашингтона как на самого важного партнера в военной сфере сомнению не подлежит.

¹ Медведев Д. А. Новая реальность: Россия и глобальные вызовы [Электронный ресурс] // Российская газета RG.RU (Федеральный выпуск). № 6785. 24 сентября 2015 г. URL: <http://www.rg.ru/2015/09/23/statiya-site.html> (дата обращения: 28.02.2020).

² Лукьянов Ф. Обратная сторона Греции [Электронный ресурс] // Российская газета RG.RU. 8 июля 2015 г. URL: <http://www.rg.ru/2015/07/07/kolonka.html> (дата обращения: 10.03.2021).

³ Сценарии миропорядка будущего: кризис либерального миропорядка и исчерпание ресурсных ниш [Электронный ресурс] // Российская газета RG.RU. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/stsenarii-miroporyadka-budushchego-krizis-liberalnogo-miroporyadka-i-ischerpanie-resursnykh-nish/> (дата обращения: 17.11.2020).

О демократии в условиях пандемии

Эпидемия в экономическом плане будет оцениваться еще долгие годы, и не факт, что все удастся посчитать. Политический результат эпидемии очевиден. В Европе окончательно сформировался «недемократический либерализм». «Политический режим, где присутствует только второй элемент из известного триптиха: “власть народа, избранная народом и для народа”. То есть участие граждан во власти является формальным и неэффективным, а управление осуществляется не в интересах большинства»¹. Да, «демократия, какой бы она ни была, — это лучшее, и при необходимости допустимы и оправданны отступления или даже отказ от определенных принципов и норм демократии, если это вызвано неизбежностью противостоять большому злу. В этом берут свое начало многие характеризующие современную демократию черты: готовность лгать и обманывать общество во имя борьбы со злом, стремление контролировать общество во имя его же блага и безопасности, установление двойных стандартов во внешней политике посредством оправдывания друзей и порицания врагов, следование интересам, а не принципам, игнорирование общественного мнения и манипуляция им — и при всем этом способность продолжать декларировать демократию и ее ценности» [8, с. 40]. Кризис либеральной идеологии неизбежен потому, что это «отступление западноцентричного мирового порядка и обслуживающего его политического неолиберализма, который в своей части вырождается в пропаганду, в том числе псевдонаучную» [6, с. 17].

Подведем итоги. Эпидемия не обозначила новых экономических и политических процессов. Все, что мы видим сегодня, в первой половине 2021 г., уже было замечено ранее. Разумеется, это не «бег по кругу», а развитие «по спирали». Ускорение не есть новая тенденция. Не извлечение уроков из предшествующих кризисов было обьязано привести к следующему. Именно это мы и наблюдаем в настоящее время.

Литература

1. Андрианов В. Мировые системные дисбалансы: дисбаланс между объемом мирового ВВП и размером глобального долга // Общество и экономика. № 12. 2020.
2. Бажан А. И. Замедление роста мировой экономики: кейнсианская и неоклассическая трактовки // Современная Европа. 2020. № 6.
3. Бордачев Т. В. Мораль и реализм во внешней политике. Россия в эпоху международной анархии [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. № 1. 2020 (январь / февраль) URL: <https://globalaffairs.ru/articles/moral-i-realizm-vneshnej-politiki/> (дата обращения: 10.03.2021).
4. Буторина О. Причины и последствия кризиса в зоне евро // Вопросы экономики. № 12. 2012.
5. Виммер А. Почему национализм работает [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. № 2. 2019 (март / апрель). URL: <https://globalaffairs.ru/articles/pochemu-naczionalizm-rabotaet/> (дата обращения: 10.03.2021).
6. Громыко Ал. А. Метаморфозы политического неолиберализма // Современная Европа. № 2. 2020.
7. Зегберс К. Сшивая лоскутное одеяло... // Pro et Contra. № 4. 1999. Т. 4.
8. Креслис У. Политическое развитие Латвии в 20 веке: от «демократии взглядов» и авторитаризма к «демократии денег» // Acta humanitarica universitatis Saulensis. Т. 7. 2008.
9. Купер Р. Раздор между народами. Порядок и хаос в XXI веке. М. : Московская школа политических исследований. 2010. С. 12.
10. Максимцев И. А., Межевич Н. М. Мировая экономика после шока первого полугодия 2020 г.: старые проблемы в новых условиях // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. № 3 (123). 2020.
11. Роджерс Дж. Будущее глазами одного из самых влиятельных инвесторов в мире. Почему Азия станет доминировать, у России есть хорошие шансы, а Европа и Америка продолжают падение / пер. с англ. А. Коробейникова. М. : Манн, Иванов и Фербер. 2013.
12. Сапир Ж. Находимся ли мы на пороге масштабной трансформации мировой экономики? [Электронный ресурс] // Проблемы прогнозирования. № 6. 2020. URL: <https://ecfor.ru/publication/deglobalizatsiya-mirovoj-ekonomiki-zhak-sapir/> (дата обращения: 10.03.2021).

¹ Мюллерсон Р. Как либерализм вступил в конфликт с демократией // Россия в глобальной политике. № 5 (сентябрь/октябрь, 2020). URL: <https://globalaffairs.ru/articles/liberalizm-konflikt/> (дата обращения: 01.09.2020).

13. Утопия многообразного мира: как продолжается история // Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». М., 2020.

Об авторах:

Шамахов Владимир Александрович, директор Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор; shamakhov-va@ranepa.ru

Межевич Николай Маратович, профессор, главный научный сотрудник Института Европы РАН (Москва, Российская Федерация), президент Российской ассоциации прибалтийских исследований; mez13@mail.ru

References

1. *Andrianov V.* Mirovye sistemnye disbalansy: disbalans mezhdu ob"emom mirovogo VVP i razmerom global'nogo dolga // *Obshchestvo i eko-nomika*. № 12. 2020.
2. *Bazhan A. I.* Zamedlenie rosta mirovoi ekonomiki: keinsianskaya i neoklassicheskaya traktovki // *Sovremennaya Evropa*. 2020. № 6.
3. *Bordachev T. V.* Moral' i realizm vo vneshnei politike. Rossiya v epokhu mezhdunarodnoi anarkhii [Elektronnyi resurs] // *Rossiya v global'noi politike*. № 1. 2020 (yanvar' / fevral') URL: <https://globalaffairs.ru/articles/moral-i-realizm-vneshnej-politiki/> (data obrashche-niya: 10.03.2021).
4. *Butorina O.* Prichiny i posledstviya krizisa v zone evro // *Vopro-sy ekonomiki*. № 12. 2012.
5. *Vimmer A.* Pochemu natsionalizm rabotaet [Elektronnyi resurs] // *Rossiya v global'noi politike*. № 2. 2019 (mart / aprel'). URL: <https://globalaffairs.ru/articles/pochemu-naczionalizm-rabotaet/> (data obrashche-niya: 10.03.2021).
6. *Gromyko Al. A.* Metamorfozy politicheskogo neoliberalizma // *So-vremennaya Evropa*. № 2. 2020.
7. *Zegbers K.* Sshivaya loskutnoe odayalo... // *Pro et Contra*. № 4. 1999. Т. 4.
8. *Kreslis U.* Politicheskoe razvitie Latvii v 20 veke: ot «demokratii vzglyadov» i avtoritarizma k «demokratii deneg» // *Acta humanitaria universitatis Saulensis*. Т. 7. 2008.
9. *Kuper R.* Razdor mezhdu narodami. Poryadok i khaos v KhKhI veke. М.: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy. 2010. С. 12.
10. *Maksimtsev I. A., Mezhevich N. M.* Mirovaya ekonomika posle shoka pervogo polugodiya 2020 g.: starye problemy v novykh usloviyakh // *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. № 3 (123). 2020.
11. *Rodzhevs Dzh.* Budushchee glazami odnogo iz samykh vliyatel'nykh inve-storov v mire. Pochemu Aziya stanet dominirovat', u Rossii est' khoroshie shansy, a Evropa i Amerika prodolzhat padenie / per. s angl. A. Korobeinikova. М.: Mann, Ivanov i Ferber. 2013.
12. *Sapir Zh.* Nakhodimsya li my na poroge masshtabnoi transformatsii mirovoi ekonomiki? [Elektronnyi resurs] // *Problemy prognozirovaniya*. № 6. 2020. URL: <https://ecfor.ru/publication/deglobalizatsiya-mirovoj-ekonomiki-zhak-sapir/> (data obrashcheniya: 10.03.2021).
13. Утопия многообразного мира: как продолжається історія // Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». М., 2020.

About the authors:

Vladimir A. Shamakhov, Director of North-West Institute of Management of RANEPa (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), PhD in History, Professor; shamakhov-va@ranepa.ru

Nikolay M. Mezhevich, Chief Researcher of Institute of Europe of the Russian Academy of Science (Moscow, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; mez13@mail.ru

Современный Китай в экономическом пространстве Арктики

Куклина Е. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; kuklina-ea@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В статье представлена экспозиция вопроса по арктическому сотрудничеству России и Китая в контексте развития Евразийского экономического союза. Китай рассматривается как субъект общепринятого сегмента экономики Арктики. Российско-китайское стратегическое сотрудничество в Арктике анализируется сквозь призму сопряжения российского Северного морского пути и китайского Морского Шелкового пути XXI в. (Ледового Шелкового пути). Выявляются ключевые факторы заинтересованности двух стран в совместном развитии Северного морского пути. Определяются перспективные сферы сотрудничества в Арктическом макрорегионе (экспертно-аналитическая деятельность в форме создания российско-китайских «мозговых центров»; инвестиционная деятельность в форме прямых инвестиций в шельфовые нефтегазовые проекты).

Ключевые слова: Китай, Арктика, ЕАЭС, Северный морской путь, Ледовый Шелковый путь, сегмент экономики, инфраструктурные проекты, мозговые центры, шельф, углеводородное сырье

Для цитирования: Куклина Е. А. Современный Китай в экономическом пространстве Арктики // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. № 1. С. 22 – 31.

Modern China in the Arctic Economic Space

Evgenia A. Kuklina

The North-West Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, Russian Federation; kuklina-ea@ranepa.ru

ABSTRACT

The article presents an exposition of Arctic cooperation between Russia and China in the context of the Eurasian Economic Union development. China is viewed as a subject of the generally accepted segment of the Arctic economy. The author analyses Russian-Chinese strategic cooperation in the Arctic through the prism of the conjugation of the Russian Northern Sea Route and the Chinese Maritime Silk Road of the 21st century (Ice Silk Road). The key factors of the two countries' interest in the joint development of the Northern Sea Route are identified. The researcher Kuklina E. A. determines promising cooperation areas in the Arctic macroregion (expert and analytical activities in the form of creating Russian-Chinese "think tanks"; investment activities in the form of direct investments in offshore oil and gas projects).

Keywords: China, Arctic, EAEU, Northern Sea Route, Ice Silk Road, segment of the economy, infrastructure projects, think tanks, shelf, oil and gas

For citing: Kuklina E. A. Modern China in the Arctic Economic Space // Eurasian Integration: economic, law, politics. 2021. No. 1. Pp. 22 – 31.

Введение

В соответствии с Указом Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» необходимо завершить формирование в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) общих рынков товаров и услуг, капитала

и рабочей силы, включая «окончательное устранение барьеров, ограничений и отмену изъятий в экономическом сотрудничестве, при одновременном активном использовании механизмов совместной проектной деятельности»¹.

Логическим развитием положений этого документа на наднациональном уровне стало заключение вступившего в действие с 25 октября 2019 г. Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР (далее — Соглашение), которое создает правовую базу торгово-экономического взаимодействия между ЕАЭС как единым субъектом и Китаем по широкому кругу вопросов². Этот факт представляется закономерным, так как КНР в настоящее время является ключевым партнером для стран ЕАЭС с долей во взаимной торговле более 20%.

Результаты сотрудничества оцениваются экспертным сообществом как многообещающие, открывающие «окна возможностей» для реализации важных транснациональных проектов посредством в том числе и евразийской реинтеграции, а также ее сопряжения с китайской инициативой «Один пояс — один путь». Углубление торгово-экономических связей как внутри ЕАЭС, так и между ЕАЭС и КНР является, безусловно, важнейшим фактором обеспечения устойчивого развития всех участников Соглашения. Собственно, ключевой идеей Большого Евразийского партнерства и является сопряжение ЕАЭС с Китаем и Европой³, чему был посвящен видеофорум «Сопряжение Евразийского экономического союза и китайской инициативы “Один пояс — один путь”», организованный ЕЭК при генеральной поддержке Делового совета ЕАЭС, РСПП и «Деловой России» в октябре прошлого года.

Особую актуальность имеют, по нашему мнению, вопросы российско-китайского стратегического партнерства в Арктическом регионе, которое по праву можно считать императивом нашего времени [7].

Целью предлагаемой статьи является исследование вопросов присутствия современного Китая в экономическом пространстве Арктики.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи:

- дать экспозицию вопроса по арктическому сотрудничеству РФ и КНР;
- рассмотреть Китай как субъект общепринятого сегмента экономики Арктики;
- рассмотреть арктическое российско-китайское стратегическое сотрудничество в проекции сопряжения Северного морского пути (СМП) и Ледового Шелкового пути;
- выявить ключевые факторы заинтересованности двух стран в совместном развитии СМП;
- определить перспективные сферы сотрудничества РФ и КНР в Арктическом макрорегионе.

Для решения поставленных задач используются экспертно-аналитические методы исследования и системный подход.

Результаты

В результате глобализации, развития транспорта и ИКТ произошло существенное приближение Арктики к странам, далеким от «высоких широт». В течение последних лет активность там стремительно наращивает и Китай, который после многолетних усилий в мае 2013 г. получил статус государства — наблюдателя Арктического совета. Заинтересованность Китая в отношении Арктики столь существенна, что в 2009 г. в Шанхае был создан Институт полярных исследований (Polar Research of China). С 1985 г. Китай осуществил пять арктических и двадцать восемь антарктических экспедиций, в том числе с использованием первого ледокола китайского производства «Снежный дракон».

В современном мире Северный Ледовитый океан уже совсем не так далек от КНР. Великая сибирская река Иртыш берет начало на территории Китая, ее воды впадают в Северный Ледовитый океан,

¹ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 15.02.2021).

² Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/Pages/%D0%A1%D0%BE%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D1%81-%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B5%D0%BC.aspx> (дата обращения: 15.02.2021).

³ Сопряжение ЕАЭС с Китаем и Европой — ключевая идея Большого Евразийского партнерства [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/27-10-2020-4.aspx> (дата обращения: 15.02.2021).

а устье расположено поблизости от морского порта Сабетта, который является ключевым элементом транспортной инфраструктуры интегрированного проекта по добыче, сжижению и поставкам природного газа «Ямал СПГ».

Актуальной темой в настоящее время является исследование специфики процесса разработки и реализации проектов в условиях «высоких широт». Мы полностью поддерживаем точку зрения, согласно которой ключевой особенностью таких проектов является их интеграционный и кооперационный характер [2]. В тематике межрегиональной интеграции¹ представлены все классические формы общественной организации производства и социальной сферы.

Экономическое пространство Арктики является неотъемлемой частью как экономики Российской Федерации, так и мировой экономики. В настоящее время экономика Арктического макрорегиона представлена тремя сегментами: общепринятая экономика; традиционная экономика; трансфертная экономика (рисунок 1).

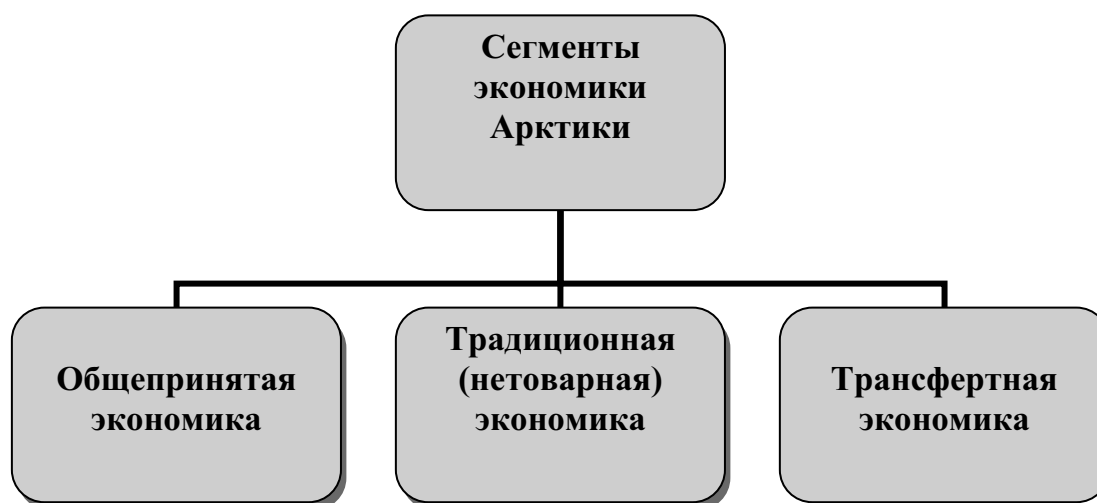

Рис. 1. Сегментирование экономики Арктики

Fig. 1. Segmentation of the Arctic economy

Общепринятая экономика Арктики функционирует в соответствии с теми же принципами и на основании тех же законов, которые являются общими для всех субъектов экономической деятельности вне зависимости от районов их базирования и осуществления хозяйственной деятельности. Вместе с тем особенностью экономики Арктического макрорегиона (как северной экономики) является тесное переплетение предпринимательских и природных рисков, а также более мягкая форма конкуренции по сравнению с присущей экономике южных широт.

Сегмент традиционной (нетоварной) экономики представлен домохозяйствами коренных и малочисленных народов Севера, среда жизнеобеспечения которых — окружающая их природа, частью которой они и являются.

Сегмент трансфертной экономики² представляет собой хозяйственную деятельность, связанную с выполнением общегосударственных функций (государственное управление, оборона, охрана границы, правопорядок и т. д.), а также предоставлением гражданам страны социальных услуг вне зависимости от места их проживания³.

¹ В соответствии с [10], интеграция трактуется как «управляемая кооперация».

² Происхождение термина «трансфертная экономика» связано с введением в научно-понятийный оборот такой категории, как «трансферт бизнес-процессов», представляющий собой полную или частичную передачу внутреннему или внешнему субъекту полномочий по выполнению полностью или части некоторого внутреннего процесса жизненного цикла продукции.

³ Glomsrød S., Duhaime G., Aslaksen I. (eds.) (2015). The Economy of the North, Oslo-Kongsvinger [Электронный ресурс]. URL: <http://www.chaireconditionautochtone.fss.ulaval.ca/documents/pdf/ECONOR-III-publication-StatNorway.pdf> (дата обращения: 15.02.2021).

Общеизвестно, что экономика тесно связана с политикой и является отражением политических интересов. Политические интересы Китая, согласно официальным заявлениям, можно определить как обеспечение экономических интересов государства и поддержание безопасности на евразийском пространстве. Целью китайской инициативы «Один пояс — один путь» считается выстраивание торгово-экономических отношений с партнерами таким образом, чтобы содействовать их развитию и обеспечивать политическую стабильность этих государств. Правда, многие эксперты отмечают, что официальные заявления Китая о том, что его интересы полностью совпадают с интересами партнеров, не всегда соответствуют тому, что происходит в практической плоскости [1, с. 113].

По нашему мнению, российско-китайское стратегическое сотрудничество в Арктике необходимо рассматривать сквозь призму сопряжения российского СМП и китайского Морского Шелкового пути XXI в., который получил название «Ледовый Шелковый путь» [7]. Приведем несколько исторических фактов, которые послужили точкой отсчета на временной шкале развития событий.

По состоянию на март 2015 г. в рамках программы действий КНР по продвижению совместного строительства Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) и Ледового Шелкового пути предусматривалось два морских коридора («Китай — Индийский океан — Африка — Средиземное море»; «Китай — Океания — южная часть Тихого океана»).

В июне 2017 г. в тексте опубликованной Концепции морского сотрудничества в строительстве «Пояса и Пути» к Морскому Шелковому пути—XXI был добавлен третий морской коридор — через Северный Ледовитый океан в Европу¹.

4 июля 2017 г. на встрече с премьер-министром России Д. А. Медведевым председатель Госсовета КНР Си Цзиньпин заявил, что Китай готов развернуть сотрудничество с Россией на СМП для совместного создания Ледового Шелкового пути².

Необходимо отметить, что это заявление было достаточно неожиданным, так как Россия не озвучивала никаких инициатив по совместному освоению (возрождению) СМП с участием КНР, а напротив, достаточно настороженно относилась к китайской активности в Арктике, так как ранее было совместное заявление о сотрудничестве в рамках только ЭПШП. Россия на тот момент предпочитала традиционное сотрудничество на СМП с арктическими странами, что и было отражено в «Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2010 года и дальнейшую перспективу» и «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечение национальной безопасности на период до 2020 года». Причинами этого являлись начало развернутого военного строительства в Арктике и достаточность грузооборота СМП, который составлял не более 50% грузооборота советского периода, что вполне позволяло использовать имеющуюся инфраструктуру без ее расширения.

Анализируя современный уровень активности Китая в Арктике, некоторые зарубежные эксперты считают, что КНР пытается реализовать здесь постулат комбинирования применения морской силы и экономического освоения регионального пространства, что делает зону Арктики зоной возможного конфликта [11; 12]. Высказываются также серьезные опасения и российскими экспертами в отношении возможности затребования КНР для СМП статуса нейтральных вод, а также возможности применения военных рычагов в установлении стратегического контроля над транспортным коридором.

По нашему мнению, высказанные выше опасения преувеличены и демонизация Китая а priori является контрпродуктивной. Для ментальности китайцев более приоритетным (и естественным) является принцип добрососедства, нежели военная экспансия. Кроме того, в последние годы Россия осуществляет масштабное военное строительство в Арктике как в зоне «двойного назначения», что не только усиливает наш контроль над СМП, но и добавляет спокойствия и разумной взвешенности к попыткам входа «всерьез и надолго» других игроков в зону Арктики.

¹ Ван Шучунь, Еремин Владимир, Чжу Янь. Новая китайская концепция и российско-китайское сотрудничество по Северному морскому пути [Электронный ресурс]. URL: <http://svom.info/entry/785-novaya-kitajskaya-koncepciya-i-rossijsko-kitajskoe/> (дата обращения: 15.02.2021).

² Китай готов развивать Северный морской путь — председатель КНР [Электронный ресурс]. URL: <http://pro-arctic.ru/07/07/2017/news/27198> (дата обращения: 15.02.2021).

Интерес к Арктике в Китае на бытовом уровне в настоящее время достиг практически национального масштаба, и, пока правительство КНР разрабатывает стратегии, программы и планы развития макрорегиона, население страны буквально ломится в экстремальные арктические туры, чтобы увидеть полярные льды и северное сияние своими глазами; более 80% туристов на российских круизных ледоколах — китайцы [11; 12]. Так, например, каждый пятый турист, посетивший в 2017 г. национальный парк «Русская Арктика», расположенный в северной части архипелага Новая Земля, был гражданином КНР¹.

В настоящее время, несмотря на то что эксплуатация СМП существенно сложнее обычного транспортного маршрута, а природно-климатические условия крайне суровы, у России и Китая есть заинтересованность в сотрудничестве.

Для России это обусловлено, прежде всего, растущими транзитными возможностями в условиях глобального потепления и таяния льдов, экономической эффективностью и безопасностью транзита, а также значением СМП для военных целей и обороны страны (рисунок 2).

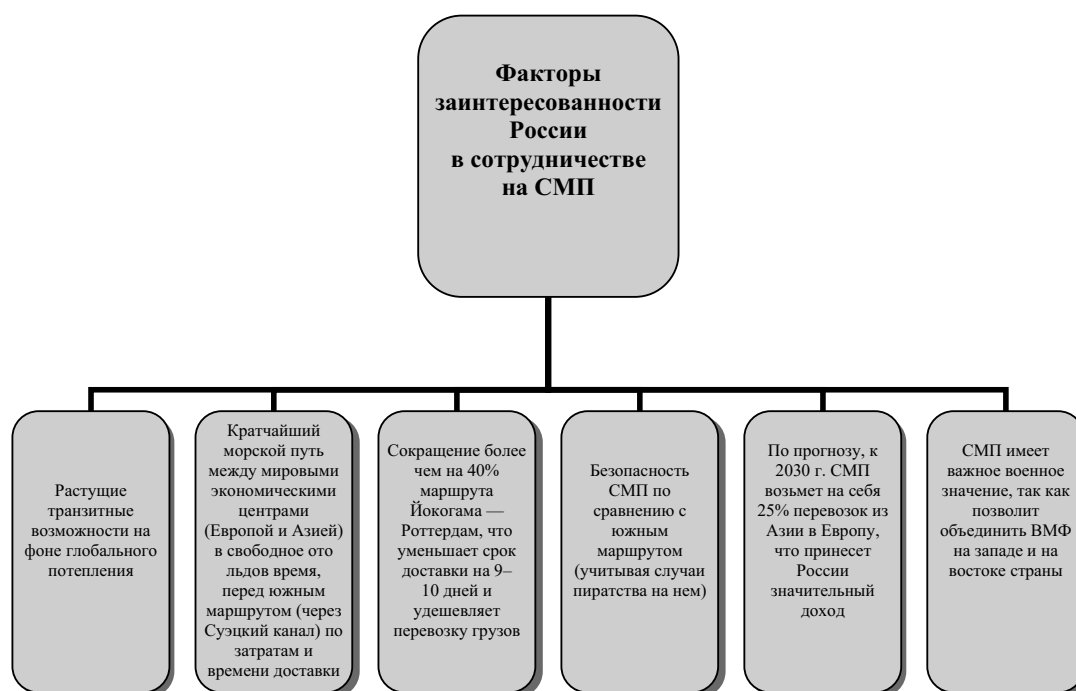

Рис. 2. Факторы заинтересованности России в сотрудничестве на СМП

Fig. 2. Factors of Russia's interest in cooperation at the NSR

Для Китая главными факторами заинтересованности являются безопасность маршрута, повышение конкурентоспособности китайских товаров, решение проблемы диверсификации транспортировки ресурсов и экспортных товаров (рисунок 3).

Использование СМП будет стимулировать производство судов ледового класса и запасных частей, что позволит КНР стать ледокольной державой, и для этого есть все основания: когда речь идет о Китае, есть полная уверенность в том, что слово «будет» не требует дополнения «возможно». Согласно планам создания собственного ледокольного флота к 2035 г. должно быть, а значит и будет, построено шесть авианесущих ледоколов.

¹ Дракон в Арктике: почему Китай стремится в Заполярье [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/788765/vladimir-dobrynin/dragon-v-arktike-pochemu-kitai-stremitsia-v-zapoliare> (дата обращения: 15.02.2021).

Рис. 3. Факторы заинтересованности Китая в сотрудничестве на СМП

Fig. 3. Factors of China's Interest in Cooperation at the NSR

В 2019 г. на верфи Jiangnan Shipyard в Шанхае был построен первый китайский гражданский ледокол стоимостью \$ 153 млн. Строительство ледокола осуществлялось по модульному принципу, что является особенностью строительных работ в КНР и сильным конкурентным преимуществом китайских строительных компаний; сначала изготовили и собрали 114 отдельных сегментов, потом из них сложили десять отсеков, добавили надстройку и соединили все это на стапеле в общую конструкцию.

Годом ранее на сайте китайской Национальной атомной корпорации CNNC был размещен тендер на строительство еще одного ледокола «Снежный дракон», заказчиком которого является компания Maritime Nuclear Power Development (совместное предприятие, созданное CNNP и Shanghai Electric); на борту ледокола должны быть размещены два реактора общей мощностью 50 МВт. Наличие своих ледоколов позволит Китаю в будущем при отправке караванов не зависеть от Росатомфлота.

В силу своей капиталоемкости возрождение СМП для нашей страны является сложной задачей, которая решается только в формате международного сотрудничества. При возрождении и дальнейшем функционировании СМП промышленные предприятия КНР, осуществляющие свою деятельность в сфере энергетики, судостроения, финансов, логистики и морской инженерии, могут оказать существенную техническую поддержку. Китайское производство выступает надежной гарантией экономической эффективности при выполнении строительных работ, о чем свидетельствует, например, сокращение срока реализации «Проекта Ямал СПГ» на четыре месяца вследствие использования подрядчиками из Поднебесной технологии модульного производства, сокращающего длительность строительного цикла.

Еще одним примером успешного российско-китайского взаимодействия является подписанное в сентябре 2015 г. соглашение о совместной реализации инфраструктурного проекта «Белкомур»¹, финансовая модель которого создавалась специально под китайскую корпорацию Poly Group.

¹ Белкомур — стратегическая железнодорожная магистраль, которая позволяет соединить Белое море — Коми — Урал в единую транспортную систему Севера России и Арктики.

В сентябре 2016 г. с одной из китайских компаний было подписано соглашение о строительстве глубоководного порта в Архангельске, совокупная мощностью терминалов которого к 2035 г. должна составить 38 млн т в год.

В марте 2017 г. на международном форуме «Арктика — территория диалога» были подписаны акционерные соглашения с пулом инвесторов концессии по строительству угольного терминала «Лавна» в рамках Мурманского транспортного узла, объем инвестиций в который составит \$ 300 млн. Проект этого современного высокотехнологичного глубоководного порта, позволяющего переваливать 18 млн т угля в год, включен в Дорожную карту по переориентации российских внешнеторговых грузов из портов Прибалтики в морские порты РФ, транспортную стратегию РФ и государственную программу «Развитие транспортной системы России».

Таким образом, можно сказать, что в значительной степени взаимодействие РФ и КНР на СМП в настоящее время реализуется в сфере создания новых транспортно-логистических объектов, т. е. имеет инфраструктурный характер.

Обсуждение

Национальными приоритетами России в Арктическом регионе являются «обеспечение суверенитета и территориальной целостности страны, сохранение Арктики как территории мира, обеспечение высокого качества жизни и благосостояния населения Арктики и развитие ее ресурсной базы». В цитируемом Указе Президента РФ «Об основах государственной политики в Арктической зоне до 2035 года» № 164 от 05.03.2020 развитие СМП прописывается как конкурентоспособная на мировом рынке национальная транспортная артерия¹.

Если рассматривать перспективы российско-китайских отношений в рамках взаимодействия по арктической проблематике, то, по нашему мнению, можно отметить существенный потенциал экспертно-аналитической [6] и инвестиционной деятельности (в проекты освоения запасов углеводородного сырья арктического шельфа).

Результаты исследований, проводимых интернациональным коллективом ученых РФ и КНР по актуальной арктической тематике (изменение климата, экология, экономическое развитие Арктики, шельфовые проекты, судоходство, логистика и др.), могут стать фундаментом для обоснования управленческих решений на национальном и наднациональном уровнях. «Мозговым центром», по нашему мнению, может стать Арктический и антарктический научно-исследовательский институт (ФГБУ «АНИИ» ГНЦ РФ) в Санкт-Петербурге, который в рамках научно-технического сотрудничества в настоящее время осуществляет исследования с организациями Норвегии, Финляндии, США, Канады, Японии, Швеции, Китая и др. стран. В структуру этого института целесообразно включить подразделение, выполняющее исследования по социально-экономической тематике (варианты названия: лаборатория экономики Арктики; лаборатория устойчивого развития Арктики).

В данном контексте необходимо отметить, что с 2013 г. в Шанхае функционирует международный Центр арктических исследований, созданный государствами Северной Европы и КНР². Исследовательские организации КНР представлены Центром полярных и океанических исследований Университета Тонжи, Научно-исследовательским институтом полярного права и политики Океанологического университета, Институтом международных исследований и Отделом стратегических исследований Полярного института. Актуальность научных исследований по арктической тематике для КНР подтверждают масштабы государственного финансирования; так, по данным The

¹ Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года : указ Президента РФ от 5 марта 2020 г. № 164 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73606526/> (дата обращения: 15.02.2021).

² В составе исследовательских коллективов стран Арктического совета специалисты Института им. Фритьофа Нансена и Полярного института (Норвегия), Арктического центра в Рованими (Финляндия), Секретариата полярных исследований (Швеция), Научно-исследовательского центра и Северного института азиатских исследований (Дания).

Diplomat, КНР ежегодно тратит на полярные исследования \$ 60 млн и планирует увеличить число исследователей в пять раз (до 1 тыс. чел.)¹.

Если по первому (экспертно-аналитическому) направлению возможного сотрудничества РФ и КНР все ясно и необходимо только принять на государственном уровне соответствующее решение, то по второму (инвестиционному) направлению есть проблемы.

Сам факт наличия или отсутствия природных ресурсов в стране генерирует угрозы национальной безопасности: внешние угрозы обусловлены возможной агрессией со стороны других стран; внутренние угрозы базируются на естественном конкурентном преимуществе, которое может превратиться в то, что принято называть «сырьевое проклятие» или «сырьевое влияние» [6]. Если говорить о минерально-сырьевых ресурсах как элементе природных активов, то необходимо отметить, что они в большей степени, чем другие виды природных активов, затрагивают государственные интересы; стратегическое управление недропользованием, таким образом, объективно должно рассматриваться как один из ключевых факторов обеспечения национальной безопасности [8].

Анализ тенденций и направлений развития нефтегазовых отраслей зарубежных стран показывает, что в настоящее время основными векторами развития отрасли является освоение месторождений углеводородов из нетрадиционных континентальных залежей и глубоководных акваторий морей. Особенностью промышленного комплекса российского Севера и арктической зоны РФ является высокий уровень корпоратизации: около 80% промышленного производства сконцентрировано в крупнейших компаниях, в первую очередь — в секторе добычи нефти и газа (ПАО «Газпром», ПАО «НК «Роснефть» и др.) [3]. В рамках геополитического разворота России на Восток, в немалой степени вызванного «недоброжелательным» отношением коллективного Запада, ключевые компании нефтегазового сектора ПАО «НК «Роснефть» и ПАО «Газпром нефть» стали приглашать в шельфовые арктические проекты нефтяные компании из неарктических государств, в том числе и КНР. В силу известных обстоятельств Россия была вынуждена ослабить существовавшие до 2014 г. ограничения на привлечение китайских партнеров в российские энергетические проекты.

Необходимо отметить, что китайская компания PetroChina, которая, как и все китайские национальные нефтяные компании, работает по широкому спектру направлений (трудноизвлекаемые, нетрадиционные и альтернативные запасы материковой части, шельф), является лидером по объему расходов на НИОКР среди всех нефтегазовых компаний мира, что формирует ее конкурентные преимущества в плане международного взаимодействия.

ПАО «НК «Роснефть» в 2013 г., еще до введения санкций, предлагала китайской компании CNPC совместное освоение запасов Печорского и Баренцева морей. Но компания не спешила приступить к работам на российском арктическом шельфе, главным образом, вследствие высокой капиталоемкости проектов и жесткой позиции ПАО «НК «Роснефть» в отношении необходимости сохранения своего контроля над активами.

ПАО «Газпром нефть» в 2017 г. вела переговоры с китайской компанией CNOOC о совместной деятельности в северных морях, которые также не завершились конкретными договоренностями².

Представляется, что до завершения последней стадии геологоразведочных работ ПАО «НК «Роснефть» и ПАО «Газпром» на арктическом шельфе (2023–2026 гг.) значимых решений по китайскому участию в освоении месторождений углеводородов ожидать не стоит. Также необходимо отметить, что для арктических проектов разработки месторождений углеводородного сырья точка безубыточности, как правило, должна находиться на уровне не ниже \$ 80 / барр. (либо добывающая компания должна иметь при текущих ценах на нефть существенные налоговые льготы).

¹ Китай расширяет свое присутствие в Арктике [Электронный ресурс]. URL: <https://pro-arctic.ru/16/12/2013/news/6101> (дата обращения: 15.02.2021).

² Петлевой В. «Газпром нефть» зовет партнеров в Арктику [Электронный ресурс] // Ведомости. 29 марта 2017 г. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2017/03/29/683288-gazprom-neft> (дата обращения: 15.02.2021).

Таким образом, в современных условиях действия санкций и низких ценах на нефть полномасштабная разработка арктического шельфа достаточно проблематична, в том числе и с участием китайских компаний.

Заключение

Современная экономика Арктики — живая экономика, которая трансформируется, перенастраиваясь и адаптируясь к изменениям. Все более явно проявляется тенденция использования форм и подходов, основанных на кооперации и партнерстве. В рамках сотрудничества между ЕАЭС и инициативой «Пояс и Путь» КНР (уже как стратегический, а не ситуационный партнер Российской Федерации) признает взаимодействие по проекту «Ледовый Шелковый путь» полюсом роста для прагматического сотрудничества. Для успешности этого сотрудничества необходимо решить проблемы экономической и социальной чувствительности Арктики, нейтрализовать последствия угроз вмешательства глобальной и региональной геополитики, экологических вызовов и повышенных рисков хозяйствования, что требует регулярной координации и коммуникации между всеми заинтересованными сторонами.

Литература

1. Китайский глобальный проект для Евразии: постановка задачи (аналитический доклад). М. : Научный эксперт, 2016. 130 с.
2. Крюков В. А., Крюков Я. В. Экономика Арктики в современной системе координат // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 5. С. 25–52.
3. Куклина Е. А. Инновационная деятельность предприятий нефтегазового сектора России как ключевой фактор реализации программы освоения Арктики // Горный журнал. № 5 (2274). 2020. С. 20–24.
4. Куклина Е. А. К вопросу развития туристической отрасли посредством реализации социально-экономического потенциала регионов России (на примере регионов зоны Арктики) // Управленческое консультирование. № 2 (134). 2020. С. 32–41.
5. Куклина Е. А. Мозговые центры в России и КНР: история создания, оценка современного состояния и перспективы сотрудничества // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. Международный научно-аналитический журнал. 2020. № 1 (31). С. 36–46.
6. Куклина Е. А. Рентное налогообложение пользователей недр и мифы сырьевой экономики / Научные труды Северо-Западного института РАНХиГС: Периодическое научное издание. Т. 6. Вып. 2 (19). СПб. : СЗИ РАНХиГС, периодическое научное издание. РАНХиГС. 2015. С. 54–57.
7. Куклина Е. А. Российско-китайское стратегическое партнерство в Арктике как императив нашего времени // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 3. Ч. 1. Материалы XIX Национальной научной конференции с международным участием «Модернизация России: приоритеты, проблемы, решения». Ч. 2 / РАН ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; отв. ред. В. И. Герасимов. М., 2020. 958 с. С. 195–198.
8. Куклина Е. А. Стратегическое управление недропользованием как фактор обеспечения экономической безопасности России // Горный журнал. № 12 (2269). 2019. С. 4–8.
9. Ли Гуаньцзюнь. Стратегия «Нитки жемчуга» в контексте морской политики КНР // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2011. № 4. С. 162–173.
10. Минакир П. А., Демьяненко А. Н. Очерки по пространственной экономике / отв. ред. В. М. Полтерович. Хабаровск : ИЗИ ДВО РАН, 2014. 272 с.
11. Keil K. Spreading Conflict? Institutions Regulating Arctic Oil and Gas Activities // The International Spectator, 2015. Vol. 50. No. 1. Pp. 85–110.
12. Keil K. The Arctic: A New Region of Conflict? The Case of Oil and Gas // Cooperation & Conflict. 2014. Vol. 49. No. 2. Pp. 162–190.

Об авторе:

Куклина Евгения Анатольевна, доктор экономических наук, профессор кафедры бизнес-информатики
СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
kuklina-ea@ranepa.ru

References

1. Kitaiskii global'nyi proekt dlya Evrazii: postanovka zadachi (analiticheskii doklad). M. : Nauchnyi ekspert, 2016. 130 s.
2. Kryukov V. A., Kryukov Ya. V. Ekonomika Arktiki v sovremennoi sisteme koordinat // Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo. 2019. T. 12. № 5. S. 25–52.
3. Kuklina E. A. Innovatsionnaya deyatel'nost' predpriyatii neftegazovogo sektora Rossii kak klyuchевой faktor realizatsii programmy osvoeniya Arktiki // Gornyi zhurnal. № 5 (2274). 2020. S. 20–24.
4. Kuklina E. A. K voprosu razvitiya turistichekoi otrasli posredstvom realizatsii sotsial'no-ekonomicheskogo potentsiala regionov Rossii (na primere regionov zony Arktiki) // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. № 2 (134). 2020. S. 32–41.
5. Kuklina E. A. Mozgovye tsentry v Rossii i KNR: istoriya sozdaniya, otsenka sovremennogo sostoyaniya i perspektivy sotrudnichestva // Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika. Mezhdunarodnyi nauchno-analiticheskii zhurnal. 2020. № 1 (31). S. 36–46.
6. Kuklina E. A. Rentnoe nalogooblozhenie pol'zovatelei nedr i mify syr'evoy ekonomiki / Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta RANKhiGS: Periodicheskoe nauchnoe izdanie. T. 6. Vyp. 2 (19). SPb. : SZI RANKhiGS, periodicheskoe nauchnoe izdanie. RANKhiGS. 2015. S. 54–57.
7. Kuklina E. A. Rossiisko-kitaiskoe strategicheskoe partnerstvo v Arktike kak imperativ nashego vremeni // Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo. Ezhegodnik. Vyp. 3. Ch. 1. Materialy XIX Natsional'noi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem «Modernizatsiya Rossii: priority, problemy, resheniya». Ch. 2 / RAN INION. Otd. nauch. sotrudnichestva; otv. red. V. I. Gerasimov. M., 2020. 958 s. S. 195–198.
8. Kuklina E. A. Strategicheskoe upravlenie nedropol'zovaniem kak faktor obespecheniya ekonomicheskoi bezopasnosti Rossii // Gornyi zhurnal. № 12 (2269). 2019. S. 4–8.
9. Li Guan'tsyun'. Strategiya «Nitki zhemchuga» v kontekste morskoi politiki KNR // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika. 2011. № 4. S. 162–173.
10. Minakir P. A., Dem'yanenko A. N. Ocherki po prostranstvennoi ekonomike / otv. red. V. M. Polterovich. Khabarovsk : IEI DVO RAN, 2014. 272 s.
11. Keil K. Spreading Conflict? Institutions Regulating Arctic Oil and Gas Activities // The International Spectator, 2015. Vol. 50. No. 1. Pp. 85–110.
12. Keil K. The Arctic: A New Region of Conflict? The Case of Oil and Gas // Cooperation & Conflict. 2014. Vol. 49. No. 2. Pp. 162–190.

About the author:

Evgenia A. Kuklina, Doctor of Science (Economics), Professor of the Business Informatics Department of North-West Institute of Management of RANEPa (Saint Petersburg, Russian Federation),
kuklina-ea@ranepa.ru

Электроэнергетическая реинтеграция России со странами Центральноазиатского и Каспийского регионов

Беляев Л. С., Подковальников С. В.* , Чудинова Л. Ю.

Институт систем энергетики им. Л. А. Мелентьева Сибирского отделения Российской академии наук, Иркутск, Российская Федерация; * spodkovalnikov@isem.irk.ru

РЕФЕРАТ

Приведены результаты очередного этапа исследований межгосударственных электрических связей России. Рассматриваются вопросы, связанные с электроэнергетической реинтеграцией России со странами Центральной Азии и Кавказа. Исследуются эффективность и возможности совместного выхода рассматриваемых национальных электроэнергетических систем на электроэнергетические рынки стран Южной и Малой Азии, Ближнего Востока. Предварительно оценены основные параметры проекта межгосударственного энергообъединения «Каспийское энергокольцо». Показана высокая эффективность создания межгосударственного энергообъединения в этом регионе.

Ключевые слова: электроэнергетика, межгосударственная электрическая связь, межгосударственное энергообъединение, эффективность

Для цитирования: Беляев Л. С., Подковальников С. В., Чудинова Л. Ю. Электроэнергетическая реинтеграция России со странами Центральноазиатского и Каспийского регионов // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. № 1. С. 32 – 43.

Electric Power Reintegration of Russia with the Countries of the Central Asian and Caspian Regions

Lev S. Belyaev, Sergei V. Podkovalnikov*, Lyudmila Yu. Chudinova

Melentiev Energy Systems Institute, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Irkutsk, Russia;

* spodkovalnikov@isem.irk.ru

ABSTRACT

The paper presents the results of the next research stage on Russia's interstate electric connections. The issues related to the electric power reintegration of Russia with the countries of Central Asia and the Caucasus are considered. The article studies the economic efficiency and joint access possibilities of the considered national electric power systems into the electric power markets of Southern and Minor Asia and Middle East countries. The authors estimated preliminary characteristics of the potential the interstate power interconnection "Caspian energy ring". The high economic efficiency of creating an interstate power grid in this region is shown.

Keywords: electric power industry, interstate electric connections, power interconnection, economic efficiency

For citing: Belyaev L. S., Podkovalnikov S. V., Chudinova L. Yu. Electric Power Reintegration of Russia with the Countries of the Central Asian and Caspian Regions // Eurasian Integration: economic, law, politics. 2021. No. 1. Pp. 32 – 43.

Введение

Сложившиеся политические условия, стремление синхронизации энергосистем стран Балтии, Украины, Молдовы с энергосистемами стран Европейского союза, восстановление Центрально-

Отличительной особенностью стран этого региона является существенное различие в обеспеченности энергоресурсами, природно-климатических условиях, экономическом развитии, структуре электропотребления. В таблице 1 показана обеспеченность энергоресурсами по узлам расчетной схемы (рисунок 2).

Таблица 1

Обеспеченность энергоресурсами стран и регионов Евразии

Table 1. Energy Reserves of Countries and Subregions of Eurasia

Страны и регионы	Россия	Центральная Азия	Афганистан & Пакистан	Турция & Иран	Кавказ
Виды энергоресурсов					
Запасы угля, млрд т	160,4	28,3	3,1	1,6	0,4
Запасы традиционной нефти, млрд т	14,5	4,1	< 0,1	21,6	1,0
Запасы традиционного газа, трлн м ³	35,3	21,8	0,5	33,2	1,5
Запасы урана (<130 долл./кг U), млн т	214,5	472,8	н.д.	7,6	н.д.
Технический потенциал гидроэнергоресурсов, ТВт•ч/год	1670,0	510,0	292,0	266,0	23,0
Технический потенциал ветровой энергии, ТВт•ч/год	21846,0	139,2	71,0	297,0	31,0
Технический потенциал солнечной энергии, ТВт•ч/год	76821,0	10310,0	4994,0	7392,0	635,0

Источник: составлено авторами

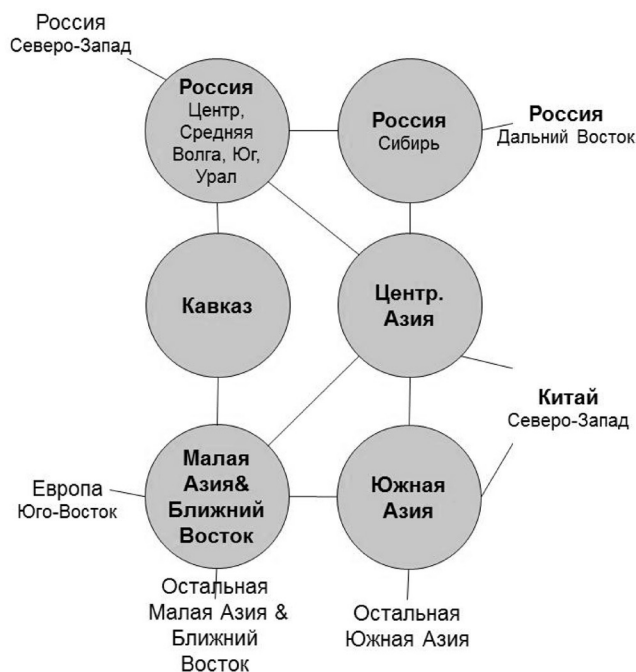

Рис. 2. Расчетная схема для исследований

Fig. 2. The Diagram of the Interstate Power Grid

Источник: построено авторами

Постановка проблемы и сценарии для исследования

Постановка задачи доложена в 2019 г. на Международном научном семинаре им. Ю. Н. Руденко «Методические вопросы исследования надежности больших систем энергетики» (Ташкент, 23–27.09.2019) [7].

Цель исследования — оценка энергоэкономической эффективности усиления и сооружения новых межгосударственных электрических связей России при формировании межгосударственного энергообъединения в кавказском и центральноазиатском направлениях с выходом на электроэнергетические рынки Южной Азии и Ближнего Востока. Эффективность определяется сопоставлением значений приведенных затрат для вариантов развития и функционирования объединяемых ЭЭС при различной пропускной способности электрических связей. Для этого использовалась разработанная в ИСЭМ СО РАН специальная математическая модель ОРИРЭС (Оптимизация развития и режимов электроэнергетических систем) [1]. В качестве расчетного временного уровня принят 2040 г.

Расчетная схема представлена шестью узлами: 1) Европейская часть РФ (включающая ОЭС Центра, Средней Волги, Урала и Юга); 2) ОЭС Сибири; 3) Центральная Азия (ЦА): Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Кыргызстан и Таджикистан; 4) Кавказ: Армения, Грузия, Азербайджан, Абхазия и Южная Осетия; 5) Южная Азия (ЮА): Афганистан, Пакистан; 6) Малая Азия и Ближний Восток (МА & БВ): Иран, Турция (рисунок 2).

Для выполнения данной работы проведена оценка текущего и перспективного состояния генерирующего оборудования, межгосударственной электросетевой инфраструктуры, рассмотрены программы развития электроэнергетики исследуемых стран, изучены технико-экономические параметры рассматриваемых объектов, в том числе электропередач постоянного тока ± 800 кВ.

Рассмотрено два сценария.

Сценарий 1. Показатели МГЭС соответствуют сложившемуся на данный момент состоянию с дополнительным учетом пропускных способностей межгосударственных электрических связей, которые сейчас планируются и будут реализованы в ближайшее время.

Сценарий 2. Для создания МГЭО предполагается усиление МГЭС сценария 1 за счет сооружения системы электропередач постоянного тока ± 800 кВ как надстройки над существующей электросетевой инфраструктурой переменного тока. На пропускные способности МГЭС накладываются только технологические ограничения.

Сопоставление основных показателей (вводы мощностей, инвестиции, значения целевой функции и пр.) сценария 2 с аналогичными суммарными показателями сценария 1 позволяет оценить оптимальное развитие пропускных способностей МГЭС и максимально возможные системные интеграционные эффекты объединения национальных ЭЭС в МГЭО.

Основные исходные данные

В таблице 2 представлены прогнозные совмещенные годовые максимумы электрической нагрузки ОЭС или НЭС, входящих в данный узел расчетной схемы на рассматриваемую перспективу [7].

Таблица 2

Прогнозные годовые максимумы электрической нагрузки, 2040 г., ГВт

Table 2. Forecasted Annual Maxima of Electric Load, 2040, GW

Россия (Центр, Средняя Волга, Юг, Урал)	Россия (Сибирь)	Кавказ	Центральная Азия	Малая Азия и Ближний Восток	Южная Азия
140,9	41,8	13,3	61,3	234,3	65,0

Источник: составлено авторами

В таблице 3 даны технико-экономические показатели линий электропередачи, формирующих межгосударственную электросетевую инфраструктуру постоянного тока рассматриваемого МГЭО [6].

Таблица 3

Технико-экономические показатели межгосударственных электрических связей

Table 3. Technical and Economic Indices of Interstate Electric Ties

Показатели МГЭС	Удельные капиталовложения, долл./кВт	Потери, %	Длина, км
Россия (Сибирь) — Центральная Азия	377	7,8	2400
Россия (Центр, Средняя Волга, Юг, Урал) — Центральная Азия	333	6,8	2145
Россия (Центр, Средняя Волга, Юг, Урал) — Кавказ	267	4,7	1183
Центральная Азия — Южная Азия	202	3,4	858
Центральная Азия — Малая Азия и Ближний Восток	484	7,5	1867
Южная Азия — Малая Азия и Ближний Восток	381	6,0	1502
Кавказ — Малая Азия и Ближний Восток	272	4,3	1081

Источник: составлено авторами

В таблицах 4 и 5 приведены основные экономические показатели электростанций разных типов, использующих различные виды топлива [7].

Таблица 4

Удельные капиталовложения в новые электростанции, долл./кВт

Table 4. Capital Investment in New Power Plants, USD/kW

Тип электростанции Страна	ГЭС	ГАЭС	ТЭС			АЭС
			Уголь	Газ	Нефть	
Россия	3000	1100	1800–2000	1200		2800
Центральная Азия	2100	1600	2150	1250		4300
Южная Азия	2600		1700	1200	1400	5200
Кавказ	1500		2000	1000	1500	5500
Малая Азия и Ближний Восток	2250	1000	1800	670	1400	4500

Источник: составлено авторами

Таблица 5

Топливные затраты, долл./кВт•ч

Table 5. Fuel Costs, USD/kWh

Тип электростанции Страна	ТЭС			АЭС
	Уголь	Газ	Нефть	
Россия	0,015–0,025	0,027–0,030		0,004
Центральная Азия	0,015–0,017	0,034–0,038	0,099	0,004
Южная Азия	0,034	0,041	0,100	0,006
Кавказ	0,030	0,050	0,100	0,010
Малая Азия и Ближний Восток	0,034	0,050	0,090	0,007

Источник: составлено авторами

Эта информация получена из различных доступных источников, включая прогнозные работы национальных агентств и компаний стран региона. Показатели электростанций, естественно, отражают различия в природно-климатических условиях и в стоимости топлива. На удельные капиталовложения электростанций повлиял также фактор научно-технического развития (прогресса) конкретных стран. Особенно сильно этот фактор отразился на стоимости строительства атомных электростанций —

наиболее сложной технологии производства электроэнергии, освоенной в рассматриваемой части Евразии только в России. Остальные страны вынуждены импортировать оборудование АЭС, что приводит к удорожанию их строительства. Это удорожание, по-видимому, явилось причиной весьма значительной разницы капиталовложений в АЭС у России и других стран.

Результаты исследования и их анализ

Сопоставление результатов оптимизационных расчетов для сценариев 1 и 2 показывает, что повышение пропускной способности межгосударственной электросетевой инфраструктуры (в сценарии 2) приводит к снижению общих затрат по МГЭО на 15,9 млрд долл. в год, в том числе топливных — на 10,3. При этом суммарные капитальные вложения в электростанции и МГЭС снижаются на 29,9 млрд долл., а потребность во вводе новых станций — на 26,6 ГВт для рассматриваемого расчетного временного уровня (рисунок 3, таблица 6). Для достижения такого эффекта требуется строительство около 127 ГВт межгосударственных связей (в сценарии 2 по сравнению со сценарием 1) с капиталовложениями 42 млрд долл., однако уменьшение вводов электростанций экономит 71,9 млрд долл., т. е. почти в два раза больше (таблицы 6 и 7).

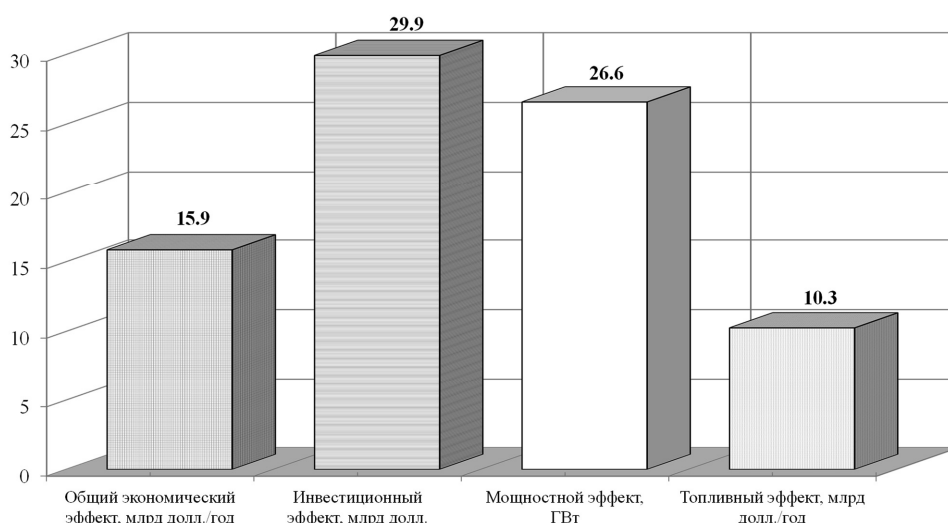

Рис. 3. Системные эффекты МГЭО, 2040 г.

Fig. 3. System Benefits of Power System Interconnection, 2040

Источник: построено авторами

Таблица 6

Капитальные вложения и вводы мощностей электростанций

Table 6. Capital Investment

Составляющие Сценарии	Капвложения, млрд долл.			Вводы, ГВт
	Электростанции	ЛЭП	Всего	
Сценарий 1	352,593	0,121	352,714	180,3
Сценарий 2	280,650	42,126	322,776	153,7
Изменение (2)–(1)	-71,943	42,005	-29,938	-26,6

Источник: расчеты авторов

Пропускные способности межгосударственных электрических связей, МВт

Table 7. Optimal Transfer Capabilities of Interstate Electric Ties, MW

МГЭС Сценарии	Россия (Сибирь) — ЦА	Россия (Центр, Средняя Волга, Юг, Урал) — ЦА	Россия — Кавказ	ЦА — ЮА	ЦА — МА & БВ	ЮА — МА & БВ	Кавказ — МА & БВ	Всего
Сценарий 1	1795	5510	2580	3300	900	240	4230	18555
Сценарий 2	11200	16000	29814	19385	32000	4846	32000	145245
Изменение (2)–(1)	9405	10490	27234	16085	31100	4606	27770	126690

Источник: расчеты авторов

Рисунок 4 демонстрирует изменение структуры вводов электростанций и распределение мощностного эффекта по странам в сценарии 2 по отношению к сценарию 1. Сокращение мощностей происходит в странах Малой Азии и Ближнего Востока (59,7 ГВт), Южной Азии (13,9 ГВт) и Кавказа (1,5 ГВт). При этом Россия и Центральная Азия вводят дополнительные мощности 23,0 и 25,5 ГВт соответственно. В целом по МГЭО мощностной эффект определяется увеличением вводов газовых ТЭС и сокращением в той или иной степени всех остальных типов электростанций. В наибольшей мере (на 25,6 ГВт) сокращаются вводы ТЭС на нефти (в странах Малой Азии и Ближнего Востока), имеющие высокие топливные издержки.

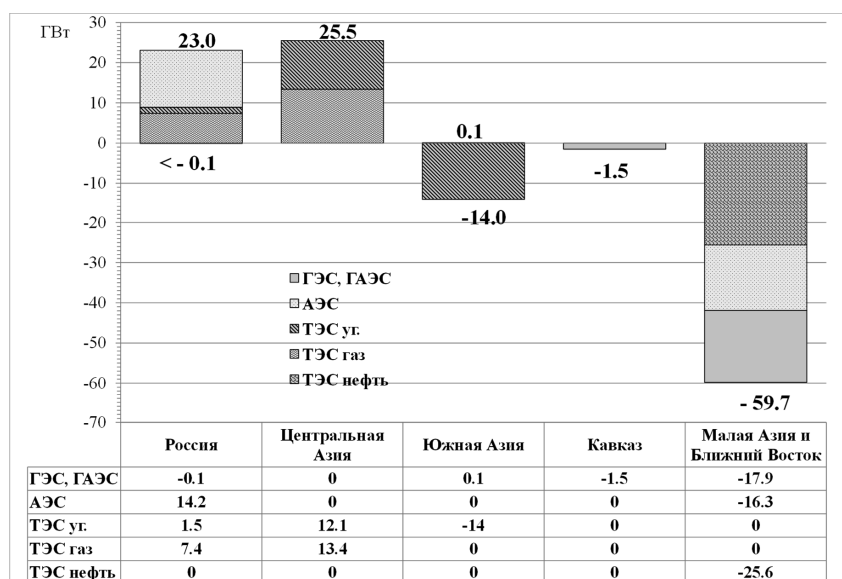

Рис. 4. Изменение структуры вводов мощностей электростанций, ГВт

Fig. 4. Change of the Generating Capacity Additions Mix of Power Plants, GWm

Источник: построено авторами

Интересные изменения претерпевают вводы АЭС: на Ближнем Востоке они уменьшаются на 16 ГВт, а в России, наоборот, увеличиваются на 14 ГВт. Объясняется это отмечавшимся выше большим различием удельных капиталовложений в АЭС у России и на Ближнем Востоке (у Турции и Ирана). Ситуация интересна тем, что АЭС в Турции и Иране строятся с участием и поддержкой России, а при сооружении рассматриваемых МГЭС и создании МГЭО эти АЭС вытесняются новыми АЭС в самой России. Иными словами, при создании МГЭО в рассматриваемой части Евразии возникает конкуренция между новыми АЭС

по российским проектам на Ближнем Востоке и АЭС в самой России. Этот вопрос требует специального более глубокого исследования.

Изменения структуры мощностей, в свою очередь, приводят к перераспределению производства электроэнергии как по видам генерации, так и по странам (таблица 8). Соответственно, изменяются и топливные издержки (таблица 9).

Таблица 8

Выработка электроэнергии, ТВт•ч/год

Table 8. Electricity generation, TWh/year

Типы электростанций Страны и регионы	ГЭС & ГАЭС	ТЭС, уголь	ТЭС, газ	ТЭС, нефть	АЭС	Wind & Solar	Всего
Сценарий 1							
Россия	190,2	256,3	947,8		238,9	18,3	1651,5
Центральная Азия	95,8	183,2	168,9	7,9	12,8	10,8	479,4
Южная Азия	164,4	122,3	69,9	17,2	10,1	67,7	451,6
Кавказ	24,1	0,1	66,5	4,1	4,0	2,8	101,6
Малая Азия и Ближний Восток	130,1	421,5	614,0	217,2	212,8	191,2	1786,8
Всего	604,6	983,4	1867,1	246,4	478,6	290,8	4470,9
Сценарий 2							
Россия	191,0	269,3	1089,1		376,7	18,3	1944,4
Центральная Азия	96,0	287,3	325,2	8,0	12,8	10,8	740,1
Южная Азия	165,0	6,9	95,9	13,1	10,1	67,7	358,7
Кавказ	19,9	0,1	44,2	4,2	4,0	2,8	75,2
Малая Азия и Ближний Восток	99,6	421,5	541,8	68,0	68,5	191,2	1390,6
Всего	571,5	985,1	2096,2	93,3	472,1	290,8	4509,0
Изменение (2)–(1)							
Россия	0,8	13,0	141,3		137,8		292,9
Центральная Азия	0,2	104,1	156,3	0,1			260,7
Южная Азия	0,6	-115,4	26,0	-4,1			-92,9
Кавказ	-4,2		-22,3	0,1			-26,4
Малая Азия и Ближний Восток	-30,5		-72,2	-149,2	-144,3		-396,2
Всего	-33,1	1,7	229,1	-153,1	-6,5		38,1

Источник: расчеты авторов

Общее производство электроэнергии возрастает в сценарии 2 на 38,1 ТВт•ч из-за потерь в МГЭС, которые составляют 3–7% от передаваемой энергии (таблица 3). Однако топливные издержки при этом уменьшаются на 10,3 млрд долл./год, благодаря улучшению структуры выработки электростанций (таблица 9).

Производство электроэнергии значительно увеличивается в России и Центральной Азии с дешевыми энергоресурсами и уменьшается в остальных узлах расчетной схемы, где топливо гораздо дороже. Так, существенно уменьшаются производство электроэнергии и топливные издержки на угольных ТЭС в Южной Азии, на газовых ТЭС в странах Кавказа, Малой Азии и Ближнего Востока, а также на ТЭС, использующих нефть, в Малой Азии и на Ближнем Востоке. Кроме того, возникает уже отмечавшийся феномен перемещения АЭС с Ближнего Востока в Россию. Сокращение мощностей и производства электроэнергии на угле, нефти и АЭС может позволить получить дополнительный экологический эффект.

Таблица 10 показывает изменение интенсивности и направления обменов годовых объемов электроэнергии.

Таблица 9

Топливные издержки, млрд долл./год
Table 9. Fuel Costs, billion US dollars/year

Типы электростанций Страны и регионы	ТЭС, уголь	ТЭС, газ	ТЭС, нефть	АЭС	Всего
Сценарий 1					
Россия	4,666	27,566		0,956	33,188
Центральная Азия	3,014	5,847	0,784	0,051	9,696
Южная Азия	4,159	2,867	1,716	0,061	8,803
Кавказ	0,003	3,323	0,408	0,040	3,774
Малая Азия и Ближний Восток	14,331	30,700	19,548	1,490	66,069
Всего	26,173	70,303	22,456	2,598	121,530
Сценарий 2					
Россия	4,900	31,675		1,507	38,082
Центральная Азия	4,889	11,243	0,788	0,051	16,971
Южная Азия	0,233	3,932	1,308	0,061	5,534
Кавказ	0,003	2,208	0,418	0,040	2,669
Малая Азия и Ближний Восток	14,331	27,090	6,119	0,480	48,020
Всего	24,356	76,148	8,633	2,139	111,276
Изменение (2)–(1)					
Россия	0,234	4,110		0,551	4,895
Центральная Азия	1,875	5,396	0,004		7,275
Южная Азия	-3,926	1,065	-0,408		-3,269
Кавказ		-1,115	0,010		-1,105
Малая Азия и Ближний Восток		-3,611	-13,430	-1,010	-18,051
Всего	-1,817	5,845	-13,824	-0,459	-10,255

Источник: расчеты авторов

Таблица 10

Изменение объемов перетока электроэнергии, ТВт•ч/год
Table 10. Power Flows Exchange, TWh/year

Перетоки Сценарии	Россия (Сибирь) ↔ЦА	Россия (Центр, Средняя Волга, Юг, Урал) ↔ ЦА	Россия ↔ Кавказ	ЦА ↔ ЮА	ЦА ↔ МА & БВ	ЮА ↔ МА & БВ	Кавказ ↔ МА & БВ	Сумма
Сценарий 1								
выдача→	0,7	27,4	53,3	23,5	9,6	0,0	32,6	147,1
прием←	-13,1	-0,3	-0,1	0,0	-0,1	-0,6	0,0	-14,2
сальдо	-12,4	27,1	53,2	23,5	9,5	-0,6	32,6	132,9
Сценарий 2								
выдача→	14,4	307,7	58,7	120,5	180,7	2,6	273,1	957,7
прием←	-22,4	0,0	0,0	0,0	0,0	-2,3	0,0	-24,7
сальдо	-8,0	307,7	58,7	120,5	180,7	0,3	273,1	933,0
Изменение сальдо (2)–(1)	4,4	280,6	5,5	97,0	171,2	0,9	240,5	800,1

Источник: расчеты авторов

Как показано в таблице 7, пропускные способности МГЭС по всем рассматриваемым направлениям существенно увеличиваются. Наибольшее развитие получают линии по направлениям: Малая Азия & Ближний Восток — Центральная Азия и Малая Азия & Ближний Восток — Кавказ (по 32 ГВт каждая), а также Россия — Центральная Азия (до 27,2 ГВт) и Россия — Кавказ (до 29,8 ГВт). В семь раз возрастают и объемы передаваемой электроэнергии: с 132,9 ТВт·ч/год в сценарии 1 до 933 в сценарии 2 (таблица 10). При этом в обоих сценариях основными экспортерами электроэнергии являются Россия — в направлениях Кавказа и Центральной Азии (сценарий 1 — 67,9 ТВт·ч/год, сценарий 2 — 358,4); Центральная Азия в направлениях Южной и Малой Азии & Ближний Восток (сценарий 1 — 33,0 ТВт·ч/год, сценарий 2 — 301,2); Кавказ в направлении Малой Азии & Ближний Восток (сценарий 1 — 32,6 ТВт·ч/год, сценарий 2 — 273,1).

Приведенные выше МГЭС, включая связи «Россия — Центральная Азия», «Центральная Азия — Южная Азия», «Южная Азия — Малая Азия & Ближний Восток», «Малая Азия & Ближний Восток — Кавказ», «Кавказ — Россия», фактически формируют контуры Каспийского энергокольца как субрегионального интеграционного электроэнергетического проекта.

Заключение

1. Полученные результаты подтверждают высокую эффективность развития МГЭС России в кавказско-центрально-азиатском направлении и формирования МГЭО в этой части Евразии. В частности, высокоэффективной является реинтеграция ЕЭС России и энергосистем стран Кавказа и Центральной Азии. Причем эта реинтеграция выполняется на новом технологическом уровне, что обеспечивает интенсивные обмены мощностью и электроэнергией с соответствующей реализацией системных интеграционных эффектов, превышающих достигнутые эффекты в советский период. Полученная концентрация электроэнергетического потенциала указанных стран позволяет им совместно выходить на электроэнергетические рынки стран Южной и Малой Азии и Ближнего Востока, также получая экономические эффекты. Кроме того, проведенные исследования позволили предварительно выявить основные параметры Каспийского энергетического кольца, такие как пропускные способности электрических связей, передаваемые по ним объемы электроэнергии и мощности. Целесообразно предусматривать и исследовать соответствующие проекты при двух- и многосторонних переговорах со странами данного региона.

2. Создание МГЭО экономически выгодно фактически всем странам региона:

- России и странам Центральной Азии в свете экспорта электроэнергии;
- странам Кавказа, Южной Азии и Ближнего Востока при импорте электроэнергии.

3. Строительство новых МГЭС в рамках рассматриваемого МГЭО целесообразно ориентировать на электропередачи постоянного тока ± 800 кВ. Для их проектирования и сооружения на первых этапах возможно следует привлекать специалистов и компании из Китайской Народной Республики, развивая при этом данную технологию в России. Предпосылки для этого в виде научно-технических заделов, созданных еще в советский период, имеются.

4. Специального, более глубокого изучения требует вопрос (проекты) сооружения в России экспортных атомных электростанций для передачи электроэнергии в страны Южной Азии и Ближнего Востока вместо участия России в строительстве АЭС на территории этих стран. Сооружение экспортных АЭС может оказаться экономически эффективным и целесообразным с точки зрения нераспространения ядерного оружия, уменьшения безработицы и других обстоятельств.

Работа выполнена в рамках проекта государственного задания (№ FWEU-2021-0001) программы фундаментальных исследований РФ на 2021–2030 гг.

Литература

1. Беляев Л. С., Подковальников С. В., Савельев В. А., Чудинова Л. Ю. Эффективность межгосударственных электрических связей. Новосибирск : Наука, Сиб. изд. фирма РАН, 2008. 239 с.
2. Бударгин О. М. Электроэнергетика — драйвер глобальных энергообъединений // Электроэнергия. Передача и распределение. 2017. № 3 (42). С. 4–7.

3. Президенты пяти государств — членов ЕАЭС подписали протокол о создании общего электроэнергетического рынка [Электронный ресурс] // Министерство энергетики Российской Федерации. URL: minenergo.gov.ru/node/14908 (дата обращения: 29.05.2020).
4. Россия, Азербайджан и Иран подписали соглашение о совместной разработке ТЭО проекта соединения энергосистем трех стран [Электронный ресурс] // СО ЕЭС. URL: [http://www.so-ups.ru/index.php?id=press_release_view&tx_ttnews\[tt_news\]=14758&cHash=a5f3e97f2d](http://www.so-ups.ru/index.php?id=press_release_view&tx_ttnews[tt_news]=14758&cHash=a5f3e97f2d) (дата обращения: 14.08.2020).
5. Шамсиев Х. А. Современное состояние и перспективы развития Объединенной энергосистемы Центральной Азии [Электронный ресурс] // Координационно-диспетчерский центр «Энергия», Ташкент. Апрель 2019. 23 с. URL: <https://www.carecprogram.org/uploads/CAPS-Modern-condition-and-outlook-ru.pdf> (дата обращения: 11.11.2020).
6. Global Electricity Network. Feasibility Study [Электронный ресурс]. CIGRE, 2019. 139 p. URL: https://orbi.uliege.be/bitstream/2268/239969/1/CIGRE-GLOBAL_GRID-REPORT.pdf (дата обращения: 11.11.2020).
7. Podkovaľnikov S. V., Chudinova L. Yu. Strategic Cooperation of Electric Power Systems of Russia and Central Asia for the Creation of Common Eurasian Electric Power Space [Электронный ресурс] // E3S Web Conf. 2019. Vol. 139. 5 p. URL: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/201913901003> (дата обращения: 11.11.2020).

Об авторах:

Беляев Лев Спиридонович, доктор технических наук, профессор, главный научный сотрудник Института систем энергетики им. Л. А. Мелентьева Сибирского отделения Российской академии наук (Иркутск, Российская Федерация); belyaev@isem.irk.ru

Подковальников Сергей Викторович, доктор технических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом Института систем энергетики им. Л. А. Мелентьева Сибирского отделения Российской академии наук (Иркутск, Российская Федерация); spodkovaľnikov@isem.irk.ru

Чудинова Людмила Юрьевна, кандидат технических наук, старший научный сотрудник Института систем энергетики им. Л. А. Мелентьева Сибирского отделения Российской академии наук (Иркутск, Российская Федерация); chudinova@isem.irk.ru

References

1. Belyaev L. S., Podkovaľnikov S. V., Savel'ev V. A., Chudinova L. Yu. Effektivnost' mezhgosudarstvennykh elektricheskikh svyazei. Novosibirsk : Nauka, Sib. izd. firma RAN, 2008. 239 s.
2. Budargin O. M. Elektroenergetika — draiver global'nykh energoob'edinenii // Elektroenergiya. Peredacha i raspredelenie. 2017. № 3 (42). S. 4–7.
3. Prezidenty pyati gosudarstv — chlenov EAES podpisali protokol o sozdanii obshchego elektroenergeticheskogo rynka [Elektronnyi resurs] // Ministerstvo energetiki Rossiiskoi Federatsii. URL: minenergo.gov.ru/node/14908 (data obrashcheniya: 29.05.2020).
4. Rossiya, Azerbaidzhan i Iran podpisali soglasenie o sovmestnoi razrabotke TEO proekta soedineniya energosistem trekh stran [Elektronnyi resurs] // CO EES. URL: [http://www.so-ups.ru/index.php?id=press_release_view&tx_ttnews\[tt_news\]=14758&cHash=a5f3e97f2d](http://www.so-ups.ru/index.php?id=press_release_view&tx_ttnews[tt_news]=14758&cHash=a5f3e97f2d) (data obrashcheniya: 14.08.2020).
5. Shamsiev Kh. A. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya Ob'edinennoi energosistemy Tsentral'noi Azii [Elektronnyi resurs] // Koordinatsionno-dispatcherskii tsentr «Energiya», Tashkent. Aprel' 2019. 23 s. URL: <https://www.carecprogram.org/uploads/CAPS-Modern-condition-and-outlook-ru.pdf> (data obrashcheniya: 11.11.2020).
6. Global Electricity Network. Feasibility Study [Elektronnyi resurs]. CIGRE, 2019. 139 p. URL: https://orbi.uliege.be/bitstream/2268/239969/1/CIGRE-GLOBAL_GRID-REPORT.pdf (data obrashcheniya: 11.11.2020).

7. Podkovaľnikov S. V., Chudinova L. Yu. Strategic Cooperation of Electric Power Systems of Russia and Central Asia for the Creation of Common Eurasian Electric Power Space [Elektronnyi resurs] // E3S Web Conf. 2019. Vol. 139. 5 p. URL: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/201913901003> (data obrashcheniya: 11.11.2020).

About the authors:

Lev S. Belyaev, Doctor of Technical Sciences, Professor, Chief Researcher, Melentiev Energy Systems Institute, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Irkutsk, Russia); belyaev@isem.irk.ru

Sergei V. Podkovaľnikov, Doctor of Technical Sciences, Principal Researcher, Head of Department, Melentiev Energy Systems Institute, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Irkutsk, Russia); spodkovaľnikov@isem.irk.ru

Lyudmila Yu. Chudinova, PhD of Technical Sciences, Senior Researcher, Melentiev Energy Systems Institute, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Irkutsk, Russia); chudinova@isem.irk.ru

Ограничение прямых иностранных инвестиций: правовые аспекты в контексте евразийской интеграции

Царёва Л. В.

Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь; Tsareva@bsu.by

РЕФЕРАТ

В статье излагаются современные тенденции в правовом регулировании прямых иностранных инвестиций; анализируются действующие подходы государств — членов ЕАЭС к ограничению иностранных инвестиций; систематизируются положения права Союза, влияющие на принятие и применение государствами-членами национальных мер, направленных на ограничение и контроль прямых иностранных инвестиций; выявляются концептуальные отличия права ЕАЭС и права ЕС в регулировании свободы учреждения. Целью исследования выступает определение степени влияния права ЕАЭС на введение государствами-членами ограничительных мер в отношении прямых инвестиций из государств-членов. Автор приходит к заключению, что правовые рамки для национальных мер по ограничению прямых иностранных инвестиций из государств-членов предопределяются нормами права Союза об обеспечении свободы учреждения как формы осуществления инвестиций, действующими с учетом исключений индивидуального и общего характера, которые позволяют принимать меры, необходимые для защиты приоритетных национальных интересов.

Ключевые слова: право ЕАЭС, прямые иностранные инвестиции, свобода учреждения, осуществление инвестиций

Для цитирования: Царёва Л. В. Ограничение прямых иностранных инвестиций: правовые аспекты в контексте евразийской интеграции // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. № 1. С. 44 – 54.

Foreign Direct Investment Restrictions: Legal Aspects in the Context of Eurasian Integration

Liudmila V. Tsareva

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus; Tsareva@bsu.by

ABSTRACT

The article outlines current trends in the legal regulation of foreign direct investment; analyzes the current approaches of EAEU member states to the restriction of foreign investment; systematizes the provisions of the Union law, which affect the adoption and application of national measures to restrict and control foreign direct investment; identifies the conceptual differences between EAEU law and EU law in regulating freedom of establishment. The aim of the research is to determine the degree of the EAEU law influence on the introduction by member states of restrictive measures against direct investment from member states. The author concludes that the legal framework for national measures to restrict FDI from member states is predetermined by the norms of the Union law on ensuring freedom of establishment as a form of investment, operated with individual and general exceptions, that allow to take the measures necessary to protect the national priority interests.

Keywords: EAEU law, foreign direct investment, freedom of establishment, Investment execution

For citing: Tsareva L. V. Foreign Direct Investment Restrictions: Legal Aspects in the Context of Eurasian Integration // Eurasian Integration: economic, law, politics. 2021. No. 1. Pp. 44 – 54.

Введение

Государства — члены ЕАЭС используют различные модели регулирования допуска прямых иностранных инвестиций¹ (далее — ПИИ), ориентируясь на собственные потребности. В отличие от права Европейского союза, где регулирование ПИИ из третьих стран, как составляющая общей торговой политики, относится к исключительной компетенции интеграционной организации [5, р. 8], право ЕАЭС не ограничивает государства-члены в определении внешнеторговой политики в отношении учреждения, деятельности и осуществления инвестиций с третьими государствами². Вместе с тем в условиях региональной интеграции, в рамках которой стороны заявили об обеспечении свободы движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы и стремятся к полному устранению барьеров и максимальному сокращению изъятий и ограничений для свободного передвижения товаров, услуг, капитала и рабочей силы на общем (едином) рынке Союза³, возникает вопрос о влиянии права ЕАЭС на данную сферу правоотношений между государствами-членами. С позиции правотворчества интересен компетентностный аспект: вправе ли государства-члены вводить ограничения в отношении ПИИ из государств-членов, а если да, то при каких условиях и в каких пределах. С позиции же правоприменения вопрос трансформируется в распространение на инвесторов государств — членов ЕАЭС ограничительных мер в той же мере, в какой они распространяются на инвесторов из третьих стран.

Ограничение ПИИ как современная тенденция инвестиционного законодательства

По данным UNCTAD, в 2018 г. из принятых 55 странами 112 мер, затрагивающих иностранные инвестиции, более трети были связаны с введением ограничений, что является самым высоким показателем за последние два десятилетия⁴. В 2019 г. количество ограничительных мер немного снизилось и составило одну четверть⁵.

Судя по всему, 2020 г. поддержит тенденцию введения ограничений ПИИ со стороны принимающих государств. Только в Европе за истекший год новые специальные нормативные правовые акты, посвященные контролю ПИИ, приняты в Австрии (закон о контроле ПИИ от 8 июля 2020 г.⁶), Словении (раздел 11 «Скрининг прямых иностранных инвестиций» закона об определении интервенционных мер по смягчению и исправлению последствий эпидемии COVID-19⁷), на Мальте (акт № LX от 18 декабря 2020 г.⁸). Германия, Россия, Финляндия и Испания внесли в 2020 г. изменения и дополнения по усилению контроля в действовавшие нормативные правовые акты по вопросам скрининга ПИИ, причем некоторые страны — по несколько раз. Даже Германия, которая всегда придерживалась максимально открытого инвестиционного режима, где ограничения рассматривались как исключительная мера лишь

¹ Прямые иностранные инвестиции характеризуются среди прочего тем, что «мотивацией прямого инвестора выступает установление долговременных отношений с предприятием-реципиентом таким образом, чтобы прямой инвестор мог оказывать существенное влияние на управление этим предприятием. Долговременная заинтересованность проявляется тогда, когда прямой инвестор владеет, по крайней мере, 10% голосующих акций (или эквивалентом, дающим право на аналогичную долю при голосовании) на предприятии — реципиенте прямых инвестиций. Прямые инвестиции могут также позволить прямому инвестору получить доступ к экономике предприятия-реципиента, чего в противном случае он не смог бы сделать». См: Еталонное определение ОЭСР для иностранных прямых инвестиций [Электронный ресурс]. 4-е издание. 2008 г. URL: <https://www.oecd.org/daf/inv/investmentstatisticsandanalysis/46229224.pdf> (дата обращения: 23.02.2021).

² П. 48 Протокола о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций явл. приложением № 16 к Договору о ЕАЭС (Астана, 29 мая 2014 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0003610/itia_05062014 (дата обращения: 23.02.2021).

³ Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 г., утв. Решением Высшего Евразийского экономического совета № 12 от 11 декабря 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01228321/err_12012021_12 (дата обращения: 23.02.2021).

⁴ Доклад о мировых инвестициях — 2019. Особые экономические зоны. Основные тезисы и обзор. С. xi. UNCTAD/WIR/2019 (Overview) [Электронный ресурс]. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2019_overview_ru.pdf (дата обращения: 23.02.2021).

⁵ Доклад о мировых инвестициях — 2020. Международное производство после пандемии. Основные тезисы и обзор. С. xii. UNCTAD/WIR/2020 (Overview) [Электронный ресурс]. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2020_overview_ru.pdf (дата обращения: 23.02.2021).

⁶ Bundesgesetz über die Kontrolle von ausländischen Direktinvestitionen (InvKG) vom 8. Juli 2020. BGBl Nr. 87/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bmdw.gv.at/Ministerium/Rechtsvorschriften/aussenwirtschaftsrecht/Investitionskontrollgesetz.html> (дата обращения: 23.02.2021).

⁷ Act Determining the Intervention Measures to Mitigate and Remedy the Consequences of the COVID-19 Epidemic of 29 May, 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2020/october/tradoc_158966.6.2020.pdf (дата обращения: 23.02.2021).

⁸ ACT No. LX of 18 December 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2021/january/tradoc_159267.pdf (дата обращения: 23.02.2021).

в отдельных секторах экономики и максимально дружественного характера [4, s. 598], ужесточила стандарт проверки (теперь критерием выступает не «фактическая», как было ранее, а «потенциальная» угроза общественному порядку или безопасности), расширила сферу применения контроля и понизила пороговое значение инвестиций, подпадающих под контроль, в стратегических сферах¹.

Содержательно принятые национальные меры включают: введение механизмов отбора ПИИ; расширение перечня секторов и / или видов деятельности, на которые распространяются существовавшие правила контроля; снижение пороговых значений, при которых ПИИ подпадают под контроль; расширение обязанностей иностранных инвесторов по раскрытию информации о сделках, подпадающих под уведомительный или разрешительный порядок; детализацию процедур и сроков осуществления контроля.

Кроме того, в октябре 2020 г. вступил в силу регламент (ЕС) о скрининге иностранных инвестиций в ЕС², который регулирует взаимодействие Европейской комиссии и государств — членов ЕС в сфере обмена информацией и контроля за иностранными инвестициями из третьих стран, которые могут затронуть интересы безопасности одной и более стран — членов ЕС или оказать влияние на конкретные проекты и программы ЕС.

Европейская комиссия призвала государства — члены ЕС в полном объеме использовать имеющиеся у них механизмы контроля, а тех, кто их не имеет, ввести; «а до появления таковых использовать все имеющиеся возможности для активных действий в случаях, когда приобретение или контроль конкретного предприятия или инфраструктуры или технологии может быть сопряжено с рисками для безопасности или общественного контроля»³.

Кажущаяся на первый взгляд нелогичной на фоне беспрецедентного кризиса и существенного снижения глобальных потоков ПИИ⁴ тенденция по введению ограничений на стадии допуска инвестиций объясняется несколькими причинами. В привязке к 2020 г. государства стремятся «защитить» предприятия, ослабленные кризисом, спровоцированным пандемией COVID-19, поскольку последние становятся привлекательной целью для платежеспособных иностранных инвесторов. В более общем контексте, отдавая предпочтение национальным субъектам, государства препятствуют экспансии в критически важные секторы экономики нежелательных инвесторов, которые по разным причинам могут представлять угрозу для национальной безопасности и общественного порядка страны-реципиента. В условиях пандемии коронавируса особое внимание в этой связи стали обращать на сферу здравоохранения и связанные с ней отрасли производства медикаментов и медицинского оборудования.

Емкий термин для ограничений ПИИ — «экономический патриотизм» — был сформулирован во Франции, когда в 2005 г. обсуждался вопрос о поглощении компанией PepsiCo французского производителя Danone [3, s. 12].

Ограничение иностранных инвестиций в странах ЕАЭС

Меры «экономического патриотизма» присутствуют в правовых актах государств — членов ЕАЭС, однако модели их применения и степень разработанности института ограничений ПИИ существенно различаются.

¹ Erstes Gesetz zur Änderung des Außenwirtschaftsgesetzes und anderer Gesetze vom 10. Juli 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://www.bgb1.de/xaver/bgb1/start.xav?startbk=Bundesanzeiger_BGB1&jumpTo=bgb1120s1637.pdf#_bgb1_%2F%2F*%5B%40attr_id%3D%27bgb1120s1637.pdf%27%5D_1610651806132 (дата обращения: 23.02.2021).

² Regulation (EU) 2019/452 of the European Parliament and of the Council Establishing a Framework for the Screening of Foreign Direct Investments into the Union of 19 March 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2019/452/oj> (дата обращения: 23.02.2021).

³ Mitteilung der Kommission. Leitlinien für die Mitgliedstaaten betreffend ausländische Direktinvestitionen, freien Kapitalverkehr aus Drittländern und Schutz der strategischen Vermögenswerte Europas im Vorfeld der Anwendung der Verordnung (EU) 2019/452 über die Überprüfung ausländischer Direktinvestitionen (2020/C 99 I/01) [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/TXT/PDF/?uri=OJ:C:2020:099I:FULL&from=EN> (дата обращения: 23.02.2021).

⁴ По статистике, глобальные потоки прямых иностранных инвестиций снизились в первой половине 2020 г. на 49% по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. // Доклад о мировых инвестициях — 2020. Основные тезисы и обзор. UNCTAD/WIR/2020 (Overview) [Электронный ресурс]. URL: <https://news.un.org/ru/story/2020/10/1389172> (дата обращения: 23.02.2021).

Наиболее системно и детально вопросы контроля ПИИ урегулированы в Российской Федерации, где действует специальный закон 2008 г. «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства»¹ (далее — Закон РФ 2008 г.). Само название правового акта указывает на достаточно узкую сферу его применения по предмету: речь идет об особенностях вложения иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства. Законом предусматривается организационно-правовой механизм получения предварительного разрешения на сделки, связанные с участием в уставных капиталах таких хозяйственных обществ. Разрешительные процедуры распространяются на иностранных инвесторов и группы лиц, в которые входит иностранный инвестор, и (или) при совершении указанными лицами сделок, в результате которых устанавливается контроль иностранных инвесторов или группы лиц над такими хозяйственными обществами. Проверка и выдача разрешения на совершение сделок, подпадающих под разрешительную процедуру Закона РФ 2008 г., осуществляется специально образованной Правительственной комиссией по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации (далее — Правительственная комиссия).

Кроме того, на основании ч. 5 ст. 6 закона РФ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации»² в целях обеспечения обороны страны и безопасности государства по решению председателя Правительственной комиссии предварительному согласованию в порядке, предусмотренном Законом РФ 2008 г., подлежат сделки, совершаемые иностранными инвесторами в отношении российских хозяйственных обществ. Сфера применения данной нормы существенно шире, поскольку подчиняет контролю сделки с участием иностранных инвесторов, осуществляемые в отношении хозяйственных обществ, вне зависимости от принадлежности последних к категории стратегических. При этом целью контроля выступает обеспечение обороны страны и безопасности государства.

Предварительному согласованию в том же порядке подлежат также сделки, которые совершаются иностранными государствами, международными организациями или находящимися под их контролем организациями и в результате которых приобретает право прямо или косвенно распоряжаться более чем 25% общего количества голосов, приходящихся на голосующие акции (доли), составляющие уставный капитал российского хозяйственного общества, или иная возможность блокировать решения органов управления такого хозяйственного общества.

В Казахстане контроль ПИИ регламентируется законом «О национальной безопасности»³. Согласно ст. 22 названного закона в целях защиты национальных интересов Республики Казахстан, в том числе сохранения и укрепления промышленного потенциала, государство с соблюдением гарантий, предоставляемых иностранным инвесторам, осуществляет контроль за состоянием и использованием объектов экономики Казахстана, находящихся в управлении или собственности иностранных организаций и организаций с иностранным участием. Совершение сделок по использованию стратегических ресурсов и (или) использованию, приобретению стратегических объектов Республики Казахстан, если это может повлечь за собой концентрацию прав у одного лица или группы лиц из одной страны, требует разрешения компетентного государственного органа. Соблюдение данного условия обязательно и в отношении сделок с аффилированными лицами.

Законом Республики Казахстан от 2 июля 2003 г. № 461 «О рынке ценных бумаг» предусмотрено право Правительства Республики Казахстан устанавливать ограничения на переход и возникновение права собственности на стратегические ресурсы (объекты) Республики Казахстан в целях обеспечения национальной безопасности. В целях реализации соответствующего решения (акта) Правительства

¹ О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства : федеральный закон от 29 апреля 2008 г. № 57-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76660/ (дата обращения: 23.02.2021).

² Об иностранных инвестициях в Российской Федерации : федеральный закон от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16283/ (дата обращения: 23.02.2021).

³ О национальной безопасности Республики Казахстан : закон Республики Казахстан от 6 января 2012 г. № 527-IV [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31106860#pos=417;-34 (дата обращения: 23.02.2021).

Республики Казахстан эмитент, контрольный пакет акций которого прямо или косвенно принадлежит национальному управляющему холдингу, при размещении акций на организованном рынке ценных бумаг не вправе продавать акции иностранным гражданам и (или) юридическим лицам, а также лицам без гражданства.

В отдельных секторах экономики участие иностранных инвесторов лимитируется путем установления квот. Так, иностранным физическим и юридическим лицам, а также лицам без гражданства запрещается прямо и (или) косвенно владеть, пользоваться, распоряжаться и (или) управлять более 20% акций (долей, паев) юридического лица — собственника средства массовой информации в Республике Казахстан или осуществляющего деятельность в этой сфере. По общему правилу нельзя также прямо и (или) косвенно владеть, пользоваться, распоряжаться и (или) управлять в совокупности более чем 49% голосующих акций, а также долей, паев юридического лица, осуществляющего деятельность в области телекоммуникаций в качестве оператора междугородной и (или) международной связи, владеющего наземными (кабельными, в том числе волоконно-оптическими, радиорелейными) линиями связи. Последнее требует положительного решения Правительства Республики Казахстан, основанного на заключении уполномоченного органа в области связи и информации, согласованного с органами национальной безопасности. Такого рода нормативные ограничения чаще всего также объясняются защитой национальной безопасности.

Закон Кыргызской Республики «О стратегических объектах»¹ в целях обеспечения национальной безопасности предусматривает ограничение на переход и возникновение права собственности на стратегические ресурсы (объекты) Кыргызской Республики в виде получения разрешения уполномоченного государственного органа на совершение сделок по использованию стратегических ресурсов и (или) использованию, приобретению стратегических объектов Кыргызской Республики. Помимо объектов, перечисленных в двадцати подпунктах п. 1 ст. 2 названного закона, к стратегическим объектам могут быть отнесены пакеты акций (доли участия, паи) в юридических лицах, в собственности которых находятся стратегические объекты, а также пакеты акций (доли участия, паи) физических и юридических лиц, которые имеют возможность прямо или косвенно определять решения или оказывать влияние на принимаемые решения юридических лиц, в собственности которых находятся стратегические объекты, а также предприятия, имеющие стратегическое значение для государства.

Принципиально иная модель регулирования применяется в Беларуси. Закон Республики Беларусь «Об инвестициях»² (далее — Закон Беларуси) провозглашает принцип равенства инвесторов и не дифференцирует их правовое регулирование, в том числе ограничения на стадии допуска, в зависимости от принадлежности инвестиций к категории национальных или иностранных.

В рамках данной концепции ст. 6 Закона Беларуси закрепляет три категории ограничительных мер в отношении инвестиций без учета их происхождения. Во-первых, не допускается осуществление инвестиций в виды деятельности, запрещенные законодательными актами Беларуси. Во-вторых, ограничения могут вводиться законодательными актами Республики Беларусь по мотивам противоречия национальной безопасности, общественному порядку, защите нравственности, здоровью населения, правам и свободам других лиц. Условия и порядок реализации этой общей возможности ограничения, как и потенциальные правовые последствия несоблюдения ограничений, в законе не конкретизируются. Третью категорию составляют ограничения, предопределяемые целями антимонопольного законодательства. Законом предписывается получение согласия республиканского антимонопольного органа при осуществлении инвестиций в имущество юридических лиц, занимающих доминирующее положение на товарных рынках Республики Беларусь.

¹ О стратегических объектах Кыргызской Республики : закон Кыргызской Республики от 23 мая 2008 г. № 94 [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202305?cl=ru-ru> (дата обращения: 23.02.2021).

² Об инвестициях : закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 53-3 [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11300053> (дата обращения: 23.02.2021).

В Беларуси также применяются «секторальные» квоты. Предельная квота участия иностранного капитала в банковской системе Республики Беларусь составляет 50%¹, в уставных фондах всех страховых организаций Республики Беларусь — 30%². При превышении соответствующей квоты регистрирующий орган (Национальный банк и Министерство финансов, соответственно) прекращает регистрацию субъектов с участием иностранных инвесторов и (или) выдачу им специальных разрешений (лицензий) на осуществление деятельности.

Режим иностранных инвестиций в Республике Армения установлен законом об иностранных инвестициях 1994 г., содержание которого ориентировано на привлечение иностранных инвестиций в экономику страны и концентрируется на аспектах, сигнализирующих его привлекательность, не устанавливая ограничений.

Заметим, что ни один из пяти правопорядков прямо не устанавливает исключений из нормативно установленных правил в отношении инвестиций из государств — членов ЕАЭС³.

Источники правового регулирования и терминологический аппарат права ЕАЭС

Вопросы осуществления инвестиций выступают предметом регулирования раздела XV Договора о Евразийском экономическом союзе «Торговля услугами, учреждение, деятельность и осуществление инвестиций» (ст. 65–69, далее — раздел XV Договора о Союзе) и одноименного Протокола, являющегося приложением № 16 к Договору о ЕАЭС (далее — Протокол № 16). В Договоре не заявляется об обеспечении абсолютной свободы торговли услугами, учреждения, деятельности и осуществления инвестиций, а указывается на их реализацию в соответствии с условиями Договора о Союзе и Протокола № 16.

Структурно включение норм об осуществлении инвестиций в раздел Договора о Союзе и Протокол № 16, регулирующих также свободу передвижения услуг, представляется не самым удачным, поскольку объединяет разные по своему содержанию и сущности правоотношения. Кроме того, свобода передвижения услуг выступает одной из четырех составляющих общего (единого) рынка (ст. 2 Договора о Союзе), тогда как свободы учреждения, деятельности и осуществления инвестиций, хоть и декларируются источниками первичного права в качестве свобод (ст. 66 Договора о Союзе), такого статуса не имеют.

Содержательная регламентация свободы осуществления инвестиций и ее соотношение с иными свободами не отличаются лаконичностью и четкостью, что потенциально может вызвать сложности при применении права Союза.

В отличие от всех остальных категорий, вынесенных в название раздела XV Договора о Союзе и Протокола № 16, термину «осуществление инвестиций» не дано нормативного определения на уровне первичных источников права Союза. Если торговля услугами (определение в целях применения права Союза содержится в подпункте 22 п. 6 Протокола № 16) с достаточной степенью определенности может быть обособлена от сферы инвестиций, то вопрос о соотношении понятия «осуществление инвестиций» с категориями «учреждение» (подпункт 24 п. 6 Протокола № 16) и «деятельность» (подпункт 2 п. 6 Протокола № 16) требует более пристального внимания. Наличие легальной дефиниции термина «деятельность в связи с инвестициями» (подпункт 3 п. 6) еще больше усложняет уяснение концепции регулирования инвестиционных отношений на союзном уровне.

¹ Банковский кодекс Республики Беларусь от 25 октября 2000 г. № 441-З. Ст. 90 [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk0000441> (дата обращения: 23.02.2021).

² Об установлении квоты иностранных инвесторов в уставных фондах страховых организаций Республики Беларусь : постановление Совета министров Республики Беларусь от 11 сентября 2006 г. № 1174. П. 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C20601174> (дата обращения: 23.02.2021).

³ Иной подход практикуется в государствах — членах ЕС, где в национальных правовых актах прямо указывается, что меры распространяются только на инвестиции из третьих стран. Например, ст. 55 Закона Германии о внешнеэкономической деятельности оперирует термином «страны, не входящие в ЕС», закон Австрии о контроле ПИИ в ст. 2 закрепляет, что под «иностраным лицом понимается физическое лицо, не являющееся гражданином ЕС или гражданином ЕЭП или Швейцарии; а также юридическое лицо, имеющее свой зарегистрированный офис или центральную администрацию за пределами ЕС, ЕЭП и Швейцарии».

«Деятельность» в целях применения Протокола № 16 включает предпринимательскую и иную деятельность (включая торговлю услугами и производство товаров) юридических лиц, филиалов, представительств или индивидуальных предпринимателей.

«Деятельность в связи с инвестициями» означает владение, пользование и (или) распоряжение инвестициями.

Под инвестициями в праве Союза понимаются материальные и нематериальные ценности, вкладываемые инвестором одного государства-члена в объекты предпринимательской деятельности на территории другого государства-члена в соответствии с законодательством последнего. Разграничение инвестиций на прямые и портфельные в праве Союза не производится.

В силу п. 66 Протокола № 16 одной из форм осуществления инвестиций является учреждение в понимании п. 6 (24) настоящего Протокола, который включает:

- создание и (или) приобретение юридического лица (участие в капитале созданного или учрежденного юридического лица) любой организационно-правовой формы и формы собственности, предусмотренных законодательством государства-члена, на территории которого такое юридическое лицо создается или учреждается;
- приобретение контроля над юридическим лицом государства-члена, выражающееся в получении возможности непосредственно или через третьих лиц определять решения, принимаемые таким юридическим лицом, в том числе путем распоряжения голосами, приходящимися на голосующие акции (доли), путем участия в совете директоров (наблюдательном совете) и в иных органах управления такого юридического лица;
- открытие филиала;
- открытие представительства;
- регистрацию в качестве индивидуального предпринимателя.

Системный анализ приведенных дефиниций приводит к выводу, что национальное регулирование вопросов допуска ПИИ коррелирует по своему содержанию с предписаниями об осуществлении инвестиций в форме учреждения на союзном уровне.

В силу прямого указания нормы п. 66 Протокола № 16 к инвестициям, осуществляемым в форме учреждения, не применяются положения п. 69–74 Протокола № 16, размещенных в подразделе «Правовой режим и защита инвестиций». В указанных пунктах закреплены обязательства государств-членов по предоставлению национального или не менее благоприятного правового режима в отношении инвестиций по выбору инвестора (п. 69–71), а также право в соответствии со своим законодательством ограничивать деятельность инвесторов других государств-членов и применять, и вводить иные изъятия из национального режима (п. 73).

Изъятие свободы учреждения из сферы действия норм о предоставлении относительно правового режима инвестиций согласуется с концепцией разграничения допуска инвестиций и последующего режима их осуществления, известной международному инвестиционному праву [2, р. 19]. Согласно этой теории обязательства государств-членов по предоставлению инвестициям национального режима или режима наибольшего благоприятствования охватывают по общему правилу только условия осуществления деятельности после допуска инвестиций на рынок и не распространяются на вопрос о том, обязано ли государство допускать инвестиции на свой рынок [6, р. 14].

Таким образом, право ЕАЭС исходит из того, что учреждение как форма осуществления инвестиций опосредует стадию допуска прямых иностранных инвестиций, и, соответственно, правовые рамки для принятия мер по ограничению ПИИ на национальном уровне предопределяются нормами об обеспечении свободы учреждения как формы осуществления инвестиций на уровне права Союза. Заметим, что такой подход кардинально отличается от концепции свободы учреждения в ЕС, где, помимо того что она отнесена к свободам внутреннего рынка, ее содержание включает в себя не только доступ к созданию компании и участию в ней, но и управление, и последующее осуществление

деятельности на условиях, определенных законодательством страны учреждения для своих собственных граждан, при соблюдении положений главы о капиталах¹.

Материальное регулирование

Государства — члены ЕАЭС взяли на себя обязательства не вводить новые дискриминационные меры в отношении учреждения лиц других государств-членов по сравнению с режимом, действующим на дату вступления в силу Договора о ЕАЭС, а также проводить поэтапную либерализацию условий учреждения и осуществления инвестиций (п. 1 и 2 ст. 66 Договора о Союзе).

Для исследуемых вопросов об ограничении ПИИ на национальном уровне релевантными нормами Протокола № 16 видятся положения: а) п. 24, 26 подраздела «Национальный режим при торговле услугами, учреждении и деятельности»; б) п. 30, 31 подраздела «Количественные и инвестиционные меры»; в) п. 62 подраздела «Внутреннее регулирование при торговле услугами и в отношении учреждения и (или) деятельности».

То есть:

- а) согласно п. 24 Протокола № 16 каждое государство-член предоставляет лицам любого государства-члена в отношении учреждения режим не менее благоприятный, чем режим, предоставляемый при таких же (подобных) обстоятельствах своим собственным лицам на своей территории; на основании п. 26 каждое государство-член в отношении учреждения лиц любого государства-члена может применять отдельные ограничения и условия, указанные в национальных перечнях или в приложении № 2 к настоящему Протоколу;
- б) согласно п. 30 Протокола № 16 государства-члены не вводят и не применяют в отношении лиц любого государства-члена в связи с учреждением ограничения, касающиеся в том числе приобретаемой доли в уставном капитале юридического лица или степени контроля над юридическим лицом; в п. 31 Протокола № 16, закрепляющем исключение из общего правила путем возможной отсылки к национальным перечням и приложению № 2 к Протоколу 16, сфера учреждения не указана; следуя общему правилу о том, что исключения не толкуются расширительно, в отношении обязательства не вводить и не применять в отношении лиц любого государства-члена в связи с учреждением ограничений, касающихся приобретаемой доли в уставном капитале юридического лица или степени контроля над юридическим лицом, государства-члены не могут ссылаться на национальные перечни об исключениях или приложение № 2 к Протоколу;
- в) в силу п. 62 Протокола № 16 государства-члены не применяют разрешительные требования и процедуры, которые аннулируют или сокращают выгоды и не были установлены законодательством государства-члена и не применялись соответствующим государством-членом на дату подписания Договора.

Из приведенных норм следует, что в рамках обеспечения свободы учреждения право Союза налагает на государства-члены обязательства, непосредственно влияющие на введение мер по ограничению ПИИ из государств — членов ЕАЭС. Так, государства обязались:

- во-первых, предоставлять национальный режим в отношении создания и (или) приобретения юридического лица, участия в капитале созданного или учрежденного юридического лица, а также приобретения контроля над юридическим лицом;
- во-вторых, не вводить новых ограничений по сравнению с существовавшими по состоянию на дату вступления в силу Договора о Союзе, и не применять их;
- в-третьих, не применять разрешительные требования и процедуры, которые аннулируют или сокращают выгоды, которые не были установлены законодательством государства-члена и не применялись соответствующим государством-членом на дату подписания Договора.

¹ Art. 49 of the Treaty on the Functioning of the European Union [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A12016E%2FTXT> (дата обращения: 23.02.2021).

Исключения

Практически все государства воспользовались возможностью изъять из сферы действия свободы учреждения отношения, имеющие значение для обеспечения безопасности, включив их в приложение № 2 к Протоколу № 16. В перечень горизонтальных ограничений со ссылкой на п. 26 Беларусь включила отдельные виды деятельности (землеустройство, инвентаризация и государственная регистрация недвижимого имущества, геодезические и картографические работы, результаты которых имеют общегосударственное, межотраслевое назначение), сославшись на закон «Об объектах, находящихся только в собственности государства, и видах деятельности, на осуществление которых распространяется исключительное право государства».

Со стороны Казахстана в перечень вошли разрешительный порядок на совершение сделок по использованию стратегических ресурсов и (или) использованию, приобретению стратегических объектов Республики Казахстан на основании закона о национальной безопасности и ограничения на основании закона о недрах и недропользовании. Требование о получении разрешения на совершение сделок по использованию стратегических ресурсов и (или) использованию, приобретению стратегических объектов Кыргызской Республики зафиксированы и Кыргызской Республикой.

Российская Федерация указала на изъятия, подпадающие в сферу действия Закона РФ 2008 г., на возможность ограничений учреждения юридических лиц, приобретение ими доли участия в капитале юридических лиц, зарегистрированных на территориях закрытых административно-территориальных образований.

Помимо индивидуальных исключений из общих правил, заявленных каждым государством со ссылкой на внутренние нормативные правовые акты, путем включения в приложение № 2, в п. 6 и 7 ст. 65 Договора о Союзе, закреплены общие правила об основаниях для правомерного отступления государствами от обязательств по обеспечению свободы учреждения.

Согласно п. 6 ст. 65 Договора о Союзе ничто в разделе XV Договора о Союзе не должно толковаться как препятствие для любого государства-члена предпринимать любые действия, которые оно считает необходимыми для защиты важнейших интересов его безопасности посредством принятия законодательного акта.

Проецируя приведенную норму на введение национальных мер, ограничивающих ПИИ, принятые государствами-членами меры будут признаваться правомерными при условии, что они (а) вводятся с целью защиты важнейших интересов безопасности государства и (б) облечены в форму законодательного акта. Правоприменению еще предстоит выяснить, как будет работать норма о приоритете важнейших интересов безопасности при реализации договоренностей в рамках ЕАЭС. В частности, пока не ясно, что вкладывается в содержание понятия «важнейшие интересы безопасности государства», каким образом государство должно (и должно ли вообще) обосновывать причинно-следственную связь между вводимыми мерами и обеспечением безопасности, должна ли мера обозначаться «в национальном законодательном акте в качестве способа обеспечения важнейших интересов безопасности» [1]. Не исключено, что вопросы могут возникнуть и в связи с формой закрепления мер в контексте толкования понятия «законодательный акт», что уже имело место при применении права Союза в области закупок¹.

Приоритетными могут выступать и иные интересы: защита общественной морали или поддержание общественного порядка, защита жизни или здоровья людей, животных или растений, предотвращение вводящей в заблуждение и недобросовестной практики или последствий несоблюдения гражданско-правовых договоров; защита от вмешательства в частную жизнь отдельных лиц при обработке и распространении сведений личного характера и защита конфиденциальности сведений о личной жизни и счетов; безопасность (п. 7 ст. 65 Договора о Союзе). Одним из условий правомерности применения

¹ Постановление Большой коллегии Суда ЕАЭС от 3 февраля 2021 г. о разъяснении вопроса об определении объема правового содержания термина «законодательные акты государства — члена Союза» [Электронный ресурс]. URL: file:///C:/Users/User/Downloads/%D0%9F%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%91%D0%9A_3.02.21.pdf (дата обращения: 23.02.2021).

мер по таким основаниям является отсутствие произвольной или неоправданной дискриминации между государствами-членами или скрытых ограничений в сфере учреждения.

Административные процедуры

Протокол № 16 устанавливает требования к национальным административным процедурам, посредством которых реализуются разрешительные требования и процедуры, в том числе в отношении учреждения, несоблюдение которых влечет неприменение разрешительных требований и процедур государств-членов (п. 60–64). Более того, государства-члены должны руководствоваться специально разработанными Правилами регулирования торговли услугами, учреждения и деятельности¹, направленными на предотвращение неоправданных барьеров.

Выводы

Мировые тенденции развития инвестиционного законодательства демонстрируют, что меры по ограничению ПИИ все реже рассматриваются как препятствие для инвестиционной привлекательности страны и «все в большей степени как полезный инструмент защиты отечественной важнейшей инфраструктуры и ключевых технологий»², значение которого ощутимо возросло на фоне кризиса, вызванного пандемией COVID-19.

Государства — члены ЕАЭС практикуют различные подходы к допуску ПИИ, выстраивая национальное правовое регулирование с учетом индивидуальных потребностей и приоритетов, балансируя между интересом в привлечении иностранного капитала, новых технологий и ноу-хау, с одной стороны, и фактическими и / или потенциальными рисками для национальных интересов, с другой.

Правовые рамки для введения и применения национальных мер по ограничению ПИИ из государств-членов предопределяются нормами права Союза об обеспечении свободы учреждения как формы осуществления инвестиций. Общие правила об обязательствах государств-членов предоставить национальный режим в отношении создания и (или) приобретения юридического лица, участия в капитале созданного или учрежденного юридического лица, а также приобретения контроля над юридическим лицом; не вводить и не применять новых ограничений по сравнению с существовавшими по состоянию на дату вступления в силу Договора о Союзе; а также не применять разрешительные требования и процедуры, которые аннулируют или сокращают выгоды, по сравнению с датой подписания Договора, действуют с учетом ряда исключений индивидуального и общего характера. В пределах данного механизма государства-члены вправе принимать и применять меры, необходимые для защиты приоритетных национальных интересов.

Литература

1. *Невский А.* Исключения из обязательств по услугам в рамках ВТО и в отдельных интеграционных образованиях по основаниям функций власти и безопасности. Часть 1 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «Консультант Плюс».
2. *Dolzer R., Schreuer Ch.* Principles of International Investment Law. Second Edition. Oxford : University Press, 2012.
3. *Heinemann A.* Ökonomischer Patriotismus in Zeiten regionaler und internationaler Integration: Zur Problematik staatlicher Aufsicht über grenzüberschreitende Unternehmensübernahmen: Online-Ausg. Tübingen Mohr Siebeck, 2011.

¹ Правила регулирования торговли услугами, учреждения и деятельности, утв. решением Высшего Евразийского экономического совета от 26 декабря 2016 г. № 24 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/finpol/dobd/rr/Documents/%D1%80%D0%B5%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%92%D0%95%D0%AD%D0%A1%2024.pdf> (дата обращения: 23.02.2021).

² П. 13 обоснования принятия Регламента 2019/452. Regulation (EU) 2019/452 of the European Parliament and of the Council Establishing a Framework for the Screening of Foreign Direct Investments into the Union of 19 March 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2019/452/oj> (дата обращения: 23.02.2021).

4. *Hocke E.* Außenwirtschaftsrecht: Begründet von E. Hocke; Herausgegeben von Dr. Bärbel Sachs, LL.M., Dr. Ch. Pelz . 2. neu bearbeitete Auflage, C. F. Müller, 2020.
5. *Tietje Ch.* Beschränkungen ausländischer Unternehmensbeteiligungen zum Schutz vor „Staatsfonds“: Rechtliche Grenzen eines neuen Investitionsprotektionismus // Policy Papers on Transnational Economic Law. 2007. No. 26.
6. *Tietje Ch.* Die Außenwirtschaftsverfassung der EU nach dem Vertrag von Lissabon // Beiträge zum Transnationalen Wirtschaftsrecht. Januar, 2009. Heft 83. S. 5–23.

Об авторе:

Царёва Людмила Васильевна, доцент кафедры гражданского права юридического факультета Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь), кандидат юридических наук; Tsareva@bsu.by

References

1. Nevskii A. Isklyucheniya iz obyazatel'stv po uslugam v ramkakh VTO i v otdel'nykh integratsionnykh obrazovaniyakh po osnovaniyam funktsii vlasti i bezopasnosti. Chast' 1 [Elektronnyi resurs] // Dostup iz SPS «Konsul'tant Plyus».
2. Dolzer R., Schreuer Ch. Principles of International Investment Law. Second Edition. Oxford : University Press, 2012.
3. Heinemann A. Ökonomischer Patriotismus in Zeiten regionaler und internationaler Integration: Zur Problematik staatlicher Aufsicht über grenzüberschreitende Unternehmensübernahmen: Online-Ausg. Tübingen Mohr Siebeck, 2011.
4. Hocke E. Außenwirtschaftsrecht: Begründet von E. Hocke; Herausgegeben von Dr. Bärbel Sachs, LL. M., Dr. Ch. Pelz . 2. neu bearbeitete Auflage, C. F. Müller, 2020.
5. Tietje Ch. Beschränkungen ausländischer Unternehmensbeteiligungen zum Schutz vor „Staatsfonds“: Rechtliche Grenzen eines neuen Investitionsprotektionismus // Policy Papers on Transnational Economic Law. 2007. No. 26.
6. Tietje Ch. Die Außenwirtschaftsverfassung der EU nach dem Vertrag von Lissabon // Beiträge zum Transnationalen Wirtschaftsrecht. Januar, 2009. Heft 83. S. 5–23.

About the author:

Liudmila V. Tsareva, Associate Professor at the Department of Civil Law of the Law Faculty of Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus), PhD in Jurisprudence; Tsareva@bsu.by

Привилегии и иммунитеты персонала международных организаций

Мячина А. Г.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; alya1805@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье раскрываются основные привилегии и иммунитеты персонала международных организаций, закрепленные положениями международного права, рассматривается практика разрешения споров с участием персонала международных организаций с целью определения соблюдения международного нормотворчества, в том числе во взаимодействии с национальным, регулирующего данный правовой институт.

Ключевые слова: привилегии, иммунитеты, персонал, международная организация, специализированное учреждение

Для цитирования: Мячина А. Г. Привилегии и иммунитеты персонала международных организаций // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. № 1. С. 55 – 61.

Privileges and Immunities of the International Organizations Staff

Alina G. Miachina

The North-West Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, Russian Federation; alya1805@mail.ru

ABSTRACT

The article discloses the basic privileges and immunities of the international organizations staff, as established by the provisions of international law. The author considers dispute settlement practices involving international organizations staff to determine compliance with international norm-setting which regulates the law institution in question, including cooperation with the national norm-setting.

Keywords: privileges, immunities, staff, international organization, specialized agency

For citing: Miachina A. G. Privileges and Immunities of the International Organizations Staff // Eurasian Integration: economic, law, politics. 2021. No. 1. Pp. 55 – 61.

Международные (межправительственные) организации нуждаются в независимости от государства пребывания в целях эффективного осуществления своих функций. Такая независимость подразумевает под собой наличие определенных привилегий и иммунитетов, которые определяются в их уставных документах, многосторонних конвенциях и двусторонних соглашениях между организацией и государством пребывания.

Целый ряд международных правовых документов фиксируют иммунитет персонала международных организаций и представителей государств при международных организациях, аналогичный иммунитету дипломатическому¹. Указанный иммунитет предусмотрен Венской конвенцией о дипломатических сношениях 1961 г.

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 4 т. Общая часть [Электронный ресурс]. Постатейный. Т. 1 / отв. ред. В. М. Лебедев. Юрайт, 2017 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=18554#04481378461366714> (дата обращения: 28.10.2020).

Организация Объединенных Наций (далее — ООН, Организация) и ее специализированные учреждения в соответствии с положениями международного права обладают определенными привилегиями и иммунитетами.

Ст. 105 Устава Организации Объединенных Наций, подписанного в Сан-Франциско 26 июня 1945 г. (далее — Устав ООН), предусмотрено, что представители членов Организации и ее должностные лица пользуются привилегиями и иммунитетами, которые необходимы для самостоятельного выполнения ими своих функций, связанных с деятельностью Организации.

Согласно ст. 100 Устава ООН Генеральный секретарь и персонал Секретариата не должны запрашивать или получать указания от какого бы то ни было правительства или власти, посторонней для Организации. Они должны воздерживаться от любых действий, которые могли бы отразиться на их положении как международных должностных лиц, ответственных только перед Организацией¹.

Привилегии и иммунитеты ООН и ее сотрудников закреплены Конвенцией о привилегиях и иммунитетах Объединенных Наций, принятой резолюцией 22 А Генеральной Ассамблеи от 13 февраля 1946 г. (далее — Конвенция 1946 г.).

Так, в соответствии с положениями раздела 18 указанной Конвенции 1946 г. должностные лица Объединенных Наций:

- a) не подлежат судебной ответственности за сказанное или написанное ими и за все действия, совершенные ими в качестве должностных лиц;
- b) освобождаются от обложения налогами окладов и вознаграждений, уплачиваемых им Объединенными Нациями;
- c) освобождаются от государственных служебных повинностей;
- d) освобождаются вместе с женами и родственниками, находящимися на их иждивении, от ограничений по иммиграции и от регистрации иностранцев;
- e) пользуются теми же привилегиями в отношении обмена валюты, которые предоставляются должностным лицам соответствующего ранга, входящим в состав дипломатических миссий, аккредитованным при соответствующем правительстве;
- f) пользуются вместе со своими женами и родственниками, состоящими на их иждивении, теми же льготами по репатриации, какими пользуются дипломатические представители во время международных кризисов;
- g) имеют право ввезти беспоплавно свою мебель и имущество при первоначальном занятии должности в соответствующей стране.

Кроме иммунитетов и привилегий, указанных в разделе 18, Генеральный Секретарь и все помощники Генерального Секретаря пользуются в отношении себя, своих жен и несовершеннолетних детей привилегиями и иммунитетами, изъятиями и льготами, предоставляемыми, согласно международному праву, дипломатическим представителям (раздел 19 Конвенции 1946 г.).

Кроме того, в силу раздела 22 Конвенции 1946 г. эксперты (иные, чем должностные лица, к которым относится статья V), выполняющие поручения Объединенных Наций, пользуются такими привилегиями и иммунитетами, какие необходимы для независимого выполнения их функций в продолжение командировок, включая время, потраченное на поездки в связи с командировками. В частности, им предоставляется:

- a) иммунитет от личного ареста или задержания и от наложения ареста на их личный багаж;
- b) всякого рода судебно-процессуальный иммунитет в отношении всего сказанного или написанного ими и совершенного ими при исполнении служебных обязанностей. Этот судебно-процессуальный иммунитет продолжает предоставляться даже после того, как лица, которых это касается, уже не состоят в командировке по делам Объединенных Наций;
- c) неприкосновенность всех бумаг и документов;

¹ Загидуллин М. Р., Рузакова О. А., Ситдилов Р. Б. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации. Комментарий к ст. 401 [Электронный ресурс] // Вестник гражданского процесса. 2017. № 4 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=108482#05843607907394002> (дата обращения: 28.10.2020).

- d) право пользоваться шифром и получать бумаги или корреспонденцию посредством курьеров или вализ для сношений с Объединенными Нациями;
- e) те же льготы в отношении ограничений обмена денег или валюты, какие предоставляются представителям иностранных правительств, находящихся во временных служебных командировках;
- f) те же иммунитеты и льготы в отношении их личного багажа, какие предоставляются дипломатическим представителям.

С учетом того, что в Конвенции не предусмотрено конкретное понятие «эксперт в командировках», согласно консультативному заключению Международного Суда ООН¹, экспертами в командировках следует считать лица, выступающие в личном качестве и не являющиеся должностными лицами или представителями членов.

Разделами 20, 23 Конвенции 1946 г. установлено также, что привилегии и иммунитеты предоставляются должностным лицам и экспертам в интересах Объединенных Наций, а не для их личной выгоды. Генеральный Секретарь имеет право и обязанность отказаться от иммунитета, предоставленного любому должностному лицу и эксперту, в тех случаях, когда, по его мнению, иммунитет препятствует отправлению правосудия и от него можно отказаться без ущерба для интересов Объединенных Наций. В отношении Генерального Секретаря право отказа от иммунитета принадлежит Совету Безопасности².

Из существа указанной нормы представляется, что такой отказ должен быть произведен без ущерба для цели, с которой был предоставлен иммунитет, кроме того, данный отказ является не правом, а обязанностью стороны спора, в соответствии с чем накладывает дополнительные обязательства исходя из принципа добросовестности.

Конвенция ООН о привилегиях и иммунитетах специализированных учреждений, принятая резолюцией 179 (II) Генеральной Ассамблеи от 21 ноября 1947 г. (далее — Конвенция 1947 г.), также закрепляет привилегии и иммунитеты, которыми пользуются ООН и различные специализированные учреждения, и распространяет свое действие на Международную организацию труда, Продовольственную и сельскохозяйственную организацию, Организацию Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, Международный валютный фонд, Международный банк реконструкции и развития, Всемирную организацию здравоохранения, Международную организацию гражданской авиации, Всемирный почтовый союз, Международный союз электросвязи и другие учреждения.

Каждое специализированное учреждение определяет категории должностных лиц, по отношению к которым должны применяться положения указанной Конвенции. Их привилегии и иммунитеты сходны с теми, которые предоставляются должностным лицам ООН.

Конвенция 1947 г., закрепляющая иммунитет Объединенных Наций, имущества «от любой формы судебного вмешательства, кроме случаев, когда организация сама определенно отказывается от иммунитета в каком-либо отдельном случае» (раздел 2 ст. 2), обеспечивает недопущение предоставления международным служащим неоднородной степени защиты и неравных процессуальных прав.

Кроме того, иными нормативными правовыми актами, в частности Факультативным протоколом к Конвенции о безопасности персонала ООН и связанного с ней персонала, дополняющим Конвенцию о безопасности персонала ООН и связанного с ней персонала, принятую в Нью-Йорке 9 декабря 1994 г. (Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 8 декабря 2005 г.), установлены дополнительные иммунитеты и меры, предпринимаемые для безопасности персонала ООН.

В свою очередь, существует целый ряд положений законодательства Евразийского экономического союза, предусматривающий закрепление соответствующих привилегий и иммунитетов как международных (межправительственных) организаций, так и их персонала.

¹ Консультативное заключение Международного Суда ООН от 15 декабря 1989 года. [Электронный ресурс] // Сайт ООН. URL: <http://repository.un.org> (дата обращения: 20.10.2020).

² Конвенция о привилегиях и иммунитетах Объединенных Наций, принята резолюцией 22 А Генеральной Ассамблеи от 13 февраля 1946 г. [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=15240#020019773166907417> (дата обращения: 20.10.2020).

Основным таким документом является Конвенция о привилегиях и иммунитетах Евразийского экономического сообщества, подписанная в Минске 31 мая 2001 г. (далее — Конвенция о привилегиях и иммунитетах ЕврАзЭС). Несмотря на то, что указанная организация прекратила свою деятельность в связи с реорганизацией, положения, регулирующие привилегии и иммунитеты ее персонала, сохранили свое действие в отношении сотрудников организации — правопреемницы Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС).

Положением о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в ЕАЭС, являющимся приложением № 32 к Договору о ЕАЭС, также закреплены привилегии и иммунитеты членов Коллегии Комиссии, судей Суда Союза, должностных лиц и сотрудников, аналогичные иммунитетам и привилегиям персонала ООН и специализированных учреждений.

Каждая международная (межправительственная) организация стремится закрепить свои основные положения и права своего персонала в учредительных документах и иных нормативных правовых актах с целью реализации и достижения своих функций и установленных в учредительных документах целей.

На территории России пребывают руководящие органы или представительства ряда межгосударственных (межправительственных) организаций. Такие организации, их органы и должностные лица в соответствии с международными договорами, определяющими статус соответствующего органа, а также международными договорами об условиях пребывания в Российской Федерации (далее — РФ, Россия), заключенными Правительством РФ с этими организациями, пользуются в России привилегиями и иммунитетами.

Разберем отдельные примеры практики рассмотрения споров с участием персонала международных организаций.

В ноябре 1995 г. специальный докладчик Комиссии по правам человека ООН Дато Парам Кумарасвами, назначенный Резолюцией 1994/41 от 4 марта 1994 г. в качестве юриста из Малайзии по вопросу о независимости судей и адвокатов, интервьюируемый журналом Великобритании *International Commercial Litigation* («Международное коммерческое разбирательство споров»), в статье Дэвида Сэмюэlsa «Малайзийское правосудие на скамье подсудимых» высказал свое критическое мнение относительно судебной системы страны в свете некоторых решений, вынесенных судами Малайзии, а также охарактеризовал конкретное дело отрицательным мнением относительно беспристрастности судьи.

Против Кумарасвами несколькими малайзийскими компаниями, ввиду того что указанное интервью содержит ложные сведения, были поданы иски в гражданские суды Малайзии.

Позиция Малайзии заключалась в том, что, признавая специальный статус Кумарасвами в качестве эксперта, выполняющего поручение ООН, она вместе с тем оспаривала, что инкриминируемые слова были произнесены им именно в ходе выполнения официального задания, а следовательно, в отношении их не должно применяться положение об иммунитете от судебного преследования.

20 января 1997 г. Кумарасвами подал в Высокий суд города Куала-Лумпур, рассматривавший иски, ходатайство о приостановлении их рассмотрения, поскольку его высказывания были сделаны в рамках миссии, возложенной на него ООН. В подтверждение своего ходатайства специальный докладчик представил в малайзийский суд записку Генерального секретаря ООН от 7 марта 1997 г.

После того как ООН и правительство Малайзии не сумели разрешить этот спор в мирном порядке, Экономический и социальный совет ООН решением от 5 августа 1998 г. обратился с запросом в Международный Суд по поводу дачи консультативного заключения относительно применимости к делу Кумарасвами п. «b» раздела 22 ст. VI Конвенции о привилегиях и иммунитетах ООН.

На это Международный Суд указал, что при определении того, пользуется ли конкретный эксперт иммунитетом, предусмотренным п. «b» раздела 22, решающая роль принадлежит Генеральному секретарю ООН. Признание же того, был ли представитель ООН, совершая то или иное действие, при исполнении своих обязанностей, зависит от конкретных обстоятельств дела. В подтверждение этого вывода суд привел следующую цитату из письма Верховного комиссара ООН по правам человека от

2 октября 1998 г.: «Для специальных докладчиков обычной практикой являются контакты с прессой по вопросам, связанным с проводимыми ими расследованиями, с тем чтобы общественность была в курсе их работы». Кроме того, суд указал на продление Комиссией по правам человека на три года мандата господина Кумарасвами, а если бы он вышел за рамки своего мандата и дал интервью, не входившее в круг его обязанностей, Комиссия не сделала бы этого.

Учитывая все эти факты, Международный Суд вынес заключение, что Генеральный секретарь справедливо счел, что господин Кумарасвами произнес слова, процитированные в International Commercial Litigation, при выполнении задания, порученного ему как специальному докладчику ООН. Подавляющим большинством голосов (при одном против) суд определил применимость к делу Кумарасвами раздела 22 ст. VI Конвенции и обязал правительство Малайзии довести данное консультативное заключение до сведения малайзийских судов, «дабы международные обязательства, взятые на себя Малайзией, были выполнены и иммунитет Кумарасвами уважался»¹.

Рассмотренный судебный прецедент является актом положительного характера, который подтверждает право служащих международных организаций на независимое мнение последних при выполнении ими возложенных на них функций.

Существуют примеры рассмотрения споров с участием персонала международных организаций и на национальном уровне.

Так, апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 18 октября 2010 г.² по результатам рассмотрения апелляционной жалобы Беляева В. В. на решение Никулинского районного суда г. Москвы от 5 октября 2011 г., которым с Беляева В. В. в пользу общества с ограниченной ответственностью «Группа Ренессанс Страхование» (далее — ООО «Группа Ренессанс Страхование») взыскано возмещения ущерба, расходы по уплате государственной пошлины, отказано в удовлетворении исковых требований ООО «Группа Ренессанс Страхование» к Интеграционному комитету Евразийского экономического сообщества, указанное решение отменено, прекращено производство по делу по исковому заявлению ООО «Группа Ренессанс Страхование» к Интеграционному комитету Евразийского экономического сообщества о возмещении ущерба, причиненного дорожно-транспортным происшествием, в удовлетворении исковых требований ООО «Группа Ренессанс Страхование» к Беляеву В. В. о возмещении ущерба, причиненного дорожно-транспортным происшествием, отказано на том основании, что Интеграционный комитет Евразийского экономического сообщества в соответствии с положениями ч. 3 ст. 401 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации обладает иммунитетом против гражданской юрисдикции страны пребывания, а в силу того, что на момент дорожно-транспортного происшествия Беляев В. В. осуществлял трудовую деятельность по заданию собственника автомобиля (Интеграционный комитет Евразийского экономического сообщества), условия для возложения на него деликтной ответственности за причиненный ущерб отсутствуют.

Одновременно с тем суд апелляционной инстанции указал, что в соответствии с положениями п. 14 Конвенции о привилегиях и иммунитетах ЕврАзЭС сотрудники органов Сообщества не подлежат юрисдикции судебных или административных органов государства пребывания в отношении действий, совершаемых при непосредственном выполнении ими служебных функций, кроме случаев предъявления исков о возмещении ущерба в связи с дорожно-транспортным происшествием, вызванным транспортным средством, принадлежащим Сообществу или сотруднику, либо управлявшим им, в силу чего Беляев В. В. в данных правоотношениях не обладал иммунитетом от юрисдикции судебных органов Российской Федерации.

Анализируя указанный судебный акт, можно заключить не до конца обоснованную позицию суда апелляционной инстанции.

¹ Рачков И. В. Консультативное заключение Международного Суда ООН по делу Кумарасвами [Электронный ресурс] // Международное публичное и частное право. 2005. № 6 // Образовательный портал Geum.ru. URL: <http://geum.ru/lav/index-68594.php> (дата обращения: 20.10.2020).

² Апелляционное определение Московского городского суда от 18 октября 2012 г. по делу № 11-19566/2012 [Электронный ресурс] // Сайт Московского городского суда. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/mgs> (дата обращения: 28.10.2020).

Так, положениями ст. 17 Конвенции о привилегиях и иммунитетах ЕврАзЭС предусмотрено, что все лица, пользующиеся привилегиями и иммунитетами в соответствии с настоящей Конвенцией, обязаны без ущерба для их привилегий и иммунитетов уважать законодательство государства пребывания.

Кроме того, ЕврАзЭС сотрудничает с соответствующими органами государственной власти и управления Сторон в целях обеспечения надлежащего отправления правосудия и выполнения предписаний правоохранительных органов, а также предупреждения любых злоупотреблений в связи с привилегиями и иммунитетами, предусмотренными настоящей Конвенцией (ст. 9 Конвенции о привилегиях и иммунитетах ЕврАзЭС).

Таким образом, Интеграционный комитет Евразийского экономического сообщества, являясь в силу национального законодательства ответственным за причиненный ущерб, не приложил никаких усилий для справедливого разрешения спора.

В данном случае судебный иммунитет в силу своего предназначения не должен был являться основанием для освобождения от гражданско-правовой ответственности.

Подводя итоги вышеизложенному, можно заключить, что основные привилегии и иммунитеты персонала международных (межправительственных) организаций изложены в Венской конвенции о дипломатических сношениях, принятой 18 апреля 1961 г., и конвенциях ООН. Остальные же соглашения, конвенции, двусторонние договоры иных организаций закрепляют и дополняют указанные.

Целесообразным будет заметить, что соответствующие привилегии и иммунитеты накладывают и соответствующие обязательства.

Так, на сотрудников международных организаций возлагается дополнительная ответственность по запрету в злоупотреблении и пользовании предоставленными им привилегиями и иммунитетами в корыстных целях.

В свою очередь, международные организации обязаны должным образом участвовать в справедливом разрешении судебных споров, равно как и предупреждении злоупотребления привилегиями и иммунитетами, ввиду чего на них возлагается дополнительная обязанность в отказе от иммунитета своему персоналу в случае такой необходимости.

Литература

1. Апелляционное определение Московского городского суда от 18 октября 2012 г. по делу № 11-19566/2012 [Электронный ресурс] // сайт Московского городского суда. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/mgs> (дата обращения: 28.10.2020).
2. Загидуллин М. Р., Рузакова О. А., Ситдииков Р. Б. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации [Электронный ресурс] // Вестник гражданского процесса. 2017. № 4 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=108482#05843607907394002> (дата обращения: 28.10.2020).
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 4 т. [Электронный ресурс]. Общая часть. Т. 1 / отв. ред. В. М. Лебедев. Юрайт, 2017 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=18554#04481378461366714> (дата обращения: 28.10.2020).
4. Конвенция о привилегиях и иммунитетах Объединенных Наций, принята резолюцией 22 А Генеральной Ассамблеи от 13 февраля 1946 г. [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=15240#020019773166907417> (дата обращения: 20.10.2020).
5. Консультативное заключение Международного Суда ООН от 15 декабря 1989 г. [Электронный ресурс] // сайт ООН. URL: <http://repository.un.org> (дата обращения: 20.10.2020).
6. Рачков И. В. Консультативное заключение Международного Суда ООН по делу Кумарасвами [Электронный ресурс] // Международное публичное и частное право. 2005. № 6 // Образовательный портал Geum.ru. URL: <http://geum.ru/lav/index-68594.php> (дата обращения: 20.10.2020).

Об авторе:

Мячина Алина Геннадьевна, магистрант юридического факультета Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация); alya1805@mail.ru

References

1. Apellyatsionnoe opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 18 oktyabrya 2012 g. po delu № 11-19566/2012 [Elektronnyi resurs] // sait Moskovskogo gorodskogo suda. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/mgs> (data obrashcheniya: 28.10.2020).
2. Zagidullin M. R., Ruzakova O. A., Sitdikov R. B. Kommentarii k Grazhdanskomu protsessual'nomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii [Elektronnyi resurs] // Vestnik grazhdanskogo protsesssa. 2017. № 4 // Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=108482#05843607907394002> (data obrashcheniya: 28.10.2020).
3. Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii : v 4 t. [Elektronnyi resurs]. Obshchaya chast'. T. 1 / otv. red. V. M. Lebedev. Yurait, 2017 // Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=18554#04481378461366714> (data obrashcheniya: 28.10.2020).
4. Konventsia o privilegiyakh i immunitetakh Ob"edinennykh Natsii, prinyata rezolyutsiei 22 A General'noi Assamblei ot 13 fevralya 1946 g. [Elektronnyi resurs] // Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=15240#020019773166907417> (data obrashcheniya: 20.10.2020).
5. Konsul'tativnoe zaklyuchenie Mezhdunarodnogo Suda OON ot 15 dekabrya 1989 g. [Elektronnyi resurs] // sait OON. URL: <http://repository.un.org> (data obrashcheniya: 20.10.2020).
6. Rachkov I. V. Konsul'tativnoe zaklyuchenie Mezhdunarodnogo Suda OON po delu Kumarasvami [Elektronnyi resurs] // Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. 2005. № 6 // Obrazovatel'nyi portal Geum.ru. URL: <http://geum.ru/lav/index-68594.php> (data obrashcheniya: 20.10.2020).

About the author:

Alina G. Miachina, Master Student of the Faculty of Law of North-Western Institute of Management — branch of RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation); alya1805@mail.ru

К вопросу о правовом статусе морских автономных аппаратов

Беляков В. Г.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; navy1000@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Современный этап развития мировой цивилизации характеризуется прорывом в научно-технологической сфере. В настоящее время национальные правительства делают ставку на использование беспилотной навигации в современной морской индустрии. Вместе с тем центральной проблемой здесь является полное отсутствие соответствующего нормативно-правового обеспечения эксплуатации безэкипажных морских аппаратов различного назначения, приводящее в условиях установленного правового режима Мирового океана к неизбежным конфликтам между субъектами международного права.

На основе анализа правовых норм международного и национального морского законодательства автор приходит к выводу о необходимости унификации терминологии и понятийного аппарата, регламентирующих правовой статус и эксплуатацию морских судов без экипажей в различных категориях морских пространств, с целью разрешения диалектического противоречия, возникающего в условиях эволюционного перехода от традиционного мореплавания к технологиям беспилотной навигации.

Ключевые слова: торговое мореплавание, судно, военный корабль, автономные суда, правовой статус

Для цитирования: Беляков В. Г. К вопросу о правовом статусе морских автономных аппаратов // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. № 1. С. 62 – 67.

On the Issue of the Legal Status of the Marine Autonomous Vehicles

Vladislav G. Belyakov

The North-West Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, Russian Federation; navy1000@yandex.ru

ABSTRACT

The modern stage of world civilization development is characterized by a breakthrough in the scientific and technological sphere. Currently, national governments are betting on the use of unmanned navigation in the modern maritime industry. However, the Central problem here is the absence of appropriate legal operation of unmanned marine vehicles in terms of the established global ocean legal regime leading to the inevitable conflicts between subjects of international law.

Based on the legal norm analysis of international and national maritime legislation, the author concludes that it is necessary to unify the terminology and conceptual apparatus governing the legal status and operation of ships without crews in various categories of maritime spaces, in order to resolve the dialectical contradiction that arises in the context of the evolutionary transition from traditional navigation to unmanned navigation technologies.

Keywords: merchant shipping, ship, warship, autonomous vessels, legal status

For citing: Belyakov V. G. On the Issue of the Legal Status of the Marine Autonomous Vehicles // Eurasian Integration: economic, law, politics. 2021. No. 1. Pp. 62 – 67.

В настоящее время внедрение автономного (безэкипажного) судовождения, обусловленное прорывными технологическими инновациями на рубеже нового тысячелетия, является одним из приоритетов морской отрасли в мировом масштабе.

В рамках реализации указанного направления в России разработан и принят проект постановления Правительства Российской Федерации, направленный на создание правовых условий для опытной эксплуатации морских автономных надводных судов (далее — МАНС), которые обеспечат опережающее внедрение технологий автоматического и дистанционного судовождения в Российской Федерации и мировой приоритет нашей страны в этой области. Проект постановления Правительства Российской Федерации соответствует положениям Договора о Евразийском экономическом союзе, а также положениям иных международных договоров Российской Федерации¹.

Следует отметить, что унифицированное наименование такого рода судов, а именно «морские автономные надводные суда» (МАНС), было предложено Международной морской организацией на 98-й сессии Комитета по безопасности на море, состоявшейся в июне 2017 г. А на 101-й сессии Комитета по безопасности на море в июне 2019 г. было принято и одобрено Временное руководство по испытаниям морских автономных надводных судов (англ. Interim Guide for Maritime Autonomous Surface Ships trials) [3, с. 10–11].

Несмотря на то, что работы в части, касающейся беспилотных транспортных систем в области торгового мореплавания, ведутся сейчас в режимах опытной эксплуатации и требуют особого утверждения администрацией флага с рекомендациями Международной морской организации, указанные технологии ранее успешно нашли широкое применение в военно-морской области.

В частности, беспилотные надводные (подводные) аппараты (далее — БНПА, в т. ч. МАНС) использовались в ходе борьбы с пиратством, в прокладке подводных кабелей [10], разведке и наблюдении, противолодочной деятельности и разминировании, в решении отдельных боевых задач рядом ВМС иностранных государств [6]. Так, в 2016 г. агентство передовых оборонных исследовательских проектов министерства обороны США (DARPA) утверждало, что его беспилотный морской аппарат Sea Hunter может быть использован для успешного слежения за подводными лодками противника [5]. Кроме того, они также играют все более важную роль в поиске и спасании на море и метеорологическом обеспечении [9].

Однако международно-правовой статус БНПА в настоящее время окончательно не урегулирован и носит дискуссионный характер. Тем не менее определение правового статуса БНПА выступает необходимым условием соблюдения установленного международного правового режима Мирового океана. В частности, вопрос правового статуса БНПА носит принципиальный характер для легитимизации их применения в различных категориях морских пространств, характеризующихся специальными правовыми режимами.

Наиболее известным примером таких противоречий явился конфликт между КНР и США, когда стороны заняли противоположные позиции в отношении правового статуса БНПА. Инцидент произошел в декабре 2016 г. в Южно-Китайском море в непосредственной близости от спорной отмели Скарборо, которую КНР считает своей территорией, в 50 морских милях от филиппинского острова Лусон². По заявлению представителя ВМС США, БНПА являлся судном, обладающим суверенным иммунитетом, был запущен со вспомогательного судна ВМС США «Боудич» (USNS Bowditch), выполнявшего задачи океанографических исследований в международных водах Южно-Китайского моря в полном соответствии

¹ Об обеспечении опытной эксплуатации морских автономных надводных судов под Государственным флагом Российской Федерации: проект Постановления Правительства РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74916791/#review> (дата обращения: 02.03.2020).

² The Incident Was Widely Reported. See, e. g., U. S. Demands Return of Drone Seized by Chinese Warship [Электронный ресурс] // New York Times. 16 December 2016. URL: www.nytimes.com/2016/12/16/us/politics/usunderwater-drone-china.html (дата обращения: 20.11.2020).

с действующим режимом морских пространств¹. Китайская сторона, напротив, заявила, что захваченный аппарат представлял собой «неопределенное оборудование» и действовал в интересах военной разведки в морских пространствах, находящихся под юрисдикцией КНР².

Следует отметить, что территориальные притязания Китая в акватории Южно-Китайского моря ранее уже получили международную оценку. В частности, в июле 2016 г. Международный трибунал, созданный при посредничестве Постоянной палаты третейского суда в Гааге в соответствии с Приложением VII к Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.³, вынес единогласное решение, что Китай не имеет «исторического права» и источника морских прав на спорные территории в Южно-Китайском море, а также не имеет права вести рыболовство, разрабатывать природные ресурсы и вести другую хозяйственную деятельность на этой территории и фактически нарушает права Филиппин. В свою очередь, МИД КНР отказался признать решение суда и заявил о том, что оно не повлияет на суверенитет и интересы Китая в этом регионе [1].

Таким образом, необходимость установления надлежащего правового статуса БНПА, например, посредством отнесения последних к категории «судно» (торговое судно) либо к «военным кораблям» является ключевым фактором легального правоприменения положений универсальных международных договоров в области морского права, например, таких, как Конвенция ООН по морскому праву 1982 г.

Вместе с тем, по мнению многих исследователей, в большинстве международных морских конвенций отсутствует понятие «судно». В иных же оно хотя и приводится, но не имеет универсального характера, а подчинено исключительно целям и задачам той или иной конвенции [4, с. 503]. Так, в соответствии со ст. 1 Международной конвенции о спасании 1989 г.⁴ судно «означает любое судно или плавучее средство либо любое сооружение, способное осуществлять плавание». Или, например, согласно правилу 3 Международных правил предупреждения столкновений судов в море 1972 г. (МППСС — 72)⁵, слово «судно» означает все виды плавучих средств, включая неавтономные суда и гидросамолеты, используемые или могущие быть использованными в качестве средств передвижения по воде.

Наряду с универсальными международными договорами понятие «судно» раскрывается и в национальных законодательствах. Так, например, в соответствии со ст. 7 КТМ РФ⁶ под судном понимается самоходное или несамоходное плавучее сооружение, используемое в целях торгового мореплавания.

Следовательно, согласно приведенным положениям, судном может являться самый широкий круг искусственных сооружений. Кроме того, следует справедливо предположить, что термин «судно» в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г. может включать новые типы судов, например, такие как БНПА (МАНС), при условии, что государство определяет их в качестве таковых.

Действительно, с правом плавания судна под флагом того или иного государства тесно связана его регистрация. Обязательность национальной регистрации судов предусмотрена ст. 92, 94 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., устанавливающими обязанность государства определять условия регистрации судов и обязанность государства вести регистр (реестр). Указанные положения находят развитие в ст. 11 Конвенции ООН об условиях регистрации судов 1986 г.⁷, в соответствии с которой «Государство регистрации учреждает регистр судов, плавающих под его флагом, который ведется

¹ US Department of Defense (DoD), Statement by Pentagon Press Secretary Peter Cook on Incident in South China Sea [Электронный ресурс], 16 December 2016 (Bowditch Statement). URL: www.defense.gov/News/NewsReleases/News-Release-View/Article/1032611/statement-by-pentagon-press-secretary-peter-cook-on-incident-in-south-china-sea (дата обращения: 20.11.2020).

² The US Claimed That China Captured US Unmanned Underwater Vehicle in the South China Sea [Электронный ресурс] // People.Cn. URL: <http://military.people.com.cn/n1/2016/1217/c1011-28956751.html> (дата обращения: 20.11.2020).

³ Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву. Заключена в г. Монтего-Бее 10.12.1982 // Собрание законодательства РФ, 01.12.1997, № 48, ст. 5493; Бюллетень международных договоров, 1998, № 1, с. 3–168.

⁴ Международная конвенция о спасании 1989 г. (SALVAGE). Заключена в г. Лондоне 28.04.1989 // Собрание законодательства РФ, 15 января 2001 г. № 3. Ст. 217; Бюллетень международных договоров. 2001. № 4. С. 5–12; Treaty Series. V. 1953. New York: United Nations, 2001. Pp. 165–326.

⁵ Конвенция о Международных правилах предупреждения столкновений судов в море 1972 г. (COLREG) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXIII. М., 1979. С. 435–461.

⁶ Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30.04.1999 № 81-ФЗ (ред. от 13.07.2020) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22916/ (дата обращения: 20.11.2020).

⁷ Конвенция Организации Объединенных Наций об условиях регистрации судов. Заключена в г. Женеве 07.02.1986 (в силу не вступила) [Электронный ресурс]. URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=11974 (дата обращения: 20.11.2020).

таким образом, как это определит такое государство, и согласно соответствующим положениям настоящей Конвенции».

Следовательно, национальный законодатель самостоятельно определяет порядок, условия и сроки регистрации в учреждаемых регистрах судов, а также устанавливая критерии отнесения возможности регистрации судна в одном из учреждаемых судовых регистров (реестров), принимая во внимание характер и вид планируемой судовладельцем деятельности судна, наличие или отсутствие ранее регистрации судна в реестрах судов иностранных государств, порядок комплектования экипажа, национальность судовладельцев и т. д.

В Российской Федерации судно подлежит государственной регистрации в одном из шести реестров судов, в соответствии с положениями ст. 33 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации (КТМ РФ)¹ или ст. 16 Кодекса внутреннего водного транспорта Российской Федерации (КВВТ РФ)². Порядок государственной регистрации судов в Российской Федерации установлен Приказом Минтранса России от 19.05.2017 № 191 «Об утверждении Правил государственной регистрации судов, прав на них и сделок с ними в морских портах и централизованного учета зарегистрированных судов»³.

Руководствуясь положениями международных договоров и разделяя позицию ряда зарубежных исследователей [8], полагаем возможным согласиться с мнением относительно возможности отнесения к компетенции законодательства государства флага рассматривать БНПА в качестве судов. В то же время позиция, что любое толкование национального законодателя о том, является ли БНПА судном в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г., намеренно оставляемое на усмотрение договаривающегося государства, будет обязательным для других государств [11], не представляется однозначной.

Отсутствие согласия по данному вопросу, прежде всего, основано на положениях подпункта «b» п. 4 ст. 94 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., предусматривающего, чтобы «каждое судно возглавлялось капитаном и офицерами соответствующей квалификации, в частности, в области судовождения, навигации, связи и судовых машин и оборудования, а экипаж по квалификации и численности соответствовал типу, размерам, механизмам и оборудованию судна».

Сторонники «эволюционного подхода» к толкованию положений Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. относят данный вопрос к компетенции законодательства государства флага (договаривающегося государства) рассматривать БНПА в качестве судов [8]. Иные выражают свое сомнение, оставляя открытым вопрос о том, как будут восприниматься государствами — участниками Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. морские суда, на борту которых нет ни единого человека [2, с. 16].

Вместе с тем отсутствие признания на национальном уровне БНПА в качестве судов создает условия, ограничивающие возможность их эксплуатации в отдельных категориях морских пространств. Прежде всего, это, конечно же, относится к морским пространствам, находящимся под суверенитетом и юрисдикцией прибрежных государств, национальное законодательство которых, строго придерживаясь буквы международного договора, оставляет за собой право на иную точку зрения, нежели у государства флага БНПА.

В отличие от понятия «судно» ст. 29 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., действительно, содержит исчерпывающее определение понятия «военный корабль», установленное впервые в 1907 г. положениями VII Гагской конвенции об обращении торговых судов в суда военные, и представляет собой совокупность четырех квалифицирующих признаков, а именно: «военный корабль» означает судно, принадлежащее к вооруженным силам какого-либо государства, имеющее внешние знаки, отличающие такие суда его национальности, находящееся под командованием офицера, который состоит на службе правительства данного государства и фамилия которого занесена в соответствующий список военнослужащих или эквивалентный ему документ, и имеющее экипаж, подчиненный регулярной

¹ Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30.04.1999 № 81-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 03.05.1999, № 18, ст. 2207.

² Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации от 07.03.2001 № 24-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 12.03.2001, № 11, ст. 1001.

³ Об утверждении Правил государственной регистрации судов, прав на них и сделок с ними в морских портах и централизованного учета зарегистрированных судов: приказ Минтранса России от 19.05.2017 № 191. Зарегистрировано в Минюсте России 30.10.2017 № 48733 [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/71801528/> (дата обращения: 20.11.2020).

военной дисциплине». Следовательно, отсутствие экипажа в соответствии с положениями указанного универсального международного договора не позволяет отнести БНПА к категории «военный корабль» [7].

Однако в случае нахождения БНПА на борту военного корабля, непосредственно предшествующего его применению и в зависимости от его изначального целевого предназначения, по нашему мнению, позволяет его отнести либо к вооружению (средству нанесения ущерба), либо к принадлежности военного корабля (обеспечивающему нормальную эксплуатацию судна или его вооружения).

В случае отнесения БНПА к принадлежности судна, руководствуясь аналогией положений ст. 111 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., в соответствии с положениями которой БНПА использует военный корабль в качестве судна-базы, правовой статус последних будет являться производным от правового статуса его носителя (военного корабля).

В свою очередь, критерием отнесения БНПА к вооружению либо к принадлежности корабля может выступить возможность его многократного использования.

Напротив, в случае невозможности размещения БНПА на борту военного корабля вследствие его технических характеристик либо иных объективных обстоятельств последнее может быть отнесено к категории «судно» в соответствии с национальным законодательством государства и подлежит регистрации в национальном реестре (реестре) судоходства.

Учитывая, что положения норм международного права не позволяют причислить БНПА к категории «военный корабль», тем не менее в случае использования последних исключительно в публичных целях позволяет отнести их к «судам, находящимся в собственности государства или эксплуатируемым им и используемым только для правительственной некоммерческой службы». В Российской Федерации указанные суда в соответствии со ст. 33 КТМ РФ подлежат регистрации в Государственном судовом реестре.

Таким образом, совершенствование норм и принципов морского законодательства, унификация терминологии и понятийного аппарата, регламентирующие эксплуатацию морских судов без экипажей, выступает определяющим условием разрешения диалектического противоречия в области правового регулирования военного и торгового мореплавания, возникающего в условиях эволюционного перехода от традиционного мореплавания к технологиям беспилотной навигации.

Литература

1. Арбитраж Южно-Китайского моря (Республика Филиппины против Китайской Народной Республики) // [Электронный ресурс] <https://pca-sca.org/en/cases/7/> (дата обращения: 20.11.2020).
2. Ганюшкина Е. Б. Морские суда без экипажа и действующий режим морских пространств // Сборник научных докладов / под редакцией В. Н. Гуцуляка. М. : Юридический институт РУТ (МИИТ), 2020. 41 с.
3. Гуцуляк В. Н. О правовых и социальных проблемах использования морских судов без экипажей // Сборник научных докладов / под редакцией В. Н. Гуцуляка. М. : Юридический институт РУТ (МИИТ), 2020. 41 с.
4. Колодкин А. Л., Гуцуляк В. Н., Боброва Ю. В. Мировой океан. Международно-правовой режим. Основные проблемы. М. : Статут, 2007. 637 с.
5. D. Actuv. Anti-Submarine Warfare (ASW) Continuous Trail Unmanned Vessel (ACTUV) "Sea Hunter," Nav. Drones., 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.navaldrone.com/ACTUV.html> (дата обращения: 20.11.2020).
6. L. Daguang, J. Can. Unmanned Vehicle: A New Weapon on the Sea in the Future, Lib. Army Dly. February 2, 2014. (in Chinese)
7. Michael N. Schmitt, David S. Goddard International Law and the Military Use of Unmanned Maritime Systems: International Review of the Red Cross (2016), 98 (2). Pp. 567–592.
8. Robert Veal, Michael Tsimplis, Andrew Serdy. The Legal Status and Operation of Unmanned Maritime Vehicles, Ocean Development & International Law (2019) [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1080/00908320.2018.1502500> (дата обращения: 20.11.2020).
9. Shukai Zhang et al. The Development and Prospects of Unmanned Maritimevehicles. World Shipp 9 (2015). (in Chinese)
10. Stephanie Showalter. The Legal Status of Autonomous Underwater Vehicles [Электронный ресурс] // The Marine Technology Society Journal. Spring, 2004. V. 38. No. 1. Pp. 80–83. URL: <https://www.researchgate.net/publication/245448608> (дата обращения: 20.11.2020).

11. Y.-C. Chang et al. The International Legal Status of the Unmanned Maritime Vehicles [Электронный ресурс] // Marine Policy 113 (2020) 103830. URL: <http://www.elsevier.com/locate/marpol> (дата обращения: 20.11.2020).

Об авторе:

Беляков Владислав Геннадьевич, доцент кафедры международного и гуманитарного права Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат юридических наук; navy1000@yandex.ru

References

1. Arbitrazh Yuzhno-Kitaiskogo morya (Respublika Filippiny protiv Kitaiskoi Narodnoi Respubliki) // [Elektronnyi resurs] <https://pca-cpa.org/en/cases/7/> (data obrashcheniya: 20.11.2020).
2. Ganyushkina E. B. Morskie suda bez ekipazha i deistvuyushchii rezhim morskikh prostranstv // Sbornik nauchnykh dokladov / pod redaktsiei V. N. Gutsulyaka. M. : Yuridicheskii institut RUT (MIIT), 2020. 41 s.
3. Gutsulyak V. N. O pravovykh i sotsial'nykh problemakh ispol'zovaniya morskikh sudov bez ekipazhei // Sbornik nauchnykh dokladov / pod redaktsiei V. N. Gutsulyaka. M. : Yuridicheskii institut RUT (MIIT), 2020. 41 s.
4. Kolodkin A. L., Gutsulyak V. N., Bobrova Yu. V. Mirovoi okean. Mezhdunarodno-pravovoi rezhim. Osnovnye problemy. M. : Statut, 2007. 637 s.
5. D. Actuv. Anti-Submarine Warfare (ASW) Continuous Trail Unmanned Vessel (ACTUV) "Sea Hunter," Nav. Drones., 2015 [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.navaldrone.com/ACTUV.html> (data obrashcheniya: 20.11.2020).
6. L. Daguang, J. Can. Unmanned Vehicle: A New Weapon on the Sea in the Future, Lib. Army Dly. February 2, 2014. (in Chinese)
7. Michael N. Schmitt, David S. Goddard International Law and the Military Use of Unmanned Maritime Systems: International Review of the Red Cross (2016), 98 (2). Pp. 567–592.
8. Robert Veal, Michael Tsimplis, Andrew Serdy. The Legal Status and Operation of Unmanned Maritime Vehicles, Ocean Development & International Law (2019) [Elektronnyi resurs]. URL: <https://doi.org/10.1080/00908320.2018.1502500> (data obrashcheniya: 20.11.2020).
9. Shukai Zhang et al. The Development and Prospects of Unmanned Maritimevehicles. World Shipp 9 (2015). (in Chinese)
10. Stephanie Showalter. The Legal Status of Autonomous Underwater Vehicles [Elektronnyi resurs] // The Marine Technology Society Journal. Spring, 2004. V. 38. No. 1. Pp. 80–83. URL: <https://www.researchgate.net/publication/245448608> (data obrashcheniya: 20.11.2020).
11. Y.-C. Chang et al. The International Legal Status of the Unmanned Maritime Vehicles [Elektronnyi resurs] // Marine Policy 113 (2020) 103830. URL: <http://www.elsevier.com/locate/marpol> (data obrashcheniya: 20.11.2020).

About the author:

Vladislav G. Belyakov, Associate Professor of Department of Law, International and Humanitarian Law of North-West Institute of Management of RANEPA under the President of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Jurisprudence; navy1000@yandex.ru

Fear of Crime among Mongolians in the Ulaanbaatar Metropolitan Area

Chuluunbat Sharkhuu^{a,*}, Min-Sik Lee^b

^a Mongolian Institute for Protection and Security Studies, Ulaanbaatar, Mongolia, mongolianipss@gmail.com

^b Kyonggi University, Suwon, South Korea, lmspu@kyonggi.ac.kr

ABSTRACT

This study is about fear of crime, which is one of the most important topics in the criminological research. The study tested an integrated model in structural equation modeling method by using both SPSS and AMOS. Those who perceive higher levels of incivility were found to be more fearful of crime. Policies to reduce fear of crime and implications for future research were discussed based on the findings.

Keywords: Fear of Crime, Integrated Model, Policy Implications

For citing: Chuluunbat Sharkhuu, Min-Sik Lee. Fear of Crime among Mongolians in the Ulaanbaatar Metropolitan Area // Eurasian Integration: economic, law, politics. 2021. No. 1. Pp. 68 – 80.

Страх перед преступностью среди монголов на примере агломерации Улан-Батора: тестирование интегрированной модели

Чулуунбат Шархуу^{1,*}, Мин-Сик И²

¹ Институт исследования защиты и безопасности Монголии, Улан-Батор, Монголия; mongolianipss@gmail.com

² Университет Кионгги, Сувон, Южная Корея; lmspu@kyonggi.ac.kr

РЕФЕРАТ

В настоящем исследовании рассмотрен вопрос о страхе граждан перед преступностью, являющейся важной темой исследования криминологии. В ходе исследования использована интегрированная модель анализа в способе структурного моделирования уравнения по программному обеспечению SPSS и AMOS.

Результаты исследования показывают, что страх граждан перед преступностью в большей мере зависит от неуборства окружающей среды. На основе полученных результатов авторы обсудили политику по снижению страха перед преступностью и ее последствиями для будущих исследований, сделали выводы и внесли предложения.

Ключевые слова: страх перед преступностью, интегрированная модель, практические выводы

Для цитирования: Чулуунбат Шархуу, Мин-Сик И. Страх перед преступностью среди монголов на примере агломерации Улан-Батора // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. № 1. С. 68 – 80.

Introduction

Mongolia started its transition from the socialist society into a capitalism-based democratic society by changing the Mongolian Constitution in 1992. Transitional societies which have moved from authoritarian forms into democracies have often experienced increases in crime levels and problems with police reform (Bayley, 1999; Jang et al., 2015; Shaw, 2002). Since 1990, after sudden transition to the democracy, social disorganization has accelerated rapidly in Mongolia. Social changes appear to be related to a rapid increase of crime rates. As Shaw (2002) noted, a rise of crime in periods of transition is a complex phenomenon and is

difficult to analyze because comparable statistical data on the levels of crime before and after the transition are difficult to come by, and even when available, their accuracy may be open to question.

Most studies on fear of crime have been conducted in the United States and other Western countries, as well as some East Asian countries, including China, South Korea, and Japan. As an initial effort, this study focused on understanding of fear of crime among Mongolian citizens. Research on fear of crime has not been broadly performed in Mongolia. Additionally, Mongolia has no long tradition of participating in international crime victim surveys, nor has it a regular program for national crime victim surveys. However, there are some descriptive studies: for instance, Nyamsuren (2005) noted that the result of the crime victimization research from 2003 showed that actual criminal victimization is 2.5–3 times higher than registered crime rates documented by the National Police Agency. Davaa and Altangerel (2015) provided a comparative analysis on general fear in various categories in the Mongolian society. The final result showed that 32.6 percent of Mongolian people are afraid of crime and 5.4 percent are afraid of strangers in their society. Later, Chuluunbat and Lee (2016) reported two separate studies titled “Fear of Crime in a Transitional Society: The Case of Mongolian Citizens” (2016) and “Fear of Crime among Mongolian Immigrants in Seoul, Korea” (2016).

As a result of modernization and urbanization processes in the metropolitan city of Mongolia, Ulaanbaatar, it also experiences a great increase in crime to the point that more than a half of entire registered crime in Mongolia is occurring in this capital city, while the city’s population accounts for roughly one third of the population of Mongolia. The average of index crime rates per 100,000 for the entire nation was 769 within 2003 and 2014 and for the same period of time the index crime rate for Ulaanbaatar metropolitan area was 975. Official data show a significantly higher volume of crime in the capital city than in any other areas throughout the country. According to the Mongolian National Police Agency report (2015), on the average 54.2 percent of entire registered crimes between 2003 and 2014 were committed in the Ulaanbaatar metropolitan area only. Discussion of the topic of fear of crime in the Mongolian context is quite timely and appropriate to deal with.

The importance of the current study is that it is the first attempt in Mongolia to explain fear of crime and to test an integrated model using the first scientific crime victimization survey data which were collected from interviews with 683 citizens of the Ulaanbaatar metropolitan area.

Moreover, this study is the first report to address the mediating effects of collective efficacy and behavioral adaptation on the relationships between perceived incivility and fear of crime in an East Asian country.

Literature review: Conceptual models of fear of crime

The literature on the fear of crime has a substantial and significant history, with an increased presence since the 1960s (Grubb & Bouffard, 2014; Hale, 1996) which has been received significant attention from researchers and policy makers more than five decades. Researchers have developed several distinct models to explain factors and predictors of fear of crime (McGarrell et al., 1997; Taylor & Hale, 1986). These models have emerged as the most prominent explanations of fear of crime (Taylor & Hale, 1986), including victimization, disorder, and community concern / control, risk interpretation models. Among these four models, most traditional, victimization model mainly focused on direct relation between direct or indirect experiences with crime and fear, whereas the disorder model identified physical and social characteristics of communities as significant predictors of fear of crime. The community concern/control model proposes perceptions of the deterioration of social control in the community as a main cause on fear (Hwang, 2006) and community residents, local police, and other public service providers as significant predictors to fear of crime (McGarrell et al., 1997; Skogan & Maxfield, 1981; Taylor & Hale, 1986). Finally, ‘the risk interpretation model’ proposed by Ferraro (1995), considered both macro and micro conditions, as well as perceived risk and behavioral adaptation as causal predictors on fear.

The Victimization Model: This model focuses on the direct relationship between victimization and fear (Hale, 1996). According to the victimization model, fear of crime is explained as the result of experiences of victimization which are direct or indirect (Skogan and Maxfield, 1981). This model attempts to address the effect of personal experience of victimization and vicarious experiences with victimization through stories of

people they know or the media (Hale, 1996; Hayman, 2011; Hwang, 2015, Sookram *et al.*, 2011). Some scholars reported prior victimization is directly related to fear (Hale, 1996; Ollenberger, 1981; Skogan and Maxfield, 1981), but other researchers noted previous victimization is related weakly (Garofalo, 1979; McGarrell *et al.*, 1997). Taylor and Hale (1986) reported that 'indirect victimization perspective, for specifying the crime-fear linkage, despite recognition that connection is not straightforward, is the key focus'.

The Disorder / Incivility Model: 'Fear of crime is actually presentation of incivilities or disorder' (Hale, 1996). The disorder/incivility perspective emphasizes the relationship between social and physical incivilities and crime. Social disorder is a behavior or situation that people can see and experience, such as public drinking, loud parties, prostitution, panhandling, and drug dealing in the street, etc., whereas physical disorder involves visual signs of negligence and unchecked decay, such as abandoned or ill-kept buildings, broken streetlights, lots filled with trash or graffiti, and alleys strewn with garbage (Hwang, 2015; Karakus *et al.*, 2010; LaGrange *et al.*, 1992; Ross and Jang, 2000; Skogan, 1990). The thesis that perceived disorders in the neighborhood increase fear of crime has been widely supported (Franklin *et al.*, 2008; Gibson *et al.*, 2002; Hale, 1996; McGarrell *et al.*, 1997).

The Community Concern / Control Model: 'The idea that explanations for crime itself may be found in loss of social control, both formal and informal, at the neighborhood level has a long and respectable history' (Hale, 1996). In prior studies, social disorganization theory (Shaw and McKay, 1942) has equally explained crime and delinquency and fear. Several studies show erosion of social control (Franklin *et al.*, 2008), social instability, and moral decline (Gainey *et al.*, 2011) facilitate fear of crime while social ties or social integration (Gibson *et al.*, 2002; Lewis and Salem, 1986), neighborhood collective efficacy (Gibson *et al.*, 2002), and confidence in the local police (McGarrell *et al.*, 1997) inhibit fear of crime.

The Risk Interpretation Model: The risk interpretation model is 'the result of the ten-years research odyssey examining the phenomenon of fear of crime' (Ferraro, 1995), due to extend the inquiry beyond the question, 'why the elderly is so fearful of crime' even though their actual perceived risk is low'. This model was unique for using concepts and variables from macro and micro levels of sociological analysis in an integrated framework, more comprehensive than three separate models by Taylor and Hale (Lee, 1998). Major factors of this model were risk assessment and behavioral adaptations. Ferraro's model has several advantages: first, systemized interpretive processes distinguishing judgments of risk from feeling of fear, as two distinct perceptions; second, it included a consideration of the effects of objective environmental factors such as crime rates and other community characteristics while compounding perceptions of neighborhood incivilities; third, his model concerned itself with the effect of behavioral adaptations as another possible reaction to perceived risk (Lee, 1998).

The Vulnerability Thesis: Research on demographics of fear has been related to vulnerability: those who feel more vulnerable to crime are more likely to be fearful. Substantial studies have reported that women and older people are more likely to be fearful of crime (Gainey *et al.*, 2011; Hindelang *et al.*, 1978; Kennedy & Silverman 1985; Taylor & Hale, 1986; Warr, 1984). The concept of perceived vulnerability has been further differentiated between physical and social vulnerability. Physical vulnerability pertains to the perception of increased risk of being physically assault (Franklin *et al.*, 2008) and is generally measured based on demographic characteristics (Skogan & Maxfield, 1981). Social vulnerability assumes that those who live in disadvantaged areas (Pantazis, 2000; Skogan & Maxfield, 1981) such as high-crime neighborhoods and are economically distressed would be vulnerable because of their everyday living circumstances and routines.

The Broken Windows Theory: The broken windows theory originally came from a seminal article by James Q. Wilson and George Kelling, which was published in the Atlantic Monthly, 1982. They advanced Shaw and McKay's (1942) social disintegration idea and pointed out that the police organization could more effectively fight against crime by focusing on even more minor annoyances in communities. Moreover, broken windows theory argues that a single broken window left untended is a sign that nobody cares and it invites more broken windows and crime generally. Disorderly behavior left untended is a sign of official disregard and it leads to fear of crime. Wilson and Killing (1982) reported in their classical work that physical and social incivilities have strong positive relationships with fear of crime.

In this study, we tested an integrated model based on theoretical background (e.g. combined aspects of disorder theory, community concern, victimization, risk interpretation model, and broken windows theory) by using structural equation modeling.

Method

Fear of crime is an important issue as it is not limited to individual psychological safety but expands to the emotional well-being and even to life satisfaction. The study has two objectives. First, we try to testify and compare some conceptual models of fear of crime Disorder, Community concern, Victimization, and Risk interpretation, against the Vulnerability thesis and Broken windows theory. Second, we will discuss the mediating effects of collective efficacy and behavioral adaptation on the relationships between Perceived incivility and Fear of crime. Moreover, this study is the first report to address the mediating effects of collective efficacy and behavioral adaptation on the relationships between perceived incivility and fear of crime. The concept of collective efficacy emerged from social disorganization literature and it means social control exerted by cohesive community stakeholders, based on mutual trust, including intervention in the supervision of children and maintenance of public order (Sampson et al., 1999). Collective efficacy refers to a collective ability of residents to produce a social action to achieve common objectives and preserve shared values. Fear of crime refers to a wide variety of subjective and emotional assessments and behavioral reports (DuBow et al., 1979). People who fear of crime tend to constrain their behavior to safe areas during safe times and avoid unsafe areas (Liska et al., 1988). Moreover, fear and constrained behavior are a positive escalating loop: fear causes people to constrain their behavior and this behavior response in turn heightens their fear (Liska et al., 1988).

The study used data from the survey titled as a "Crime Victimization Survey". The survey was implemented in the Ulaanbaatar city, Mongolia, during September, 2015 utilizing a stratified random sampling method. The Ulaanbaatar is the largest city of Mongolia, with 1.3 million people which is almost a half of the population of Mongolia (Mongolian National Statistics Office, 2014). The Ulaanbaatar metropolitan area is administratively divided into nine districts: Baganuur, Bagakhangai, Bayanzurkh, Bayangol, Chingeltei, Khan-Uul, Nalaikh, Songino-Khairkhan, and Sukhbaatar. Additionally, each district is subdivided into several Khorooos (Sub-District) and there are 138 khorooos in total. Researchers selected six most densely populated districts out of nine. After selecting districts, researchers selected five main khorooos from each district. The survey was based on both door-to-door interviews and paper and pencil survey method with individuals and their family members 14 years of age and above participating.

Before conducting the survey, a short-term advisory-training was provided to the research staff in order to ensure the quality of the survey. The survey contains an approximately 80 item questionnaires based on a developed review of the International Crime Victim Survey. The questionnaire was originally built in English and was translated into the Mongolian language by bilingual scholars and reviewed by university level linguists. In the absence of any previous Mongolian studies of this type, scholars faced some difficulties in translating specific definitions and proper naming of some variables in Mongolian language. The survey was conducted during 25 days. A total of 700 responses gathered of these 17 were discarded due to their poor quality.

Variables and Measurements: This study conducted Exploratory Factor Analysis (EFA) for examining construct validities and construct equivalences. As Kline (1994) suggested, a moderately high value of 0.30 is the cut-off value for the accepted factor loading with varimax rotation employed in this study (Cheung et al., 2003). Respective varimax rotation is an orthogonal rotation technique which aimed to maximizing the sum of variances of squared loadings in the columns of the factor matrix. The Cronbach's α scores in each factor were higher than the recommended 0.70 cut-off value (Nunnally & Bernstein, 1994) and all results indicating that the measurement scales employed in the model can be considered to be a valid operationalization of the latent construct.

Dependent Variable: The dependent variable of the current study is fear of crime. The study adopted the global measures of fear of crime. Fear of crime *at home* was measured using the question "How much are you

fearful in each situation? — When I am staying home alone at night”. It was measured on the bases of the five points scale, 1=strongly not fearful, 2=not fearful, 3=neutral, 4=fearful, and 5=strongly fearful. Fear of crime *on the street* was measured using the question “How much are you fearful in each situation? — When I am walking alone on the neighborhood street at night”. It was measured on the bases of the five points scale. The Cronbach’s alpha for the scale was .774. Exploratory factor analysis with varimax rotation method also showed that these two items were associated with single latent construct (factor loadings .903).

Independent Variables: This study included independent variables of perceived incivility, victimization, collective efficacy, behavioral adaptation, and control variables of age and gender.

The Perceived Incivility is a factor-based scale, which is a measure of citizens’ perceptions in their neighborhood about physical and social incivilities. The following six survey items were used to reflect both physical and social incivilities: For *the physical incivility*: 1) My neighborhood is dirty with rubbish; 2) There are many dark and ignored places; 3) There are empty buildings and neglected cars; For *the social incivility*: 1) There are many people breaking basic orders (ex, jaywalking, illegal parking); 2) I often see groups of delinquent juveniles wandering around; 3) I often see people fighting or quarreling. Each item was measured based on the five points scale: 1=strongly disagree, 2=disagree, 3=neutral, 4=agree, and 5=strongly agree. The perceived incivility scale was alpha of .779. Exploratory factor analysis with varimax rotation method indicated that these items were associated with single latent construct (factor loadings>.648).

The Direct Victimization experiences are divided into two categories, property and violent crime victimization during the past one year (2014). The dummy-coded four items — fraud, theft, burglary, and vandalism are added for *the property crime victimization* variable, while the other dummy-coded four items — assaulted / threatened / robbed at places, assaulted / threatened / robbed with tools, assaulted / threatened / robbed by acquaintances, and unwanted sexual contact by force — are added for *the violent crime victimization* variable. Respondents were asked to indicate their experiences based on the scale yes=1, no=0. The scale of Cronbach’s alpha was .675 and the exploratory factor analysis with varimax rotation method indicated factor loadings of>.445.

The Collective Efficacy’s measure was modeled like other researchers (Sampson & Raudenbush, 1999) and included a series of questions of social cohesion and informal social control. The perception of community cohesion among neighbors is a factor-based scale measured by three question items: 1) Residents in my neighborhood know about each other; 2) Residents in my neighborhood talk about community issues; 3) Residents in my neighborhood help each other with difficulties. Each item was measured based on the five-point scale: 1=strongly disagree, 2=disagree, 3=neutral, 4=agree, and 5=strongly agree. The perception of informal social control among neighbors is a factor-based scale measured by three question items: 1) Residents in my neighborhood are willing to help children in the case that they are bullied; 2) Residents in my neighborhood seem to call the police if they see a crime happening; 3) Residents in my neighborhood are willing to join volunteer patrol activities for crime prevention. Each item was measured based on the five-point scale: 1=strongly disagree, 2=disagree, 3=neutral, 4=agree, and 5=strongly agree. The collective efficacy scale was alpha of .678. Exploratory factor analysis with varimax rotation method indicated that these items were associated with single latent construct (factor loadings>.667).

The Behavioral Adaptation the subjects were asked to indicate how they undertook four specific actions to prevent themselves from the possible crime or violence victimization. A factor-based scale measured by four question items related to avoidance behavior. 1) I ask somebody accompany me when I go out late at night; 2) I avoid dangerous places not to be victimized; 3) I postpone something to avoid going out at night; 4) I avoid taking a taxi alone at night. Each item was measured based on the five points scale: 1=strongly disagree, 2=disagree, 3=neutral, 4=agree, and 5=strongly agree. Avoidance strategy might be the most effective case in a reality and it includes the minimization of activities in hot spot areas such as disorderly neighborhood, entertainment places, and parks, and particular types of people such as strangers, groups of youngsters, and beggars, as well as avoidance of routine activities such as travelling on public transportation or shopping at particular stores (Jonathan & Ioanna, 2013). The behavioral adaptation scale was alpha of .719. Exploratory factor analysis with varimax rotation method indicated these items were associated with single latent construct with factor loadings >.640.

Data Analysis Technique: Statistical analyses of the study were conducted by using SPSS and AMOS. The study was utilized Structural Equation Modeling (SEM) to examine whether the fear of crime factor structure has been defined by the hypotheses of model to fit the data. Based on general assumption (James et al., 1982; Kline, 2005; Schumacker & Lomax, 2004) two-step approach is conducted. First, we establish the measurement model for the constructs by utilizing confirmatory factor analysis (CFA). Second, the structural model is tested to examine the hypothesized relationship between incivility, victimization, collective efficacy, behavioral adaptation and fear of crime. Finally, the study examined the effects of control variables of age and gender by employing an integrated model.

Additionally, before conducting above mentioned analyses, two diagnostic procedures were produced in order to obtain understanding about a general characteristic.

Findings

General Characteristics: Descriptive statistics for the variables used in the analysis are reported in the Table 1. For the dependent variables, the mean of fear on the street is higher than the mean of fear at home (3.2 vs 2.4). The fear of crime at home had a mean score of 2.43 (S.D.=1.042). Among respondent's 14.3 percent of them reported that they experienced fear, whereas 2.9 percent felt strong fear while staying at home at night. The fear of crime on the street in the neighborhood area had mean score of 3.2 (S.D.=1.046), which was somewhat above the midpoint. A 33.7 percent of residents reported that they were fearful at night in the neighborhood area, whereas 8,8 percent of them expressed strong fear.

Table 1

Descriptive Statistics

Variables	Min	Max	Mean	S.D.
Dependent Variables				
Fear at home	1.00	5.00	2.4389	1.04287
Fear on the street	1.00	5.00	3.2018	1.04600
Independent Variables				
Physical incivility	3.00	15.00	9.1523	2.63776
Social incivility	3.00	15.00	9.1408	2.56370
Victimization of property crime	.00	4.00	0.9906	1.01884
Victimization of violent crime	.00	4.00	0.4480	0.85448
Community cohesion	3.00	15.00	8.2630	2.79953
Informal social control	3.00	15.00	9.0711	2.61783
Behavioral adaptation	4.00	20.00	11.8420	2.98553
Control Variables				
Age	14	87	34.3414	13.17180
Gender (Female)	.00	1.00	0.5385	0.49632

Note: Total N=683

The perceived physical incivility had a mean score of 9.15 (S.D.=2.63). The average level of physical incivility among respondents was 3.05 points (mean / number of items) in the five points scale per item for all 3 items. (1=strongly disagree, 2=disagree, 3=neutral, 4=agree, and 5=strongly agree). On the social incivility, a mean score was 9.14 (S.D.=2,56) which was slightly above the midpoint. The average level of social incivility among respondents was 3.04 points (mean / number of items) in the five points scale (1=strongly disagree, 2=disagree, 3=neutral, 4=agree, and 5=strongly agree) per item for all 3 items. Respondents experienced about two times more property crime than violent crime in 2014 year. Mean score for the property crime victimization was 0.99 (S.D.=1.01), and for the violent crime victimization was 0,44 (S.D.=0.85). The average

assessment on the community cohesion was 8.26 (S.D.=2.79). The average level of community cohesion among respondents was 2,75 points (mean / number of items) in the five points scale (1=strongly disagree, 2=disagree, 3=neutral, 4=agree, and 5=strongly agree) per item for all 3 items. Informal social control had a mean score 9.07 (S.D.=2.61). The average level of informal social control among respondents was 3.02 points (mean / number of items) in the five points scale (1=strongly disagree, 2=disagree, 3=neutral, 4=agree, and 5=strongly agree) per item for all 3 items. Respondents reported that 11.8 percent (S.D.=2.98) of them had experienced behavioral adaptation. The average level of behavioral adaptation among respondents was 2.96 points (mean / number of items) in the five points scale (1=strongly disagree, 2=disagree, 3=neutral, 4=agree, and 5=strongly agree) per item for all 4 items.

For the control variables, the mean age was 34.3 (S.D.=13.17). The age of respondents was distributed between 14 and 87 years. Among the total respondents, 46.2 percent were males and 53.8 percent were females, which means females are a little bit more than male representatives (S.D.=0.49).

Bivariate Correlation

Table 2

Correlation between Variables: N=683

Variables	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1. Fear at home	1									
2. Fear on the street	.632**	1								
3. Incivility-physical	.204**	.302**	1							
4. Incivility-social	.182**	.279**	.507**	1						
5. Victimization-property crime	.048	-.036	.121**	.148**	1					
6. Victimization-violent crime	.083	.032	.039	.115**	.406**	1				
7. Community cohesion	-.040	-.133**	-.031	-.092*	-.089*	-.003	1			
8. Informal social control	-.129**	-.171**	-.071	-.116**	-.097*	-.011	.514**	1		
9. Behavioral adaptation	.302**	.397**	.144**	.103**	.004	.015	.017	.006	1	
10. Age	.084**	.068	.124**	.142**	-.093*	-.065	.070	.134**	.945	1

*p<.05; **p<.01

Table 2 shows the results of a bivariate correlation analysis among variables, which was performed in order to investigate the simple correlation between variables. The result indicates that most of independent variables have significant relationships with dependent variable except community cohesion and victimization of property and violent crimes. Moreover, physical incivility, social incivility, property crime victimization, violent crime victimization, and behavioral adaptation have positive relationships with the fear of crime at home, while other variables did not. In the case of street level fear, physical incivility, social incivility, community cohesion, informal social control, and behavioral adaptation showed significant relationships, while other variables did not. Also, a multi-collinearity was not a problem considering the VIF (variance of inflation factor) scores which were less than 2.0 (Stevens, 1992) in all relationships.

Measurement Model Results: Before testing the final structural model, the measurement models were examined. A measurement model is confirmatory factor model which is to discover the reliability and validity of the observed variables in the relation to the latent variable. Literature review (Byrne, 2006) suggests that each latent variable should be represented by multiple (at least three) indicators. In this study measurement models tested using confirmatory factor analysis (CFA) followed as literature suggested, each latent variable should be represented by multiple (at least three) indicators. In this respect, global fear of crime variables could not be analyzed, as well as victimization variables due to dummy coded. Consistently, perceived incivility, collective efficacy, and behavioral adaptation were analyzed with a good fit model.

The Perceived Incivility is a factor-based scale, which is a measure of citizens' perceptions in their neighborhood, about physical and social incivilities. The perceived incivility scale was alpha of .779. Exploratory

factor analysis with varimax rotation method indicated that these items were associated with single latent construct (factor loadings $>.648$). The result showed a good model fit with an RMSEA of $.042^1$. The results of the goodness of fit for the measurement model tested using CFA indicated chi-square 11.038 (χ^2); degree of freedom 5; p value $.051$; chi-square/degree of freedom ratio (χ^2/df) 2.208; goodness of fit (GFI) $.995$; comparative fit of index (CFI) 0.994 and, Tucker-Levis Index (TLI) $.981$ which can be considered to be valid operationalization of the latent construct.

The *Collective efficacy* scale was alpha of $.678$. Exploratory factor analysis with varimax rotation method indicated that these items were associated with single latent construct (factor loadings $>.667$). The collective efficacy factor contains a series of items on the survey which asked issues about community cohesion and informal social control. It indicated a good model fit with an RMSEA of $.035$. The results of the goodness of fit for the measurement model tested using CFA showed chi-square 7.387 (χ^2); degree of freedom 4; p value $.117$; chi-square / degree of freedom ratio (χ^2/df) 1.847; goodness of fit (GFI) $.996$; comparative fit of index (CFI) $.997$ and, Tucker-Levis Index (TLI) $.991$ which can be considered to be a valid operationalization of the latent construct.

The *Behavioral adaptation* scale was Cronbach's alpha of $.71$. Exploratory factor analysis with varimax rotation method indicated these items were associated with single latent construct with factor loadings $>.640$. The model fit was good with an RMSEA of $.065$. The result of the goodness of fit for the measurement model test CFA showed chi-square 7.680 (χ^2); degree of freedom 2; p value $.021$ chi-square / degree of freedom ratio (χ^2/df) 3.840; goodness of fit (GFI) $.995$; comparative fit of index (CFI) $.998$ and, Tucker-Levis Index (TLI) $.968$ which can be considered to be a valid operationalization of the latent construct.

As outlined above, this study used wealth of data. The data were used in a host of structural equation models which designed to test the relationships between incivility, victimization, collective efficacy, behavioral adaptation, and fear. The structural model was analyzed to test model fit results of the proposed theoretical model based on an integrated model.

Structural Model Results: The structural models of the study were begun by testing relationships between variables of the full path model, model with significant paths, full path model with control variables, and final model with control variables. All estimates are standardized, as the latent factors themselves were standardized in the CFA analyses. In the model variables were presented as in abbreviations INC-Incivility; BA-Behavioral Adaptation; FOC-Fear of Crime; COE-Collective Efficacy; VIC-Victimization. After elimination of non-significant relationships from the models the final model is depicted with only statistically significant standardized path coefficients including four latent constructs in the hypothesized model namely incivility, collective efficacy, behavioral adaptation, and fear of crime with control variables.

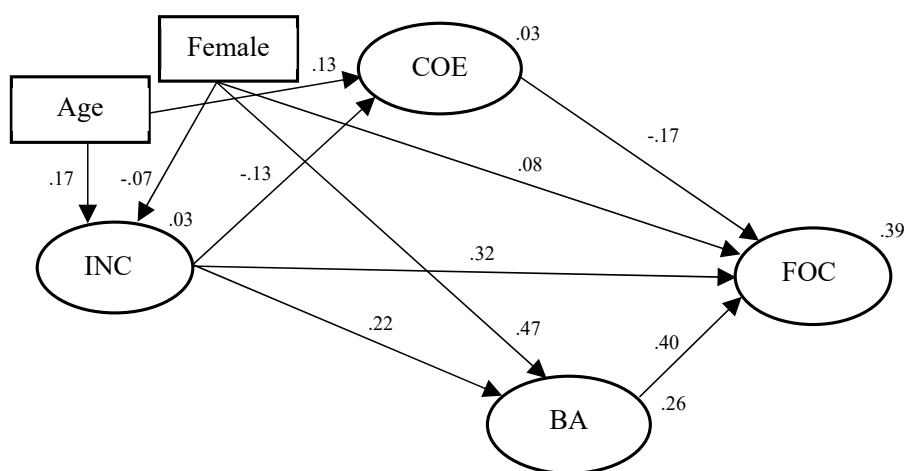

Fig. 1. Final model with control variables

¹ An RMSEA of less than or equal to $.06$ is defined as a good model fit.

The result showed that a good model fit with an RMSEA of .033, chi-square 78.349 (χ^2); degree of freedom 45; p value .002; comparative fit of index (CFI) .980, Tucker-Levis Index (TLI) .971, Normed fit index (NFI) .956, and Relative fit index (RFI) .935.

Incivility has statistically significant direct effects on fear of crime (.325**), collective efficacy (-.131*), and behavioral adaptation (.219**). Behavioral adaptation has a strong positive direct effect (.400***) on fear of crime, whereas collective efficacy has a significant negative effect (-.166**) on fear of crime. Finally, it considered that perceived incivility has significant indirect effect on fear of crime (.434**) through both behavioral adaptation and collective efficacy.

The final model indicated significant relationships between variables. Overall models presented in the study mainly supported research purposes, consistent with theoretical assumptions. There exists significant indirect impact from perceived incivility to fear of crime through collective efficacy and behavioral adaptation. As previous literature suggested, the models showed supportive readings of indirect effects of perceived incivility to fear of crime as predicted by the broken windows theory. The best fitting final model suggested that perceived incivility affects not only indirectly the fear of crime by mediation of behavioral adaptation and collective efficacy, but also it has strong significant direct effects on behavioral adaptation, collective efficacy, and fear of crime themselves. Moreover, behavioral adaptation and collective efficacy have significant direct relationships to fear of crime.

Discussion and Conclusion

This study is an initial attempt to explore an understanding of fear of crime among Mongolian citizens by testing an integrated model. The study used data from the survey which was implemented in Ulaanbaatar, Mongolia, during September, 2015. Building on previous studies, a modified version of crime victim survey questionnaires was used to collect data. An integrated model based on theoretical background (e. g. combined aspects of disorder theory, community concern, victimization, risk interpretation model, broken windows theory), was employed to examine mediating effects of behavioral adaptation and collective efficacy among incivility and fear of crime. Fear of crime was measured on by global scales: regarding individuals' relative degree of fear at home and on the neighborhood street at night.

The previous studies have noted that perceived incivilities in neighbor areas increase fear of crime (Franklin et al., 1989). As previous literature suggested, the models showed supportive readings of indirect effects of perceived incivility upon fear of crime which is most remarkably consistent with broken windows theory. The best fitting final model suggested that perceived incivility effects not only indirectly fear of crime by mediating behavioral adaptation and collective efficacy, but also it has strong significant direct effects on behavioral adaptation, collective efficacy, and fear of crime.

An effect of collective efficacy was interesting. While previous literature suggested that higher collective efficacy can cause the crime reduction. Consistent with the broken windows theory the present study found that collective efficacy indicators have a direct negative relationship to perceived incivility and fear of crime (Cohen et al., 2000; Raudenbush & Sampson 1999). Results showed an indirect path from perceived incivility to fear of crime through collective efficacy.

The effect of victimization is not a significant predictor in the research model. Prior victimization in this study supported some scholars reports, which are that victimization experiences did not stimulate the feeling of fear of crime — or that the relationship was very weak (Garofalo, 1979; Katz et al. 2003; Lewis & Salem 1986; Liska et al., 1988; McGarrell et al., 1997; Minnery & Lim 2005; Rifai, 1982; Skogan, 1987; Skogan & Maxfield 1981).

Behavioral adaptation has a strong significant relation on incivility and gender, and fear. Behavioral adaptation mediated the relationship between incivility and fear. People who fear crime tend to constrain their behavior to safe areas during safe times and avoid unsafe areas. Fear and constrained behavior are a positive escalating loop: fear causes people to constrain their behavior and this behavior response in turn heightens their fear (Liska et al., 1988).

Previous studies reported that the neighborhood's perception of crime and an individual's characteristics, such as age and gender, have had mixed results. Most previous studies reported that women are more fearful of crime than men. Women are more concerned with sexual vulnerability due perceived increased levels of fear in unknown or disordered places (LaViolette & Barnett 2000). The findings of the current study showed that gender (female) is one of the most important predictors of fear of crime both at home and on the neighborhood street at night. Consistent with broken windows theory, gender has a strong relationship with both incivility and behavioral adaptation. Overall, results of the study were consistent with previous studies which reported that women are more fearful of crime than men (Balkin, 1979; Garofalo, 1981; Gordon & Riger, 1989; Lee & Ulmer, 2000; Stafford & Galle, 1984). It is important to note, as an aside, that like the rest of the world, in Mongolia, many violent crimes against women are not reported or documented.

The findings showed that there is not a significant relationship between age and fear in the context of traditional Mongolia. The majority of Mongolian families are multigenerational and the elderly people are living in a caring and nurturing environment, and are not as isolated as in western societies where the elderly mostly live by themselves (Chuluunbat & Lee, 2016). This result is very similar to Hwang's (2006) study of fear of crime in the traditional society of South Korea. However, age has strong significant relation with incivility and collective efficacy which could be construed that aged reactions are dependent on incivility and collective efficacy.

It is important to discuss a policy implication of this study. Public opinion about issues of crime in transitional societies is critical (Shaw, 2002). The first policy implication of the study focused on broken windows theory. As literature suggested disorderly behavior untended leaves residents afraid or frightened, causing them withdraw from their community, and leads to fear of crime, more serious crime and, ultimately, urban decay. Considering this, if police and residents are able to co-operate in managing a minor incivility, the result could be to effectively reduce delinquent or criminal activity. Second, the study suggested theoretical and methodological improvements to evaluate accuracy, usefulness, and reliability of the future studies. Expanding a sample size by investigating related issues, co-operation with governmental statistics offices for investigating types of index crimes, and improvement of data collection strategies are also respectively taken into consideration. Finally, further research would be well to expand upon the present study in other transitional societies using more accurate and comprehensive data sets in order to confirm these findings.

This study has several limitations. The first and main limitation of this study was a non-significant relationship between victimization and fear of crime and no mediating effect of victimization between incivility and collective efficacy to fear, whereas, much previous literature reported that direct victimization is a significant predictor of fear of crime (Bursik & Grasmick, 1993; Ferraro 1995; Gray et al., 2006; Katz et al., 2003; Skogan, 1986, 1987; Skogan & Maxfield, 1981). Future research may benefit from exploring victimization in relation to the fear of crime and may address the effect of incivility on fear through victimization. The second potential limitation of this study deals with relationship between age and fear. Most previous studies have found a significant relationship between age and fear of crime. The elderly is more fearful of crime due to physical disabilities as a result of their age (Hinderland et al., 1978). One of the possible explanations for a non-significant association between these two variables in this research may be participants' age distribution differences. Our age distribution was, 43.3 percent between 14–30 years old, 43.8 percent 31–50 years old, and 12.9 percent more than 51 years old. Future work may explore this issue by re-considering participants' age distribution. Also, as noted before, the majority of Mongolian families are multigenerational and the elderly people are not as lonely as in western societies where the elderly mostly live by themselves (Chuluunbat & Lee, 2016). Of course one of the limitations of this study is the relatively modest sample from which data was collected from the residents in the Ulaanbaatar metropolitan area. Finally, a lack of national level crime victimization surveys is another limitation.

In conclusion, this study tried to enlarge our body knowledge about fear of crime and its predictors among non-Western citizens such as Mongolians while testing an integrated model of fear of crime over a fairly different population from those of the previous research. The result of the current study may offer understanding not only of public opinion toward crime but also suggests policy implications for law enforcement agencies of Mongolia.

References

1. Balkin S. (1979). Victimization Rates, Safety and Fear of Crime. *Social Problems*, 26, pp. 343–358.
2. Bayley D. H. (1975). *The Police and Political Development in Europe: The Formation of National States in Europe*. Princeton, NJ : Princeton University Press.
3. Bursik R. J., Grasmick H. G. (1993). *Neighborhoods and Crime: The Dimensions of Effective Community Control*. New York : Lexington Books.
4. Cheung F., Cheung S., Leung K., Ward C., Leong F. (2003). The English Version of the Chinese Personality Inventory. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 34, pp. 433–452.
5. Chuluunbat Sh., Lee Min-Sik (2016). Fear of Crime in a Transitional Society: The case of Mongolian Citizens. *Journal of Korean Association for Terrorism Studies*, 9 (2), pp. 77–95.
6. Chuluunbat Sh., Lee Min-Sik (2016). Fear of Crime among Mongolian Immigrants in Seoul Metropolitan Areas. *Korean Journal for Public Security and Criminal Justice*, 63, pp. 239–265.
7. Cohen D., Spear S., Scribner R., Kissinger P., Mason K., Wildgen J. (2000). Broken Windows and the Risk of Gonorrhea. *American Journal of Public Health*, 90, pp. 230–236.
8. Davaa J., Altangerel B. (2015). The Fear in Mongolian Society: Comparative Analysis. *Asian Journal of Social Sciences and Humanities*, 4 (2), pp. 145–153.
9. DuBow F., McCabe E., Kaplan G. (1979). *Reactions to crime: A Critical Review of the Literature*. Washington, D.C.: National Institute of Law Enforcement and Criminal Justice, U.S. Government Printing Office.
10. Ferraro K. F. (1995). *Fear of Crime: Interpreting Victimization Risk*. New York : SUNY Press.
11. Franklin T. W., Franklin C. A., Fearn N. E. (2008). A Multilevel Analysis of the Vulnerability, Disorder, and Social Integration Models of Fear of Crime. *Social Justice Research*, 21 (2), pp. 204–227.
12. Gainey R., Alper M., Chappell A. T. (2011). Fear of Crime Revisited: Examining the Direct and Indirect Effects of Disorder, Risk Perception, and Social Capital. *American Journal of Criminal Justice*, 36 (2), pp. 120–137.
13. Garofalo J. (1979). Victimization and the Fear of Crime. *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 16 (1), pp. 80–97.
14. Garofalo J. (1981). The Fear of Crime: Causes and Consequences. *Journal of Criminal Law and Criminology*, 72 (2), pp. 839–857.
15. Gibson C. L., Zhao J., Lovrich N. P., Gaffney M. J. (2002). Social Integration, Individual Perceptions of Collective Efficacy, and Fear of Crime in Three Cities. *Justice Quarterly*, 19 (3), pp. 537–564.
16. Gordon M. T., Riger S. (1989). *The Female Fear*. New York : The Free Press.
17. Gray E., Jackson J., Farrall S. (2006). Reassessing the Fear of Crime: Frequencies and Correlates of Old and New Measures. Experience and Expression in the Fear of Crime. Working Paper, 3.
18. Grubb J. A., Bouffard L. (2014). The Interrelationships between Victimization, Fear and Acculturation among Asian Immigrants. *Victims and Offenders: An International Journal of Evidence-based Research, Policy, and Practice*, 9 (4), pp. 353–385.
19. Hale C. (1996). Fear of Crime: A Review of the Literature. *International Review of Victimology*, 4, pp. 79–150.
20. Hinderland M. J., Gottfredson M. R., Garofalo J. (1978). *Victims of Personal Crime*. Cambridge, MA : Ballinger.
21. Hwang E. G. (2015). A Bi-National Comparative Study about the Fear of Crime among Korean Immigrants in the Detroit Metropolitan Area. USA and Native Korean Immigrants in Seoul, South Korea. *Journal of Policing*, 3, pp. 231–275.
22. Hwang E. G. (2006). *A Multilevel Test of Fear of Crime: The Effect of Social Conditions, Perceived Community Policing Activities, and Perceived Risks in a Megalopolis*. Doctoral Dissertation. Michigan State University, East Lansing.
23. Jang Hyun-Seok, Enkhbold B., Chuluunbat Sh. (2015). Trust in the Police in a Transitional Society: The Case of Mongolia. *Journal of Korean Criminological Association*, 9 (2), pp. 280–308.
24. James L. R., Mulaik S. A., Brett J. M. (1982). *Causal Analysis Assumptions, Models, and Data*. Beverly Hills, CA : Sage.

25. Karakus O., McGarrell E. F., Basibuyuk O. (2010). Fear of Crime among Citizens of Turkey. *Journal of Criminal Justice*, 38, pp. 174–184.
26. Katz C. M., Webb V. J., Armstrong T. A. (2003). Fear of Gangs: A Test of Alternative Theoretical Models. *Justice Quarterly*, 20 (1), pp. 95–130.
27. Kennedy L. W., Silverman R. A. (1985). Significant others and Fear of Crime among the Elderly. *International Journal of Aging and Human Development*, 20, pp. 241–256.
28. Kline R. B. (2005). *Principles and Practice of Structural Equation Modelling*. New York : The Guilford Press.
29. Kury H., Obergefell F. J., Ferdinand T. (2001). Aging and the Fear of Crime: Recent Results from East and West Germany. *International Review of Victimology*, 5 (1), pp. 75–112.
30. LaGrange R. L., Ferraro K. F., Supancic M. (1992). Perceived Risk and Fear of Crime: Role of Social and Physical Incivilities. *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 29, pp. 311–334.
31. LaViolette A. D., Barnett O. W. (2000). *It Could Happen to Anyone: Why Battered Women Stay* (2nd eds.). Thousand Oaks : SAGE.
32. Lee M. (1998). Fear of Crime among Korean Americans in the Chicago Area: A Multilevel Analysis. Unpublished Doctoral Dissertation, Purdue University.
33. Lee M., Ulmer J. T. (2000). Fear of Crime among Korean Americans in Chicago Communities. *Criminology*, 38, pp. 1173–1206.
34. Lewis D. A. & Salem G. (1986). *Fear of Crime: Incivility and the Production of a Social Problem*. New Brunswick. NJ : Transaction Books.
35. Liska A. E., Sanchirico A. & Reed M. D. (1988). Fear of Crime and Constrained Behavior: Specifying and Estimating a Reciprocal Effects Model. *Social Forces*, 66, pp. 827–837.
36. McGarrell E. F., Giacomazzi A. L., Thurman Q. C. (1997). Neighborhood Disorder, Integration, and the Fear of Crime. *Justice Quarterly*, 14 (3), pp. 479–500.
37. Minnery J. R. & Lim B. (2005). Measuring Crime Prevention Through Environmental Design. *Journal of Architectural and Planning Research*, 22 (4), pp. 330–341.
38. Mongolian National Police Agency (2015). *Crime Situation in Mongolia: 2014*. Mongolian National Police Agency Report, 1 (1), pp. 6–133.
39. Mongolian National Statistical Office (2015). *Statistical Yearbook of Mongolia 2014*.
40. Nunnally J. C., Bernstein I. H. (1994). *Psychometric Theory* (3rd eds.). New York : McGraw-Hill.
41. Nyamsuren Ch. (2005). *Crime Victimization*. Mongolian Advocates Association, Soyombo press, Ulaanbaatar.
42. Ollenburger J. (1981). Criminal Victimization and Fear of Crime. *Research on Ageing*, 3, pp. 101–118.
43. Pantazis C. (2000). Fear of Crime: Vulnerability and Poverty. *British Journal of Criminology*, 40, pp. 414–436.
44. Raudenbush S. W., Sampson R. J. (1999). *Ecometrics: Toward a Science of Assessing Ecological Settings, with Application to the Systematic Social Observation of Neighborhoods*. *Sociological Methodology*, 29, pp. 1–41.
45. Rifai M. Y. (1982). *Methods of Measuring the Impact of Criminal Victimization through Victimization Surveys*. H. J. Schneider (Ed.). *The Victim in International Perspective*. Berlin and New York : de Gruyter.
46. Ross C. E., Jang S. (2000). Neighborhood Disorder, Fear, and Mistrust: The Buffering Role of Social Ties with Neighbors. *American Journal of Community Psychology*, 28, pp. 401–420.
47. Sampson R. J., Raudenbush S. W., Earls F. (1997). Neighborhoods and Violent Crime: A Multilevel Study of Collective Efficacy. *Science*, 277, pp. 918–924.
48. Schumacker R. E., Lomax R. G. (2004). *A Beginner's Guide to Structural Equation Modeling* (2nd eds.), Mahwah, NJ : Lawrence Erlbaum Associates.
49. Shaw C. R., McKay H. D. (1942). *Juvenile Delinquency and Urban Areas*. University of Chicago Press.
50. Shaw M. (2002). Crime, Police and Public in Transitional Societies. *Transformation: Critical Perspectives on Southern Africa*, 49, pp. 1–24.
51. Skogan W. G. (1986). Fear of Crime and Neighborhood Change. A. J. Reiss & M. Tonry (Eds.). *Communities and crime*, 203–229, Chicago : University of Chicago Press.

- Skogan W. G. (1987). The Impact of Victimization on Fear. *Crime and Delinquency*, 33 (1), pp. 135–154.
52. Skogan W. G. (1990). *Disorder and Decline: Crime and the Spiral of Decay in American Neighborhoods*. Berkeley and Los Angeles : University of California Press.
53. Skogan W. G., Maxfield M. G. (1981). *Coping with Crime: Individual and Neighborhood Reactions*. Sage : Beverly Hills, CA.
54. Stafford M. C., Galle O. R. (1984). Victimization Rates, Exposure to Risk, and Fear of Crime. *Criminology*, 22, pp. 173–185.
55. Stevens J. (1992). *Applied Multivariate Statistics for the Social Sciences* (2nd eds.), Hillsdale. HJ : Lawrence Erlbaum.
56. Taylor R. B., Hale M. (1986). Testing Alternative Models of Fear of Crime. *Criminology*, 77 (1), pp. 151–189.
57. Warr M. (1984). Fear of Victimization: Why are Women and the Elderly more Afraid? *Social Science Quarterly*, 65, pp. 681–702.
58. Wilson J. Q., Kelling G. L. (1982). The Police and Neighborhood Safety: broken Windows. *The Atlantic Monthly*, 249 (March), pp. 29–38.

About the authors:

Chuluunbat Sharkhuu, President of Mongolian Institute for Protection and Security Studies, Director of Foreign Language Institute, University of Internal Affairs (Ulaanbaatar, Mongolia), PhD in Criminology, Professor; mongolianipss@gmail.com

Min-Sik Lee, Professor of Department of Police Administration, Kyonggi University (Suwon, South Korea), PhD in Criminology; lmspu@kyonggi.ac.kr

Об авторах:

Шархуу Чулуунбат, профессор, президент Института исследования защиты и безопасности Монголии, директор Института иностранного языка, Университет внутренних дел Монголии (Улан-Батор, Монголия), доктор (PhD) криминологии, профессор; mongolianipss@gmail.com

Мин-Сик И, профессор кафедры полицейского управления Университета Кионгги (Сувон, Южная Корея), доктор (PhD) криминологии; lmspu@kyonggi.ac.kr

Российско-китайское взаимодействие в сфере обеспечения стратегической стабильности

Кожухова К. Е.

Институт международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета, Москва, Российская Федерация; kira.kozhuhova@mail.ru

РЕФЕРАТ

Усложнение современного мирового порядка вызывает необходимость поиска стратегической стабильности для предотвращения нового глобального военного столкновения. Россия и Китай ввиду последних событий, произошедших на мировой политической арене, усилили свое сотрудничество, создав стратегическую стабильность диады в противовес США и другим странам Запада. Однако стратегическая стабильность Российской Федерации и Китайской Народной Республики не является в полной мере выгодной для России из-за особенности китайской стратегической культуры, китаецентричной по своей сути. Отсутствие российской стратегической культуры ликвидирует равенство двух стран и подталкивает Россию к подчинению и мимикрии Китаю. Автор предлагает свое видение уравнивания двух сил по двум основным векторам. Первый — правовой вектор, заключается в обновлении двустороннего соглашения между Россией и Китаем с усилением позиций и преимуществ российской стороны. Второй — наращивание российского стратегического мышления и, как следствие, появление национальной стратегической культуры, которая будет способствовать формированию адекватного внешнеполитического курса Российской Федерации в условиях формирования новой модели стратегической стабильности.

Ключевые слова: Россия, Китай, США, безопасность, стратегическая культура, мировой порядок.

Для цитирования: Кожухова К. Е. Российско-китайское взаимодействие в сфере обеспечения стратегической стабильности // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. № 1. С. 81 – 87.

Russian-Chinese Cooperation in Ensuring Strategic Stability

Kira E. Kozhukhova

Institute of International Relations and Socio-Political Sciences, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation; kira.kozhuhova@mail.ru

ABSTRACT

Growing complexity of the modern world order calls for the search for strategic stability in order to prevent a new global military clash. In view of recent political events, Russia and China have strengthened their cooperation, creating a strategic stability dyad in contrast to the United States and other Western countries. However, the strategic stability of the Russian Federation and the People's Republic of China is not fully beneficial for Russia due to the peculiarity of the Chinese strategic culture, which is cinocentric. The absence of Russian strategic culture eliminates the equality of the two countries and pushes Russia to submit and mimic China. The author offers her vision of balancing the two forces. The first is the legal basis, which is to update the bilateral agreement between Russia and China with an effort to strengthen the positions and advantages of the Russian side. The second is the development of Russian

strategic thinking and, as a result, the emergence of national strategic culture that will contribute to the formation of an adequate foreign policy course of the Russian Federation in the new world stability.
Keywords: China, Russia, USA, security, strategic culture, world order

For citing: Kozhukhova K. E. Russian-Chinese Cooperation in Ensuring Strategic Stability // Eurasian Integration: economic, law, politics. 2021. No. 1. Pp. 81 – 87.

Дестабилизация мира нового миллениума

Начало XXI в. характеризовалось усложнением конфигурации сил на мировой арене. Одним из значимых факторов, способствовавших усложнению международной обстановки, стало то, что в 2001 г. США в одностороннем порядке разорвали Договор об ограничении систем противоракетной обороны¹, заключенный Соединенными Штатами и СССР в 1972 г. Этот шаг привел к постепенному нарушению международного военного паритета в новом тысячелетии. Последовавшая в дальнейшем дестабилизация обстановки на Ближнем Востоке, активизация международного терроризма в Сирии, происходящая при поддержке извне [11], вовлечение целого ряда игроков в разрешение кризиса на Украине [13], целенаправленная хаотизация обстановки в регионах мира и отдельных странах [6], становление в качестве актора международных отношений негосударственных игроков [3], ряд других обстоятельств в буквальном смысле потрясли систему современных международных отношений, заставив многих акторов сменить вектор своей внешнеполитической деятельности. Вместе с тем противостояние великих (ядерных) держав сохраняется, что оказывает негативное влияние на стратегическую стабильность.

Кроме того, для характеристики дестабилизации международной системы следует отметить и то, что в 2019 г. Россия и США вышли из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности², существовавшего с 1987 г. 22 ноября 2020 г. Соединенные Штаты вышли и из Договора по открытому небу 2002 г.³, что означало дальнейшую дестабилизацию системы международных отношений, и без того неустойчивую в условиях развернувшейся пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 и последующего за ней всемирного кризиса [9]. Драматично складывается и судьба Договора о сокращении стратегических наступательных вооружений (ДСНВ).

Таким образом, как справедливо отмечает российский политолог Д. Тренин, «после 25-летнего перерыва в мировую политику вернулось соперничество великих держав»⁴. Российские исследователи обоснованно ставят и вопрос о необходимости понимания складывающейся геополитической картины мира [4]. Новые условия диктуют и поиск обновленного основания для стратегической стабильности всех крупных акторов, включая Россию и Китай.

О понятии стратегической стабильности

В связи с рассмотрением заявленной темы следует определиться относительно понятия «стратегическая стабильность». Обращаясь к трудам академика А. А. Кокошина, определим, что стратегическая стабильность есть «комплексная, многомерная и междисциплинарная проблема, требующая постоянного внимания высшего государственного руководства, военного командования, отечественного экспертного сообщества, занимающегося проблемами национальной безопасности, ученых различных областей научного знания» [8, с. 18]. Акцентируя внимание на стратегическом ядерном взаимодействии, А. А. Кокошин настаивал на необходимости установления «барьера», способного противостоять началу ядерной войны [Там же, с. 51]. Вместе с тем феномен стратегической стабильности можно рассматривать вне рамок ядерного

¹ Путин: гонка вооружений началась тогда, когда США вышли из договора по ПРО [Электронный ресурс] // Вести. 2018. 2 марта. URL: <https://www.vesti.ru/article/1427602> (дата обращения: 05.01.2021).

² Выход США и России из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности [Электронный ресурс] // ТАСС. 2019. 1 февраля. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6069375> (дата обращения: 05.01.2021).

³ Гордеев В. Выход США из Договора по открытому небу вызвал сожаление в Кремле [Электронный ресурс] // РБК. 2020. 23 ноября. URL: <https://www.rbc.ru/politics/23/11/2020/5fbb7eb69a7947704914b350> (дата обращения: 05.01.2021).

⁴ Тренин Д. Стратегическая стабильность в условиях смены миропорядка [Электронный ресурс] // Московский центр Карнеги. URL: https://carnegieendowment.org/files/Carnegie_Moscow_Article_Trenin_Russian_FINAL.pdf (дата обращения: 05.01.2021).

сдерживания, отсюда стратегическая стабильность может быть определена в качестве «стратегического состояния, при котором отсутствуют стимулы для нанесения первого удара» [1, с. 13].

С учетом изложенного понимания стратегической стабильности построены дальнейшие размышления.

Стратегическая стабильность: Китай и Россия

Российская Федерация и Китайская Народная Республика, две ведущие державы современной мировой политической системы, безусловно, находятся в поиске *выгодной* всемирной стратегической стабильности в свете новых международных условий как две немаловажные ее составные части. Целесообразно охарактеризовать официальные позиции двух стран по данному вопросу.

Как отмечено в белой книге «Ядерная безопасность Китая», КНР «уделяет внимание правам и обязанностям в области ядерной безопасности и содействует международному процессу ядерной безопасности на основе уважения прав и интересов всех стран»¹. В тексте документа подчеркивается, что «Китай рассматривает развитие и использование ядерной энергии как важную стратегию для содействия быстрому экономическому и социальному развитию и построения прекрасного Китая, она включена в его среднесрочные и долгосрочные планы национального экономического и социального развития»². Поскольку Китайская Народная Республика выступает против применения силы и нанесения ядерных ударов, то предлагается «создание справедливой, совместной и бесприоритетной международной системы ядерной безопасности, придерживающейся принципа справедливости, чтобы совместно продвигать глобальное управление ядерной безопасностью, строить сообщество ядерной безопасности с общим будущим и сообщества единой судьбы человечества»³.

В условиях складывающейся ситуации в сфере международной безопасности Российская Федерация также совершенствует государственную политику в области ядерного сдерживания. В Основных государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания установлено, что «Российская Федерация рассматривает ядерное оружие исключительно как средство сдерживания, применение которого является крайней и вынужденной мерой, и предпринимает все необходимые усилия для уменьшения ядерной угрозы и недопущения обострения межгосударственных отношений, способного спровоцировать военные конфликты, в том числе ядерные»⁴. Кроме того, «ядерное сдерживание направлено на обеспечение понимания потенциальным противником неотвратимости возмездия в случае агрессии против Российской Федерации и (или) ее союзников»⁵.

Проводя параллели между двумя доктринальными установками двух стран, можно заключить, что позиции Китая и России схожи по вопросам сдерживания, создания условий мира и сотрудничества, недопущения начала ядерного конфликта, а также по базовым принципам ядерного сдерживания. Обращает на себя внимание и тот факт, что только в российском доктринальном документе прописан ответный удар в случае нападения на союзников, что в корне отличает российскую ядерную доктрину от китайской, ориентированную исключительно на само китайское государство.

Наметившийся разворот России на Восток⁶ привел к активизации уникального (и одновременно безальтернативного для нашей страны) евроазиатского альянса сил, основные принципы которого закреплены в подписанном двумя странами в 2001 г. Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве⁷. Санкционный режим Запада своим естественным последствием имеет наращивание сотрудничества

¹ «Чжунгодэхэаньцяоань» Байпишу [Белая книга «Ядерная безопасность Китая»] [Электронный ресурс] // Правительство Китая. URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/39911/Document/1663532/1663532.htm> (дата обращения: 05.01.2021).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Об основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания : указ Президента Российской Федерации от 2 июня 2020 г. № 355 [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45562> (дата обращения: 05.01.2021).

⁵ Там же.

⁶ Громыко А. России нужно развернуться на Восток [Электронный ресурс] // РСМД. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/rossii-nuzhno-razvernuty-na-vostok/?sphrase_id=40167394 (дата обращения: 18.06.2020).

⁷ Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3418> (дата обращения: 18.06.2020).

Российской Федерации и Китайской Народной Республики, которое фактически является мультисферным. В рамках него российская сторона взаимодействует с китайской в вопросах информационной безопасности, применения военной силы, инвестиций [7] и др. Кроме того, Китай, ведущий торговую войну с США, выступает «серым кардиналом» «скованной» санкциями России, экономически «фехтует» увеличением пошлин, нанося весомый урон американскому хозяйству¹, что характеризует Поднебесную как российско-го союзника в борьбе с международным «произволом» США.

Если рассматривать современный этап российско-китайских отношений по ядерной проблематике, то имеет смысл обратить внимание на то, что согласно Договору о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве (ст. 2) «договаривающиеся Стороны подтверждают обязательства не применять первыми друг против друга ядерное оружие, а также взаимно не нацеливать стратегические ядерные ракеты»². В настоящее время страны поддерживают сотрудничество в сфере обеспечения стратегической стабильности: российская сторона оказала помощь Китаю в создании системы предупреждения о ракетном нападении, в 2019 г. проводилось российско-китайское патрулирование российских и китайских дальних бомбардировщиков над акваторией Тихого океана и др.³ Также две державы поддерживают отношения в сфере развития атомной энергетики⁴.

Получается, что в настоящее время союз России и Китая фактически можно назвать взаимопользным и выигрышным, поскольку вклад в глобальную стратегическую стабильность обе страны нашли в координации своих действий при противостоянии с третьей стороной в лице США и их «сателлитов». Вместе с тем возникает вопрос: так ли выгоден России сложившийся стратегический баланс?

Устойчивость национальной стратегической культуры — ключ к стратегической стабильности?

Небезынтересно подчеркнуть, что стратегическое мышление Китая характеризуется двойственным отношением к вопросам войны, мира, безопасности и ведения внешней политики, а именно особой стратегической культурой⁵, сложившейся за многие тысячелетия существования китайского государства. Для китайской внешнеполитической деятельности, разворачивающейся в связи с национальной стратегической культурой, свойственен китаецентризм — постановка своей страны в абсолюте [12, с. 57] — и дуалистический принцип гармонии [Там же, с. 56]. Что предполагает перманентный поиск исключительной выгоды для Китая и возможность нанесения ответного удара в случае посягательства (даже мнимого) на национальные интересы Поднебесной⁶.

В свою очередь, российская стратегическая культура хотя и является реально существующим феноменом, в целостном виде она до сих пор не обобщена, не синтезирована и не декларирована, проводимые исследования касаются лишь ее отдельных компонентов [5]. Отчасти данное обстоятельство объяснимо исторически: политические изменения России в начале 1990-х гг. привели к кризису идентичности, который проявился как кризис общественного сознания и российской государственности, медленно адаптирующейся к изменяющимся условиям⁷. Существовавшая в течение 70 лет «советская» идентичность была подорвана в результате распада СССР, оставив российскую нацию у об-

¹ Торговая война с Китаем не способствовала росту промпроизводства в США [Электронный ресурс] // Интерфакс. 2020. 26 октября. URL: <https://www.interfax.ru/world/734231> (дата обращения: 05.01.2021).

² Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой [Электронный ресурс] // Сайт Правительства РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3418> (дата обращения: 05.01.2021).

³ Кашин В. Необъявленный союз. Как Россия и Китай выходят на новый уровень военного партнерства [Электронный ресурс] // Московский центр Карнеги. URL: <https://carnegie.ru/commentary/80096> (дата обращения: 05.01.2021).

⁴ Сотрудничество Китая и России в области ядерной энергетики вышло на новый этап [Электронный ресурс] // Атомная энергия. URL: <https://www.atomic-energy.ru/news/2019/10/03/97930> (дата обращения: 18.06.2020).

⁵ Strategic Culture and Pragmatic National Interest [Электронный ресурс] // The Geneva Centre for Security Policy. URL: <https://www.gcsp.ch/News-Knowledge/Publications/Strategic-Culture-and-Pragmatic-National-Interest> (дата обращения: 05.01.2021).

⁶ Kwong-loi Shun. Resentment and Forgiveness in Confucian Thought [Электронный ресурс] // Core. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/48497081.pdf> (дата обращения: 05.01.2021).

⁷ Храпов С. А. Трансформация общественного сознания в социокультурном пространстве постсоветской России [Электронный ресурс]. URL: http://dibase.ru/article/15072011_khrapovsa/5 (дата обращения: 18.06.2020).

ломков социалистического прошлого и без определенного будущего. В связи с определенным ходом истории российская нация утратила свою «русскость», которая уже явно не может формироваться уваровской «тройкой» православия — самодержавия — народности или же лозунгами социализма. Вследствие этого россияне не осознают в полной мере самих себя и свое место в мире, как следствие, в государственной политике отсутствует полноценное стратегическое мышление [2], которое должно находить свое выражение в целенаправленном и последовательном внешнеполитическом курсе.

Колебания с начала 1990-х гг. попеременно в сторону Запада и Востока свидетельствуют о неопределенности практического выражения российской стратегической культуры и приводят к мысли о феномене российской мимикрии под более сильного актора, т. е., как видится в разрезе текущего исследования, Китая. Это выражается в примирении Российской Федерации с китайской внешнеполитической деятельностью даже на стратегически важных для России фронтах, например, в Центральной Азии [10] и Арктике¹.

Здесь правомерно поставить проблему реальности стратегической стабильности между Россией и Китаем и ее перспектив в целом, поскольку искомая стабильность возможна лишь в случае относительного равенства сторон, включая, как видится автору, и национальный стратегико-культурный потенциал.

Будущее российско-китайского сотрудничества в достижении стратегической стабильности

Отсутствие паритета стратегического мышления и стратегических культур России и Китая выступают как дегармонизирующий фактор двустороннего взаимодействия в обеспечении стратегической стабильности. В отличие от России Китай, придерживаясь китаецентризма, не намерен применять силу для защиты союзников. Учитывая дуализм китайской стратегической культуры, Россия всегда будет в той или иной степени находиться в положении непросвещенного «варвара», к которому можно повернуться спиной в угоду своим интересам и нанести тот самый «первый удар», уничтожающий российско-китайскую диадду, которая ощущается и без того зыбкой.

Поскольку в настоящее время Российская Федерация не способна достичь потенциала Китайской Народной Республики во многих сферах, чтобы быть конкурентоспособной, автору представляется необходимым приступить к созданию правовой основы их взаимодействия с учетом защиты интересов России.

Предстоящее окончание действия Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве (2021 г.), на взгляд автора, могло бы стать началом новой эпохи российско-китайских отношений. Думается, несмотря на возможность пролонгирования договора на пять лет, Российской Федерации необходимо отказаться от его продления в существующем виде в интересах создания нового всеобъемлющего двустороннего документа, гарантирующего «доброжелательность» Поднебесной по отношению к России, в том числе и по вопросам координации усилий в сфере обеспечения безопасности и стратегической стабильности. Однако, принимая во внимание природу китайской стратегической культуры и нестабильность мирового порядка, необходимо учитывать и вероятность неисполнения заключенного соглашения.

В завершение следует отметить, что трансформирующийся мир требует новых стратегий, и Россия, в свою очередь, нуждается в обновлении стратегического мышления, поиске истинных национальных ценностей и, наконец, создании релевантной стратегической культуры без опоры на существующие примеры, но все же с оглядкой на них. Именно это позволит выработать адекватный внешнеполитический курс, учитывающий национальные интересы и позволяющий России стать для Китая равноправным партнером. В свою очередь, это будет способствовать укреплению стратегической стабильности на глобальном уровне.

¹ «Чжунгодэ бэйцзи чжэнцэ» Байпишу (Белая книга «Политика Китая в Арктике») [Электронный ресурс] // сайт Государственного совета КНР. URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/37884/Document/1618193/1618193.htm> (дата обращения: 05.01.2021).

Литература

1. Арбатов А. Г., Дворкин В. З., Пикаев А. А., Ознобищев С. К. Стратегическая стабильность после холодной войны. М. : Москва: ИМЭМО РАН, 2010.
2. Белозёров В. К. Дефицит стратегического мышления и императивы его преодоления. Размышления после Венской конференции по стратегии // Власть. 2020. № 1. С. 19–26.
3. Белозёров В. К. Негосударственные субъекты современных войн и военной деятельности // Электронный научный журнал «Проблемы безопасности». 2009. № 2 (5). С. 91–97.
4. Белозёров В. К. Особенности геополитической картины современного мира // Россия и мусульманский мир. 2013. № 1. С. 11–16.
5. Белозёров В. К. Система ценностей и оборона страны // Место и роль армии в российском обществе: социологический анализ. Материалы научной конференции: [сборник] / под ред. профессора В. И. Добренёва. М. : КДУ, 2007. С. 146–159.
6. Белозёров В. К. Управляемый хаос и глобальные политические стратегии // Геополитика и безопасность. 2014. № 4. С. 9–13.
7. Волынчук А. Б., Волынчук Я. А. Российско-китайское сотрудничество — синдром отложенного партнерства // Россия и АТР. 2016. № 2 (92). С. 17–26.
8. Кокошин А. А. Проблемы обеспечения стратегической стабильности: теоретические и прикладные вопросы. Изд. 2-е, переработанное и существенно дополненное. М. : Едиториал УРСС, 2011.
9. Ларионова М. В., Киртон Дж. Глобальное управление после кризиса COVID-19 // Вестник международных организаций. 2020. Т. 15. № 2. С. 7–23.
10. Парамонов В. Россия и Китай в Центральной Азии: концептуальный аспект // Россия и новые государства Евразии. 2018. № 4. С. 122–131.
11. Хаддад М. Трансформация геополитического статуса Ближнего Востока // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2018. № 4 (812). С. 65–76.
12. Чжунго чжаньлюэ вэньхуа схуаньчэн юй фачжань [Наследие и развитие китайской стратегической культуры]. Пекин : Шишичу пресс, 2008.
13. Шмелев Б. А. Украинский кризис // Власть. 2019. Т. 26. № 9. С. 241–247.

Об авторе:

Кожухова Кира Евгеньевна, преподаватель кафедры политологии Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета (Москва, Российская Федерация); kira.kozhuhova@mail.ru

References

1. Arbatov A. G., Dvorkin V. Z., Pikaev A. A., Oznobishchev S. K. Strategicheskaya stabil'nost' posle kholodnoy voyny. M. : Moskva : IMEMO RAN, 2010.
2. Belozarov V. K. Defitsit strategicheskogo myshleniya i imperativy ego preodoleniya. Razmyshleniya posle Venskoj konferentsii po strategii // Vlast'. 2020. № 1. S. 19–26.
3. Belozarov V. K. Negosudarstvennye sub"ekty sovremennykh voin i voennoi deyatel'nosti // Elektronnyi nauchnyi zhurnal «Problemy bezopasnosti». 2009. № 2 (5). S. 91–97.
4. Belozarov V. K. Osobennosti geopoliticheskoi kartiny sovremennogo mira // Rossiya i musul'manskii mir. 2013. № 1. S. 11–16.
5. Belozarov V. K. Sistema tsennostei i oborona strany // Mesto i rol' armii v rossiiskom obshchestve: sotsiologicheskii analiz. Materialy nauchnoi konferentsii: [sbornik] / pod red. professora V. I. Dobren'kova. M. : KDU, 2007. S. 146–159.
6. Belozarov V. K. Upravlyaemyi khaos i global'nye politicheskie strategii // Geopolitika i bezopasnost'. 2014. № 4. S. 9–13.

7. Volynchuk A. B., Volynchuk Ya. A. Rossiisko-kitaiskoe sotrudnichestvo — sindrom otlozhennogo partnerstva // Rossiya i ATR. 2016. № 2 (92). S. 17–26.
8. Kokoshin A. A. Problemy obespecheniya strategicheskoi stabil'nosti: teoreticheskie i prikladnye voprosy. Izd. 2-e, pererabotannoe i sushchestvenno dopolnennoe. M. : Editorial URSS, 2011.
9. Larionova M. V., Kirton Dzh. Global'noe upravlenie posle krizisa COVID-19 // Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii. 2020. T. 15. № 2. S. 7–23.
10. Paramonov V. Rossiya i Kitai v Tsentral'noi Azii: kontseptual'nyi aspekt // Rossiya i novye gosudarstva Evrazii. 2018. № 4. S. 122–131.
11. Khaddad M. Transformatsiya geopoliticheskogo statusa Blizhnego Vostoka // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki. 2018. № 4 (812). S. 65–76.
12. Chzhungo chzhan'lyue ven'khua ckhuan'chen yui fachzhan' [Nasledie i razvitie kitaiskoi strategicheskoi kul'tury]. Pekin : Shishichu press, 2008.
13. Shmelev B. A. Ukrainskii krizis // Vlast'. 2019. T. 26. № 9. S. 241–247.

About the author:

Kira E. Kozhukhova, Lecturer of the Department of Political Science, Institute of International Relations and Socio-Political Sciences, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation);
kira.kozhuhova@mail.ru

Институционализация антитеррористического сотрудничества на евразийском пространстве: проблемы и перспективы

Карпенко Ю. О., Шумилов М. М.*

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления), Санкт-Петербург, Российская Федерация;

* mshumilov@mail.ru

РЕФЕРАТ

Цель работы — выяснение основных параметров и современного состояния институционализации международной антитеррористической деятельности на евразийском пространстве. При этом главное внимание авторов сосредоточено на организационно-правовых аспектах институционализации борьбы с терроризмом в форматах СНГ, ОДКБ и ШОС. В рамках заявленной проблематики авторы определяют и характеризуют проблемное поле формирования устойчивой системы взаимодействия между различными антитеррористическими структурами на евразийском пространстве в контексте существующих моделей институционализации антитеррористического сотрудничества. В статье получили обоснование предположения относительно институционализации и возможных перспектив евразийской антитеррористической инициативы, роли России в ходе ее реализации.

Ключевые слова: терроризм, евразийское пространство, СНГ, ОДКБ, ШОС, институционализация

Для цитирования: Карпенко Ю. О., Шумилов М. М. Институционализация антитеррористического сотрудничества на евразийском пространстве: проблемы и перспективы // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. № 1. С. 88 – 103.

Institutionalization of Counter-Terrorism Cooperation in the Eurasian Area: Current Issues and Prospects

Julia O. Karpenko, Mikhail M. Shumilov *

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint Petersburg, Russian Federation; * mshumilov@mail.ru

ABSTRACT

The objective is to define the main parameters and current state of the institutionalization of international anti-terrorist activities in the Eurasian area. At the same time, the authors focus is on the institutional and legal aspects of institutionalizing the fight against terrorism in formats of CIS, CSTO, SCO. Also, the article defines and characterizes the problematic field of the stable system formation for interaction between different anti-terrorist structures in the Eurasian space in the context of existing institutionalization models of anti-terrorist cooperation (UN, NATO, EU, etc.). Authors justified the assumptions about the institutionalization and possible prospects of the Eurasian anti-terrorist initiative and the role of Russia in its implementation.

Keywords: terrorism, Eurasian area, CIS, CSTO, SCO, institutionalization.

For citing: Karpenko J. O., Shumilov M. M. Institutionalization of Counter-Terrorism Cooperation in the Eurasian Area: Current Issues and Prospects // Eurasian Integration: economic, law, politics. 2021. No. 1. Pp. 88 – 103.

За последние десятилетия Россия и государства Центральной Азии (далее — ЦА) выработали ряд довольно эффективных контртеррористических механизмов. Вместе с тем сохраняющиеся проблемы межгосударственной кооперации и угроза террористической активности обуславливают необходимость усиления совместной работы в этом направлении. Более того, контртеррористическая защищенность евразийского пространства является важнейшим условием безопасного развития Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС). Следовательно, институционализация контртеррористического сотрудничества на евразийском пространстве, в рамках которого Россия как структурообразующее ядро Большой Евразии играет особую роль, требует дальнейшего изучения [19, с. 65].

Проблема обеспечения региональной безопасности имеет множество аспектов, среди которых все более актуальным становится поиск надежных, адекватных вызовам и угрозам современности механизмов коллективного противодействия терроризму. При этом главным источником терроризма остается территория Афганистана. Существующие здесь очаги региональной нестабильности, сращивание наркобизнеса с террористическими организациями, обеспечивающими переправку крупных партий наркотических средств, использование международными террористическими организациями маршрутов контрабанды наркотиков для переброски боевиков представляют собой угрозу не только евразийской, но и глобальной безопасности¹ [33]. В этой связи секретарь Совбеза России Н. П. Патрушев на ежегодной встрече секретарей советов безопасности государств — членов Шанхайской организации сотрудничества (далее — ШОС) в Бишкеке в мае 2019 г. предложил сформировать на базе Региональной антитеррористической структуры ШОС (далее — РАТС ШОС) универсальный центр по борьбе с глобальными вызовами и угрозами, а также напомнил о предложении Таджикистана создать в Душанбе Антинаркотический центр ШОС².

Актуальность этих предложений трудно переоценить. По словам российского политолога А. В. Манойло, реализация предложения о создании наднационального «универсального центра» ШОС, нацеленного противостоять сетевому терроризму, международной наркоторговле и гибридным объединениям наркокартелей и международных террористических организаций, позволит обеспечить безопасность России на дальних рубежах [23]. В ноябре 2020 г. в рамках саммита глав государств — участников ШОС президент Таджикистана Эмомали Рахмон назвал актуальным создание в Душанбе центра ШОС по борьбе с наркотрафиком³.

В качестве отправной точки изучения данной проблемы для ясности дискурса и раскрытия исследовательской логики необходимо, прежде всего, уточнить два вопроса, а именно: определить содержание понятия «евразийское пространство» в тематическом контексте и очертить границы исследуемого проблемного поля.

Действительно, дать однозначное определение тому, что есть евразийское пространство, — задача непростая. Обзор литературы и многочисленные примеры становящихся все более популярными в гуманитарном знании междисциплинарных исследований свидетельствуют о широком использовании понятия «евразийское пространство». Тем не менее, несмотря на высокую частоту употребления, само понятие, как правило, авторами не раскрывается [34]. Как следствие, на сегодняшний день можно утверждать, что научным сообществом не сформулирована общепризнанная дефиниция этой терминологической единицы [35, с. 28–29]. Вместе с тем содержание «евразийского пространства» в зависимости от характера исследования в целом может быть конкретизировано в географических, экономических или геополитических терминах.

Поскольку институционализация контртеррористического сотрудничества имеет в первую очередь международно-политический характер, понятие «евразийское пространство» в такой логике приобретает,

¹ Патрушев предложил создать в ШОС универсальный центр по борьбе с глобальными угрозами [Электронный ресурс] // ТАСС. 2019. 15 мая. URL: <https://tass.ru/politika/6431044> (дата обращения: 06.01.2021).

² Там же.

³ Рахмон назвал актуальным создание в Душанбе Антинаркотического центра ШОС [Электронный ресурс] // Sputnik Таджикистан. 2020. 10 ноября. URL: <https://tj.sputniknews.ru/country/20201110/1032244298/Rakhmon-sozdanie-Dushanbe-Antinarkoticheskii-tsentr-ShOS.html> (дата обращения: 06.01.2021).

соответственно, геополитическое измерение. Иными словами, мы имеем дело с традиционным подходом в геополитике: с оценкой влияния географического фактора на политические процессы [37].

Близким по значению «евразийскому пространству» является термин «Евразийский регион». Следует согласиться с мнением эксперта Российского совета по международным делам (РСМД) И. Ю. Кравченко о том, что, согласно риторике Белого дома и Государственного департамента, он охватывает бывшие республики СССР, точнее, «государства Центральной Азии вместе с Россией» [22]. Российский социолог М. В. Рыбакова ограничивает Евразийский регион рамками постсоветского пространства, «куда входят страны, получившие независимость после распада СССР» [28, с. 105]. Заведующий Евразийским сектором ЦКЕМИ НИУ ВШЭ Ю. К. Кофнер определяет рамки пространства евразийской интеграции «Малой Евразией» — постсоветским пространством, условно совпадающим с территорией бывшего Советского Союза: «Когда мы говорим о “современной евразийской интеграции” ...мы имеем в виду преимущественно региональные процессы именно этой территории» [21].

Таким образом, сквозь призму геополитики в контексте исследуемой проблемы евразийское пространство можно определить в качестве геополитической среды институционализации контртеррористического сотрудничества, а в качестве ее условных границ в настоящем исследовании мы ограничимся территорией 12 государств постсоветского пространства (без стран Балтии), имеющих общую государственно-политическую историю и теснейшие экономические и культурные связи. Кроме того, эвристическая ценность геополитического «восприятия» евразийского пространства заключается в более глубоком понимании проблемных аспектов институционализации коллективного противодействия терроризму с точки зрения их национальных интересов, экономико-географической, социальной и культурно-религиозной специфики.

Здесь же отметим, что государства — участники евразийского интеграционного процесса в географическом отношении расположены достаточно близко к глобальным очагам нестабильности. Это, в свою очередь, обуславливает наличие чрезвычайно опасных рисков террористического характера для всех новых независимых постсоветских государств. Авторы книги «Оправдание евразийской интеграции» (2015 г.) справедливо отмечают, что в вооруженных формированиях ИГИЛ¹ изначально участвовали граждане РФ и стран ЦА. Наряду с этим для евразийских государств проблема афганского наркотрафика, особенно после ухода НАТО с территории Афганистана, остается не только нерешенной, но и малоуправляемой [25, с. 59; 33].

В дополнение к терминологической конкретизации и оценке геополитической составляющей в институциональных процессах реалистическая оценка международного сотрудничества в целях минимизации существующих и потенциальных угроз террористического характера требует должного учета предварительных условий возникновения этих угроз и историко-геополитической специфики самого евразийского пространства как части бывшего СССР, а также произвести оценку террористической угрозы, ее текущего состояния.

При этом набор различных негативных социально-экономических, политических и религиозно-культурных показателей, характеризующих эволюцию терроризма на евразийском пространстве, следует рассматривать в качестве факторов активизации террористической угрозы. Эти факторы в значительной степени определяют возникновение, актуальное и перспективное состояние терроризма и должны быть в фокусе внимания при выработке стратегии институционализации контртеррористической политики. Также нельзя игнорировать социально-культурную природу терроризма и его мировоззренческие основания, вне понимания и учета которых эффективная региональная кооперация государств в сфере противодействия террористическим угрозам едва ли возможна.

Анализ научной литературы и материалов специализированных сайтов позволяет выделить основные причины — факторы формирования условий для развития терроризма на евразийском пространстве, главными в числе которых можно назвать глубокие социально-экономические и политические потрясения, вызванные распадом СССР. Эти факторы определили кардинальную перестройку всей системы

¹ Деятельность организации в Российской Федерации запрещена.

отношений внутри общества, рост социального расслоения и напряженности, безработицы, миграции и иммиграции способствовали формированию базы потенциальных кадров вербовки со стороны террористических ячеек и содействовали их вовлечению в этот процесс с применением интернет-технологий.

Электронно-информационные технологии, развитие которых на евразийском пространстве хоть и неравномерно, но в целом вошло в активную фазу увеличения числа пользователей с акцентом на молодежь после 2003–2005 гг., позволили осуществить перенос действий из пространства традиционного физического насилия в пространство информационно-ценностных систем [12, с. 122–123]. Уровень развитости интернет-инфраструктуры значительно опережает базовые социально-экономические показатели благополучия жизни граждан, что способствует росту числа потенциальных жертв вербовки (психологической обработки).

В условиях идеологического хаоса, свойственного современным процессам деглобализации, с одной стороны, и социальных последствий глобализации, негативно отразившихся на начальном этапе становления новой государственности в странах СНГ по причине катастрофического провала рыночной доктрины [32] — с другой, религиозный и культурный факторы, к сожалению, не получают соответствующего изучения и контроля со стороны государственных структур и гражданского общества. Наконец, пандемия коронавируса вызывает существенные изменения в международной террористической активности, в том числе на территории России и всего евразийского пространства¹.

В австралийском Институте экономики и мира (ИЭМ) выдвинули предположение о том, что измерение террористической угрозы может стать ключом к пониманию этого явления, что позволит с большей эффективностью противодействовать этой угрозе. Анализ данных, публикуемых ИЭМ, позволяет сделать ряд выводов о состоянии террористической угрозы на евразийском пространстве (см. таблицу).

Таблица

Россия и Евразия. Глобальный индекс терроризма (ГИТ) в динамике за 2002–2018 гг. [36, с. 42]

Страны	Общий индекс	По региону	Изм. 2002–2018 гг.	Изм. 2016–2018 гг.
Украина	5,547	24	3,961	-0,501
Россия	4,900	37	-1,933	-0,330
Таджикистан	3,947	50	1,212	1,714
Казахстан	1,566	85	1,184	-0,662
Киргизия	1,467	87	-0,340	-0,252
Грузия	1,335	90	-1,498	-0,087
Армения	1,173	94	0,053	-0,519
Азербайджан	0,698	103	-0,868	-0,259
Молдова	0,115	123	0,077	-0,114
Узбекистан	0,019	135	-2,068	-0,019
Беларусь	0,000	138	-0,229	0,000
Туркменистан	0,000	138	-0,229	0,000

Как видно из данных таблицы, девять из двенадцати государств евразийского пространства за период 2016–2018 гг. улучшили показатели глобального индекса терроризма (далее — ГИТ), тогда как две страны — Беларусь и Туркменистан сохранили свой нулевой показатель терроризма. В то же время ГИТ в Таджикистане увеличился, что свидетельствует о повышении уровня террористической угрозы в этом государстве. В числе стран с наиболее высоким показателем ГИТ оказались, согласно данным сводной таблицы, Украина и Российская Федерация. Казахстан, Армения, Украина, Российская Федерация и Азербайджан в целом демонстрировали позитивную динамику. Так, на территории Казахстана за период с 2016 по 2018 г. обошлось без терактов.

¹ Глава Антитеррористического центра СНГ: террористы используют усталость от пандемии [Электронный ресурс] // ТАСС. 2020. 29 июня. URL: <https://tass.ru/interviews/8823371> (дата обращения: 04.01.2021).

Статистические данные, представленные в отчетах ИЭМ за 2019–2020 гг., свидетельствуют о том, что наибольшие показатели ГИТ среди государств евразийского пространства сегодня у Российской Федерации и Казахстана. Это в целом соответствует показателям за период 2002–2018 гг. Наименьшие — у Беларуси и Армении (см. рисунок).

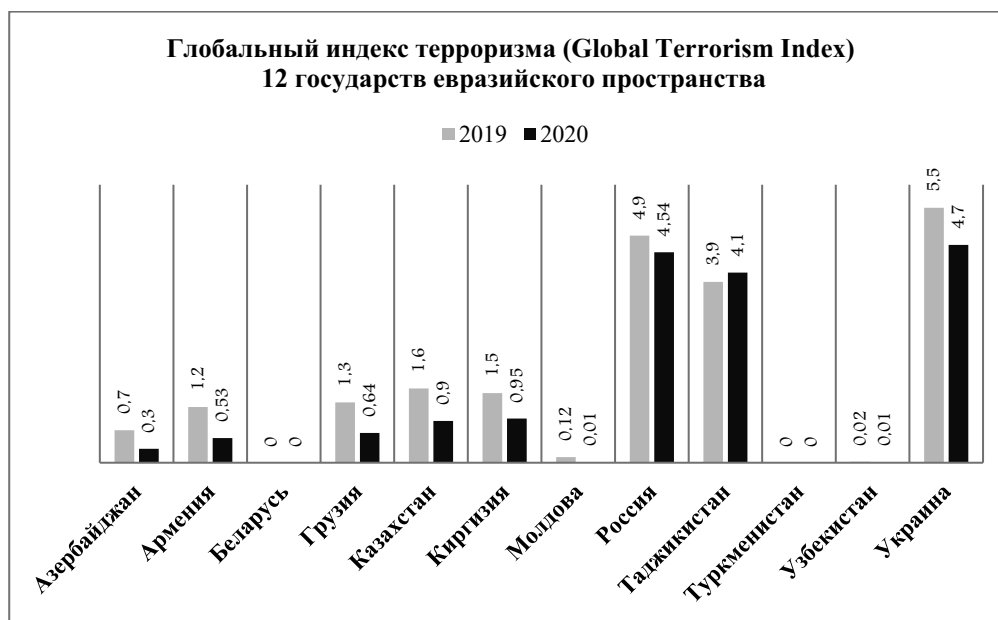

Рис. Глобальный индекс терроризма 12 государств евразийского пространства: 2019 и 2020 гг.¹

Таким образом, изучив факторы развития террористической угрозы на евразийском пространстве и оценив ее текущее состояние, можно перейти к непосредственному рассмотрению процесса институционализации контртеррористического сотрудничества, его проблемных аспектов и перспектив.

Исходя из общего подхода к пониманию процесса институционализации того или иного межгосударственного сотрудничества, следует отметить, что она подразумевает, прежде всего, трансформацию конкретного политического феномена (или процесса) в специализированные международные политические, экономические, судебные, иные институты. Как правило, институционализация межгосударственной кооперации сопровождается закреплением отношений [11, с. 55], то есть систематизацией возникающих в процессе межгосударственной кооперации отношений, формированием организационной структуры и принципов сотрудничества [27, с. 19–20].

В отношении институционализации контртеррористической политики на изучаемом нами политическом пространстве Евразии, таким образом, следует говорить об универсализации организационно-правовой базы борьбы с террористическими угрозами и развитии новых коллективных принципов совместной работы и использования совокупного политического, военного, материально-технического и иного потенциала в целях обеспечения контртеррористической защищенности соответствующих государств.

Институционализация контртеррористического сотрудничества на евразийском пространстве складывается из различных компонентов геометрии этого сотрудничества: 1) нормативно-правовая база коллективного противодействия терроризму (национальное законодательство, межгосударственные акты в форме договоров, соглашений, деклараций и т. д., соответствующие международно-правовые акты Организации Объединенных Наций (ООН) — универсальной международной организации; 2) деятельность обеспечивающих контртеррористическую безопасность институтов — Организации Договора о коллективной безопасности (далее — ОДКБ), Антитеррористического центра государств СНГ (далее —

¹ Составлено авторами на основании статистических данных Global Terrorism Index Reports 2019, 2020. IEP Official website [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economicsandpeace.org/reports/> (дата обращения 06.01.2021).

АТЦ СНГ), РАТС ШОС и др. При анализе этих компонентов необходимо уделять внимание институционализирующим принципам взаимодействия государств в совместной борьбе с терроризмом. Итак, рассмотрим последовательно эти компоненты.

Как отмечают ученые-правоведы, изучающие проблемы современного контртеррористического законодательства, на сегодняшний день для правовой науки и практики становится все более актуальной разработка понятия «антитеррористическая правовая политика» в рамках совершенствования теоретических подходов к обеспечению национальной и общественной безопасности [16, с. 3]. В рамках такого правового осмысления контртеррористического сотрудничества евразийских государств и различных аспектов его институционализации создание правовых и политических институтов, обеспечивающих сбалансированность законодательной интеграции, невозможно без должной нормативно-правовой базы коллективного противодействия терроризму.

Глобальным примером модели эффективной организационно-правовой институционализации международного антитеррористического сотрудничества является деятельность ООН по борьбе с терроризмом. Вслед за трагическими событиями сентября 2001 г. Совет Безопасности ООН постепенно превратился в ключевого актора институционализации нормативно-правовой базы по вопросам борьбы с терроризмом на мировом уровне [26, с. 70]. Прежде всего, здесь следует указать Резолюцию Совбеза ООН 1373 (2001) от 28 сентября 2001 г., которая значительно укрепила правовой фундамент для объединения коллективных усилий государств в сфере противодействия угрозам терроризма. Резолюция обязательна для исполнения всеми государствами — членами ООН и устанавливает рестриктивный режим для ее нарушителей. П. 11 Резолюции определил создание Контртеррористического комитета (далее — КТК ООН), на который была возложена обязанность обеспечить контроль за государствами — членами Резолюции № 1373 (2001 г.) по вопросу ее исполнения, а также закрепил право государств на обращение в КТК ООН за получением соответствующей технической помощи [10].

Кроме того, пример организации противодействия терроризму в рамках ООН чрезвычайно важен для изучения институционализации евразийской контртеррористической политики тем, что этот процесс изначально рассматривался экспертами ООН как системный и многовекторный, требующий урегулирования проблемы двойных стандартов, пресечения финансирования террористических структур, противодействия в электронно-информационной среде и т. д. К тому же практика КТК ООН продемонстрировала эффективность такой модели институционализации контртеррористической политики, в рамках которой системные угрозы (а современный терроризм приобретает все более сетевой характер) требуют также системного противодействия, в том числе проведения адекватной коллективной антитеррористической правовой политики.

С учетом мирового опыта ООН унификация антитеррористического законодательства становится важнейшей предпосылкой к успешной институционализации борьбы с терроризмом и на евразийском пространстве. Особое место в этом вопросе занимает Договор о коллективной безопасности (далее — ДКБ) от 15 мая 1992 г. между Арменией, Казахстаном, Кыргызстаном, Россией, Таджикистаном, Узбекистаном. Позднее к Договору присоединились Азербайджан, Белоруссия и Грузия¹. В 2002 г. сложившаяся за десять лет существования ДКБ потребность в совершенствовании его организационной структуры определила трансформацию ДКБ в международную региональную организацию — ОДКБ. Главной задачей организации стало объединение коллективных усилий для достойного противостояния международному терроризму и экстремизму (ст. 8 Договора), в рамках которого значимое место заняла унификация и гармонизация контртеррористического законодательства на евразийском пространстве.

При этом важно заметить, что процесс унификации антитеррористического законодательства не тождественен понятию «гармонизация законодательства». Так, под унификацией, как правило, подразумевается сближение, стремление достичь единообразия содержания нормативно-правовых актов, а в качестве гармонизации законодательства рассматриваются юридические процедуры, направленные на достижение согласия и взаимодополняющего сочетания частей в целом [5]. Например, если мы сравним определения

¹ В настоящее время ОДКБ объединяет шесть государств — Армению, Беларусь, Казахстан, Киргизию, Россию и Таджикистан.

терроризма или террористического акта в уголовных кодексах Армении, Казахстана и России, то мы заметим выраженное сходство соответствующих формулировок, что является примером целенаправленного курса евразийских государств на унификацию контртеррористического законодательства.

Для институционализации контртеррористической политики важным направлением деятельности ОДКБ с самого начала стали разработка и внедрение типового законодательства, регулирующего коллективные усилия стран ОДКБ по противодействию данным угрозам. Важной вехой в данном направлении работы ОДКБ стало принятие 30 октября 2018 г. Модельного закона «Об информационном противоборстве терроризму и экстремизму», который определил основы государственной политики в сфере информационного противоборства терроризму и экстремизму государств — членов ОДКБ, а также регламентировал общие вопросы организационного и правового обеспечения данной деятельности. Благодаря работе профильных подразделений ОДКБ антитеррористическое законодательство становится все более интегрированным, унифицированным и эффективным с точки зрения правового обеспечения коллективного ответа угрозам терроризма.

В этой связи трудно переоценить роль Модельного закона «О борьбе с терроризмом» от 8 декабря 1998 г., принятого на двенадцатом пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи СНГ. Он зафиксировал нормативно-правовое содержание наиболее важных операционных понятий, таких как: терроризм, акт терроризма, террорист, группа террористов, террористическая организация, борьба с терроризмом, контртеррористическая операция, зона проведения контртеррористической операции и др. [1]. Этот положительный опыт послужил последующему принятию на заседаниях Межпарламентской ассамблеи модельных законов «О противодействии организациям и лицам, деятельность которых имеет целью осуществление актов терроризма на территории других государств» (2004 г.), «О противодействии финансированию терроризма» (2006 г.), «О противодействии терроризму» (2009 г.) и др.

Еще одним значимым элементом правовой институционализации борьбы с терроризмом на евразийском пространстве явилось соглашение стран — членов ШОС о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности (2009 г.), в котором было дано рабочее определение информационного терроризма. Согласно документу, информационный терроризм заключается в использовании информационных ресурсов и (или) в воздействии на них в информационном пространстве в террористических целях [8].

Для изучения второй составляющей в процессе институционализации контртеррористического сотрудничества на евразийском пространстве проанализируем деятельность главных международных и региональных институтов обеспечения контртеррористической безопасности — ОДКБ, Комитета секретарей советов безопасности (далее — КССБ) — консультативного и исполнительного органа ОДКБ по вопросам координации взаимодействия государств-членов в области обеспечения их национальной безопасности, АТЦ СНГ и РАТС ШОС.

ОДКБ, а также Рабочая группа экспертов по вопросам борьбы с терроризмом и экстремизмом при КССБ являются, пожалуй, ключевой структурой, обеспечивающей противостояние террористической угрозе на евразийском пространстве. В соответствии со ст. 8 Устава ОДКБ государства-члены должны скооперироваться для организации противостояния террористическим и экстремистским вызовам. Совместная деятельность в рамках ОДКБ проходит непосредственно при взаимодействии государств со специализированными подразделениями Секретариата ОДКБ — Управления противодействия вызовам и угрозам. В ноябре 2004 г. было принято решение КССБ о создании при нем рабочих групп экспертов по вопросам борьбы с терроризмом и незаконной миграцией.

В настоящее время ОДКБ можно охарактеризовать как единственную на евразийском пространстве международную структуру, которая имеет в своем арсенале полный набор рабочих коллективных возможностей поддержания безопасности государств — членов ДКБ. Такая оценка основывается на том, что в рамках ОДКБ осуществляется практическая координация внешнеполитической деятельности, которая неукоснительно строится на основе коллективных указаний постоянных представителей членов ОДКБ. Иными словами, речь идет о полноценной действующей системе кризисного реагирования, при этом главным направлением деятельности на перспективу становится развитие действующих элементов

системы координации коллективных действий по противодействию террористическим угрозам на пространстве СНГ и, следовательно, евразийских государств.

Характеризуя в целом антитеррористическую деятельность ОДКБ в настоящее время, следует отметить ее центральное положение в структуре обеспечения безопасности от террористических угроз на интегрирующемся евразийском пространстве. Оценивая планы работы антитеррористических структур ОДКБ, особое внимание следует уделить реализации Стратегии коллективной безопасности ОДКБ на период до 2025 г., предусматривающей участие Организации в консолидации усилий в борьбе с международным терроризмом и связанным с ним экстремизмом [9].

АТЦ СНГ, как и ОДКБ, является ключевым постоянно действующим специализированным отраслевым органом СНГ, служащим целям координации взаимодействия компетентных органов государств СНГ в сфере противодействия международному терроризму, различным проявлениям экстремизма [6]. Актуальным программным документом в настоящее время является Программа на 2020–2022 гг. Анализ этого документа позволяет говорить о широте и глубине плана работ на данный период: от чисто организационно-правовых и организационно-практических мероприятий до дальнейшего совершенствования информационного и аналитического обеспечения контртеррористической и экстремистской деятельности на территории СНГ и развития материально-технической составляющей в деятельности АТЦ СНГ [4].

Исходя из прикладных задач работы АТЦ СНГ, Антитеррористический центр обеспечивает тесную кооперацию с различными органами СНГ (в первую очередь это Исполнительный комитет), ведет коллективную работу с различными Советами СНГ и иными подразделениями. Более того, Центр обеспечивает продуктивное взаимодействие с партнерами по международному антитеррористическому сообществу, в числе которых Исполнительный директор Контртеррористического комитета Совета безопасности ООН, Международная организация уголовной полиции ИНТЕРПОЛ, Управление ООН по наркотикам и преступности, Департамент транснациональных угроз Секретариата ОБСЕ, Исполнительный комитет Региональной антитеррористической структуры ШОС, органы ОДКБ и др. [2]. Механизмы и тактики совместных действий, направленных на минимизацию террористической угрозы, в Антитеррористическом центре проходят системно организованную проверку в режиме совместных учений (тренировочных спецопераций). В целом за время деятельности АТЦ СНГ под его началом были проведены шестнадцать коллективных антитеррористических учений [29, с. 38].

Наконец, РАТС ШОС — также значимая антитеррористическая структура на евразийском пространстве, являющаяся постоянно действующим органом. В рамках ШОС РАТС предназначена для содействия, координации и взаимодействия соответствующих специализированных инстанций (компетентных органов) государств — членов ШОС по вопросам противодействию угрозам терроризма, экстремизма и сепаратизма [3]. Важно отметить, что идейная платформа этого центрального внутриорганизационного органа ШОС была определена в терминах сплочения и укрепления сотрудничества соответствующих компетентных органов ШОС по вопросам противодействия терроризму и экстремизму.

К числу главных задач, стоящих перед РАТС ШОС, определяющих институциональный потенциал ее деятельности, следует отнести следующие: разработка предложений и рекомендаций по вопросам развития сотрудничества в борьбе с терроризмом; систематическое скоординированное наполнение банка данных РАТС ШОС о международных террористических организациях; всестороннее содействие в разработке и проведении антитеррористических командно-штабных и оперативно-тактических учений; участие в разработке международно-правовых документов по антитеррористической проблематике [7].

Оценивая деятельность РАТС ШОС, можно констатировать, что на сегодняшний день антитеррористическая структура соответствует характеристике, данной этой организации директором Исполкома РАТС ШОС Е. С. Сысоевым еще несколько лет назад: РАТС ШОС является надежным каркасом региональной системы безопасности, формирующим подходы к результативному межгосударственному сотрудничеству, позволяющему объединить в рамках коллективной работы в ШОС достаточные усилия для совместного решения важнейших задач [14].

До недавнего времени ШОС пренебрегала сотрудничеством с ОДКБ. Несмотря на то, что в октябре 2007 г. секретариаты двух организаций подписали меморандум о взаимопонимании, взаимодействие

между ними не подкреплялось конкретными практическими мерами и существовало только на бумаге [31]. Более того, считает политолог А. А. Казанцев, в экспертном сообществе сложилось мнение о том, что реализация КНР своих планов обеспечения безопасности Таджикистана подрывала механизмы ОДКБ [18].

Как бы то ни было, 27 сентября 2010 г. в Пекине РФ и КНР подписали соглашение о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. В конце 2015 г. между ними была достигнута договоренность о расширении взаимодействия в борьбе с терроризмом и экстремизмом. В том же году РФ и КНР подписали соглашение по международной информационной безопасности, которое, в частности, предусматривало совместную борьбу с использованием ИКТ в террористических целях. 27 февраля 2017 г. в Москве состоялся второй раунд российско-китайских консультаций по вопросу борьбы с терроризмом на уровне заместителей министров иностранных дел. Стороны зафиксировали общее понимание важности создания широкого антитеррористического фронта в борьбе с ИГИЛ, Исламским движением Восточного Туркестана и другими террористическими организациями¹, принятия комплексных мер по противодействию феномену иностранных террористов-боевиков и радикализации уязвимых слоев населения, в частности, в контексте минимизации рисков для ЦА². В конце 2017 г. стороны высоко оценили достигнутый к тому времени уровень двусторонней координации в вопросах борьбы с международным терроризмом и отметили необходимость дальнейшего укрепления взаимодействия на данном направлении³.

Говоря о перспективах российско-китайского сотрудничества в ЦА, ведущие российские эксперты поднимали вопрос о необходимости расширения взаимодействия ШОС и ОДКБ в противодействии взаимосвязанным вызовам безопасности — религиозному экстремизму, сепаратизму, терроризму, нарко-торговле. Они также призывали к созданию механизмов подключения стран ШОС (КНР) к операциям ОДКБ «Канал» (антинаркотическая) и «Прокси» (противодействие экстремизму в информационной сфере, прежде всего в сети Интернет) [17, с. 47–48].

С течением времени сложилась практика, в соответствии с которой Генеральный секретарь ОДКБ ежегодно принимает участие в саммитах СНГ и ШОС, а Исполнительный секретарь СНГ и Генеральный секретарь ШОС — в заседаниях Совета коллективной безопасности ОДКБ. Высокие должностные лица ОДКБ, СНГ и ШОС на взаимной основе принимают участие в проводимых организациями конференциях, круглых столах, рабочих совещаниях и консультациях. Происходит обмен информацией, планами работ, графиками проведения мероприятий, справочными, информационно-аналитическими и другими материалами и документами, представляющими взаимный интерес [24].

28 мая 2018 г. был подписан «Меморандум о взаимопонимании по вопросам сотрудничества и взаимодействия» между Секретариатом ОДКБ, Исполкомом РАТС ШОС и Антитеррористическим центром СНГ. Согласно документу стороны на основе взаимности обязались информировать друг друга «об актуальных вызовах и угрозах террористического и (или) экстремистского характера, результатах своей деятельности в области борьбы с терроризмом и экстремизмом, проводимых и планируемых мероприятиях антитеррористической и (или) антиэкстремистской направленности». Вскоре, отмечал эксперт-международник Валерий Окнянский, была создана и приступила к работе постоянно действующая трехсторонняя «Экспертная группа», в рамках которой, в частности, обсуждались вопросы международной и региональной безопасности, в том числе угрозы безопасности, исходящие от международных террористических организаций, находящихся на территории Афганистана, и принимаемые меры по их нейтрализации [Там же].

4 сентября 2020 г. в подмосковном парке «Патриот» министр обороны России С. К. Шойгу провел совместное заседание глав военных ведомств двенадцати стран в формате ОДКБ, СНГ и ШОС — пер-

¹ Деятельность организаций в РФ запрещена.

² О консультациях заместителя министра иностранных дел России О. В. Сыромолотова с помощником министра иностранных дел КНР Ли Хуэйлаем по вопросу борьбы с терроризмом [Электронный ресурс] // МИД РФ. 27 февраля. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_safety/crime/-/asset_publisher/3F5lZsLVsX4R/content/id/2659572 (дата обращения: 20.11.2020).

³ О беседе заместителя министра иностранных дел России О. В. Сыромолотова со спецпредставителем КНР по вопросам безопасности и борьбы с терроризмом Чэн Гопином [Электронный ресурс] // МИД РФ. 14 ноября. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2948508 (дата обращения: 20.11.2020).

вую встречу такого уровня в истории международных контактов. При этом он выразил уверенность, что международное военное сотрудничество после этой встречи активизируется, а итоги заседания станут прочной основой для углубления взаимодействия оборонных ведомств стран-участниц¹. Стороны обсудили вопросы международной и региональной безопасности, консолидацию усилий по предотвращению угрозы развязывания войн и вооруженных конфликтов, дальнейшее укрепление военного сотрудничества в современных условиях. Отдельной темой разговора стала ситуация вокруг Афганистана. Генеральный секретарь ШОС В. И. Норов указал на важность дальнейшего расширения сотрудничества по линии РАТС ШОС с профильными структурами ОДКБ и СНГ в целях разрушения пропагандистско-вербовочной инфраструктуры террористических организаций, в том числе в сети Интернет, пресечения любых каналов их ресурсной подпитки, устранения возможных рисков биотерроризма².

Совместные задачи по борьбе с терроризмом отрабатывались в период с 21 по 26 сентября на стратегических командно-штабных учениях (СКШУ) «Кавказ-2020». В них, помимо России, участвовали Армения, Белоруссия, Китай, Мьянма и Пакистан, которые в совокупности делегировали 858 чел. Пять государств — Азербайджан, Индия, Индонезия, Казахстан и Иран — направили на «Кавказ-2020» своих наблюдателей. Впервые в ходе СКШУ ОДКБ, ШОС и СНГ провели совместные учения по борьбе с международным терроризмом. Фактически учения стали площадкой для создания нового формата военного сотрудничества трех самых влиятельных евразийских международных организаций. В этой связи директор по развитию Фонда содействия технологиям XXI в. И. П. Коновалов отмечал переход военного сотрудничества ОДКБ, ШОС и СНГ в практическую плоскость, что, по его мнению, могло оказать «решающее влияние на общую военно-политическую конфигурацию на евразийском пространстве и изменить баланс сил с упором на решение проблем региональной безопасности без вмешательства неевразийских акторов» [20].

В качестве отдельного перспективного формата антитеррористической кооперации на пространстве Евразии следует также назвать «Евразийскую антитеррористическую инициативу» (ЕАИ), способную стать для ЕАЭС такой антитеррористической стратегией, которая, будучи адаптивной, позволит учитывать как фактор транспарентности современных государственных границ для террористических угроз, так и защитить эти государства от различных геополитических манипуляций. Иначе говоря, выдвижение странами ЕАЭС региональной антитеррористической инициативы позволит им в глобальной антитеррористической борьбе выступать в роли субъектов, а не объектов политики [15].

В этой связи большую значимость приобретает вопрос о базовых элементах ЕАИ. По мнению российского политолога Д. Г. Евстафьева, важнейшими из них могли бы стать следующие: подтверждение национального суверенитета как неотъемлемого условия антитеррористической политики; создание интегрированной инфраструктуры, способной контролировать информационное пространство; составление единого перечня всех террористических организаций (актуальная база); реализация совместных программ обучения сотрудников специальных подразделений и др. [Там же]

Представляется, что реализация ЕАИ, призванной скорректировать деятельность и созданного в 2000 г. АТЦ СНГ, позволила бы задействовать более активно научно-экспертный потенциал в проработке контртеррористических мер, а также в целом расширить и углубить институциональные компоненты борьбы с терроризмом на евразийском пространстве. Действительно, принимая во внимание транспарентность границ в свете развития информационных технологий и снижения различных контрольно-таможенных мер в рамках набирающей обороты евразийской интеграции, ЕАИ может стать основой антитеррористической стратегии ЕАЭС [30] и реализации превентивных мер по стабилизации политической ситуации в регионе. Реализация ЕАИ также поспособствует дальнейшей институционализации единой евразийской контртеррористической политики на всех уровнях: от военно-дипломатических вопросов и защиты транспортных артерий, столь необходимых для экономической интеграции Евразии [13], до участия гражданского общества в решении уравнения под названием «террористическая угроза».

¹ На повестке — консолидированные подходы к обеспечению безопасности [Электронный ресурс] // Звезда. 2020. 7 сентября. URL: <http://redstar.ru/na-povestke-konsolidirovannye-podhody-k-obespecheniyu-bezopasnosti/> (дата обращения: 15.01.2021).

² В Подмоскovie проходит первая совместная встреча министров обороны государств ШОС, СНГ и ОДКБ [Электронный ресурс] // ПА ОДКБ. 2020. 4 сентября. URL: <https://paodkb.org/events/v-podmoskovie-prohodit-pervaya-sovmestnaya-vstrecha-ministrov> (дата обращения: 15.01.2021).

Таким образом, террористические угрозы на евразийском пространстве можно охарактеризовать как высокопотенциальные и требующие адекватных мер со стороны специализированных организаций и научно-экспертного сообщества. Институционализация контртеррористического сотрудничества на евразийском пространстве соответствует эффективному решению такой задачи. Важнейшими институционализирующими принципами взаимодействия евразийских государств в совместной борьбе с терроризмом становятся деятельность специализированных институтов обеспечения безопасности от террористических угроз, обеспечение равноправного и непрерывного участия государств в межгосударственном диалоге, унификация и гармонизация антитеррористического законодательства.

Анализ деятельности Антитеррористического комитета СНГ, ПАТС ШОС и ОДКБ (в том числе Рабочей группы экспертов по вопросам борьбы с терроризмом и экстремизмом при КССБ) позволяет комплексно оценить эффективность существующих институциональных механизмов противодействия терроризму на евразийском пространстве, а также суммировать достижения и проблемные вопросы в данной области.

Во-первых, на сегодняшний день на евразийском пространстве создана сеть достаточно эффективных контртеррористических структур, деятельность которых обеспечена развитой унифицированной нормативно-правовой базой. Российская Федерация выступает в качестве гаранта геополитической стабильности и защиты от трансграничной экспансии терроризма в Евразии. Фактически она выступает организационным ядром процесса институционализации контртеррористического сотрудничества в форматах СНГ, ОДКБ и ШОС.

Во-вторых, структурный анализ существующих институциональных механизмов и методов противодействия терроризму и экстремизму свидетельствует о близости организационной, идейной и технической составляющих СНГ, ОДКБ и ШОС. Это создает благоприятные условия не только для дальнейшего укрепления межструктурной кооперации, но и создания на основе этих центров более мощных укрупненных контртеррористических структур — новой институциональной системы противодействия терроризму. Возможно предположить, что также имеются основания для их объединения в единую глобальную организацию обеспечения коллективной безопасности в области борьбы с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом.

Такой тенденции соответствует уже практикующийся уникальный формат работы постоянно действующей Трехсторонней экспертной группы АТЦ СНГ, Исполнительного комитета ПАТС ШОС и Секретариата ОДКБ по вопросам борьбы с международным терроризмом и экстремизмом. Так, 8 октября 2020 г. в штаб-квартире Антитеррористического центра государств — участников СНГ в Москве под председательством Исполнительного комитета ПАТС ШОС состоялось уже четвертое заседание группы. В рамках этой трехсторонней встречи было выражено совпадение позиций организаций по актуальным вопросам международной и региональной безопасности и обозначена необходимость синхронизации практических мер ШОС, СНГ и ОДКБ на контртеррористическом треке.

Тем не менее проблема дальнейшей институционализации контртеррористической деятельности на евразийском пространстве не лишена множества серьезных противоречий, например, связанных со сложностями в двусторонних межгосударственных отношениях (Россия — Украина, Армения — Азербайджан и т. д.).

Также следует отметить, что, несмотря на все достижения в противодействии терроризму и экстремизму на национальном и межгосударственном региональном уровне, к числу наиболее проблемных вопросов относится (и, скорее всего, эта тенденция лишь усилится) выработка опережающих потенциал террористов мер профилактики и оперативного реагирования на террористические вызовы, обусловленные ростом глобальной нестабильности, кризисом неолиберальной модели мировой экономики и институтами глобального управления, а также процессами социально-политической дестабилизации на территории ЦА и Ближнего Востока. Возможно, практическая реализация ЕАИ позволит в долгосрочной перспективе смягчить деструктивное влияние этих проблем. Так или иначе, дальнейшая судьба контртеррористической политики на евразийском пространстве уже сегодня во многом определяется качеством ее институционализации.

Литература

1. Модельный закон о борьбе с терроризмом (принят в г. Санкт-Петербурге 08.12.1998 Постановлением 12–7 на 12-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ) [Электронный ресурс]. URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=17294 (дата обращения: 12.01.2021).
2. Об АТЦ СНГ [Электронный ресурс] // Официальный сайт Антитеррористического центра СНГ. URL: <https://www.cisatc.org/132> (дата обращения: 20.11.2020).
3. О деятельности ПАТС ШОС [Электронный ресурс] // Официальный сайт ПАТС ШОС. URL: <http://ecrats.org/ru/news/activity/> (дата обращения: 23.11.2020).
4. Программа сотрудничества государств — участников СНГ в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма на 2020–2022 годы [Электронный ресурс] (утв. Решением Совета глав государств Содружества Независимых Государств о Программе сотрудничества государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма на 2020–2022 годы от 11 октября 2019 г.) // Официальный сайт АТЦ СНГ. URL: <https://www.cisatc.org/1291/1334> (дата обращения: 26.11.2020).
5. Рекомендации по унификации и гармонизации национального законодательства государств — участников СНГ в сфере борьбы с терроризмом [Электронный ресурс] (приняты на 27-м Пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств — участников СНГ Постановлением № 27-6 от 16 ноября 2006 года). URL: <http://docs.cntd.ru/document/902050862> (дата обращения: 12.01.2021).
6. Решение Совета глав государств СНГ от 21 июня 2000 г. «О создании Антитеррористического центра государств — участников Содружества Независимых Государств» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cisatc.org/132/166/188> (дата обращения: 11.10.2020).
7. Соглашение между государствами — членами Шанхайской организации сотрудничества о Региональной антитеррористической структуре (с изменениями на 16 августа 2007 года) [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901858897> (дата обращения: 27.11.2020).
8. Соглашение между правительствами государств — членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности. Екатеринбург, 16 июня 2009 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=1979 (дата обращения: 11.10.2020).
9. Стратегия коллективной безопасности ОДКБ на период до 2025 г. Утверждена Решением Совета коллективной безопасности ОДКБ от 14 октября 2016 г. [Электронный ресурс] // ОДКБ. 18 октября. URL: https://odkb-csto.org/documents/statements/strategiya_kollektivnoy_bezopasnosti_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti_na_period_do/ (дата обращения: 25.11.2020).
10. Resolution 1373 (2001). Adopted by the Security Council at Its 4385th Meeting, on 28 September 2001 [Электронный ресурс]. URL: [https://www.un.org/ruleoflaw/files/UN%20SC%20Res%201373%20\(2001\)%20E.pdf](https://www.un.org/ruleoflaw/files/UN%20SC%20Res%201373%20(2001)%20E.pdf) (дата обращения: 31.12.2020).
11. Абрамов А. Политический институт и политическая институционализация: определение понятий // Власть. 2010. № 5. С. 53–55.
12. Бельский В. Ю., Олейник В. И. Сетевой терроризм как угроза международной безопасности // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 6. С. 121–127.
13. Бетке С. А. Перспективы развития международных соглашений ЕАЭС о противодействии терроризму и обеспечению безопасности на транспорте // Наука через призму времени. 2018. № 11 (20). С. 98–102.
14. Евгений Сысоев: европейцы считают ПАТС ШОС успешной площадкой противодействия терроризму [Электронный ресурс] // ТАСС. 2016. 24 июня. URL: <https://tass.ru/interviews/3395487> (дата обращения: 24.11.2020).
15. Евстафьев Д. Евразийская антитеррористическая инициатива [Электронный ресурс] // Евразия. Эксперт. 2016. 25 июля. URL: <https://eurasia.expert/evraziyskaya-antiterroristicheskaya-initsiativa/> (дата обращения: 14.01.2021).

16. Жалыбин С. В. Юридическая институционализация современной российской антитеррористической политики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 23.00.02. Ростов-на-Дону, 2006. 25 с.
17. Казанцев А. А. Перспективы сотрудничества России и Китая в Центральной Азии / А. А. Казанцев, И. Д. Звягельская, Е. М. Кузьмина, С. Г. Лузянин / гл. ред. И. С. Иванов. М. : НП РСМД, 2016. 52 с.
18. Казанцев А. А. Отзыв внутреннего рецензента на кандидатскую диссертацию Фань Сюэсуна «Взаимодействие России и Китая в сфере региональной безопасности в Центральной Азии: механизмы и стратегии» [Электронный ресурс] // МГИМО Университет. 2018. 26 декабря. URL: https://mgimo.ru/upload/diss/2019/Fan_otzyv_Kazantzev.pdf (дата обращения: 14.01.2021).
19. Кефели И. Ф. Большая Евразия: цивилизационное пространство и проектирование будущего // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2018. № 3 (25). С. 60–68.
20. Коновалов И. П. «Кавказ-2020» дал старт новому формату военного сотрудничества [Электронный ресурс] // Независимое военное обозрение. 2020. 24 сентября. URL: https://nvo.ng.ru/realty/2020-09-24/3_1110_caucasus2020.html (дата обращения: 15.01.2021).
21. Кофнер Ю. Большая Евразия. Теория евразийской интеграции. I [Электронный ресурс] // РСМД. 2019. 6 января. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/GreaterEurasia/teoriya-evraziyskoy-integratsii-i/> (дата обращения: 15.01.2021).
22. Кравченко И. Какой будет политика США в Евразии после выборов [Электронный ресурс] // Евразия. Эксперт. 2016. 8 ноября. URL: <https://eurasia.expert/politika-ssha-v-evrazii-posle-vyborov/> (дата обращения: 15.01.2021).
23. Манойло А. ШОС создает универсальный центр по противодействию новым вызовам и угрозам [Электронный ресурс] // Мировое обозрение. 2019. 27 мая. URL: <https://tehnovar.ru/105986-shos-sozdaet-universalnyj-centr-po-protivodejstviyu-novym-vyzovam-i-ugrozam.html> (дата обращения: 06.01.2021).
24. Окнянский В. О сотрудничестве ОДКБ с СНГ и ШОС [Электронный ресурс] // Международная жизнь. 2020. 29 июня. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/26794> (дата обращения: 15.01.2021).
25. Оправдание евразийской интеграции / гл. ред. А. А. Мухин М. : Издательство Алгоритм, 2015. 224 с.
26. Пинчук А. Ю. Институционализация антитеррористической деятельности в рамках Организации Объединенных Наций // Социально-политические науки. 2018. № 6. С. 70–73.
27. Рева С. И. Институционализация международного сотрудничества как метод противодействия террористической угрозе // Вестник Киргизско-Российского славянского университета. 2008. Т. 8. № 7. С. 19–23.
28. Рыбакова М. В., Паламарчук А. В. Евразийский регион: теоретический аспект интеграционных процессов // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 2. С. 103–109.
29. Ступаков Н. В., Арефьев А. М., Мареев П. Л. Иностранные боевики-террористы — отвечая на современные вызовы : научный доклад НИИПБ СНГ и АТЦ СНГ на Конференции высокого уровня. 11–12 февраля 2020 г. Штаб-квартира ОБСЕ в Вене // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2020. № 1. С. 24–44.
30. УЕАЭС будет своя антитеррористическая стратегия [Электронный ресурс] // Евразийский мониторинг. Центр аналитических исследований. 2018. 25 июня. URL: <http://ea-monitor.kz/novosti-evraziyskogo-soyuza/u-eaes-budet-svoya-antiterroristicheskaya-strategiya> (дата обращения: 15.01.2021).
31. Чаоцин В. Сотрудничество в области безопасности в рамках ШОС // Теория и практика общественно-го развития. 2014. № 21. С. 175–178.
32. Шумилов М. М. Социальные последствия глобализации // Теоретический журнал Credo New. 2007. № 4 (52). С. 102–130.
33. Шумилов М. М., Исаев А. П., Гуркин А. Б. Афганская наркоугроза и меры противодействия ей в контексте реализации Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 г. // Управленческое консультирование. Научно-практический журнал СЗИУ РАНХиГС. 2015. № 3 (75). С. 26–36.
34. Fettweis J. Christopher. Eurasia, the “World Island”: Geopolitics, and Policymaking in the 21st Century [Электронный ресурс] // Global Research, March 14, 2006. URL: <https://www.globalresearch.ca/>

- eurasia-the-world-island-geopolitics-and-policymaking-in-the-21st-century/2095 (дата обращения: 14.12.2020).
35. Gleason A. Eurasia: What is it? Is it? // *Journal of Eurasian Studies*. 2010. Vol. 1. Is. 1. Pp. 26–32.
 36. Global Terrorism Index 2019. Measuring the Impact of Terrorism (Русифицировано авторами статьи) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2020/08/GTI-2019web.pdf> (дата обращения: 04.01.2021).
 37. Muscara L. Gottmann's Geographic Glossa // *GeoJournal*. 2000. 52 (4). Pp. 285–293.

Об авторах:

Карпенко Юлия Олеговна, магистрант Факультета международных отношений и политических исследований Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); juliafogos@gmail.com

Шумилов Михаил Михайлович, профессор кафедры международных отношений Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор исторических наук, профессор; mshumilov@mail.ru

References

1. Model'nyi zakon o bor'be s terrorizmom (prinyat v g. Sankt-Peterburge 08.12.1998 Postanovleniem 12–7 na 12-m plenarnom zasedanii Mezhparlamentskoi Assamblei gosudarstv — uchastnikov SNG) [Elektronnyi resurs]. URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=17294 (data obrashcheniya: 12.01.2021).
2. Ob ATTs SNG [Elektronnyi resurs] // Ofitsial'nyi sait Antiterroristicheskogo tsentra SNG. URL: <https://www.cisatc.org/132> (data obrashcheniya: 20.11.2020).
3. O deyatel'nosti RATS ShOS [Elektronnyi resurs] // Ofitsial'nyi sait RATS ShOS. URL: <http://ecrats.org/ru/news/activity/> (data obrashcheniya: 23.11.2020).
4. Programma sotrudnichestva gosudarstv — uchastnikov SNG v bor'be s terrorizmom i inymi nasil'stvennymi proyavleniyami ekstremizma na 2020–2022 gody [Elektronnyi resurs] (utv. Resheniem Soveta glav gosudarstv Sodruzhestva Nezavisimyykh Gosudarstv o Programme sotrudnichestva gosudarstv — uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyykh Gosudarstv v bor'be s terrorizmom i inymi nasil'stvennymi proyavleniyami ekstremizma na 2020–2022 gody ot 11 oktyabrya 2019 g.) // Ofitsial'nyi sait ATTs SNG. URL: <https://www.cisatc.org/1291/1334> (data obrashcheniya: 26.11.2020).
5. Rekomendatsii po unifikatsii i garmonizatsii natsional'nogo zakonodatel'stva gosudarstv — uchastnikov SNG v sfere bor'by s terrorizmom [Elektronnyi resurs] (prinyaty na 27-m Plenarnom zasedanii Mezhparlamentskoi assamblei gosudarstv — uchastnikov SNG Postanovleniem № 27-6 ot 16 noyabrya 2006 goda). URL: <http://docs.cntd.ru/document/902050862> (data obrashcheniya: 12.01.2021).
6. Reshenie Soveta glav gosudarstv SNG ot 21 iyunya 2000 g. «O sozdanii Antiterroristicheskogo tsentra gosudarstv — uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyykh Gosudarstv» [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.cisatc.org/132/166/188> (data obrashcheniya: 11.10.2020).
7. Soglasenie mezhd gosudarstvami — chlenami Shankhaiskoi organizatsii sotrudnichestva o Regional'noi antiterroristicheskoi strukture (s izmeneniyami na 16 avgusta 2007 goda) [Elektronnyi resurs]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901858897> (data obrashcheniya: 27.11.2020).
8. Soglasenie mezhd pravitel'stvami gosudarstv — chlenov Shankhaiskoi organizatsii sotrudnichestva o sotrudnichestve v oblasti obespecheniya mezhdunarodnoi informatsionnoi bezopasnosti. Ekaterinburg, 16 iyunya 2009 g. [Elektronnyi resurs]. URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=1979 (data obrashcheniya: 11.10.2020).
9. Strategiya kollektivnoi bezopasnosti ODKB na period do 2025 g. Utverzhdena Resheniem Soveta kollektivnoi bezopasnosti ODKB ot 14 oktyabrya 2016 g. [Elektronnyi resurs] // ODKB. 2016. 18 oktyabrya. URL: https://odkb-csto.org/documents/statements/strategiya_kollektivnoy_bezopasnosti_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti_na_period_do/ (data obrashcheniya: 25.11.2020).

10. Resolution 1373 (2001). Adopted by the Security Council at Its 4385th Meeting, on 28 September 2001 [Elektronnyi resurs]. URL: [https://www.un.org/ruleoflaw/files/UN%20SC%20Res%201373%20\(2001\)%20E.pdf](https://www.un.org/ruleoflaw/files/UN%20SC%20Res%201373%20(2001)%20E.pdf) (data obrashcheniya: 31.12.2020).
11. Abramov A. Politicheskii institut i politicheskaya institutsionalizatsiya: opredelenie ponyatii // *Vlast'*. 2010. № 5. S. 53–55.
12. Bel'skii V. Yu., Oleinik V. I. Setevoi terrorism kak ugroza mezhdunarodnoi bezopasnosti // *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 2012. № 6. S. 121–127.
13. Betke S. A. Perspektivy razvitiya mezhdunarodnykh soglashenii EAES o protivodeistvii terrorizmu i obespecheniyu bezopasnosti na transporte // *Nauka cherez prizmu vremeni*. 2018. № 11 (20). S. 98–102.
14. Evgenii Sysoev: evropeitsy schitayut RATS ShOS uspezhnoi ploshchadkoj protivodeistviya terrorizmu [Elektronnyi resurs] // TASS. 2016. 24 iyunya. URL: <https://tass.ru/interviews/3395487> (data obrashcheniya: 24.11.2020).
15. Evstaf'ev D. Evraziiskaya antiterroristicheskaya initsiativa [Elektronnyi resurs] // *Evraziya. Ekspert*. 2016. 25 iyulya. URL: <https://eurasia.expert/evraziyskaya-antiterroristicheskaya-initsiativa/> (data obrashcheniya: 14.01.2021).
16. Zhalybin S. V. Yuridicheskaya institutsionalizatsiya sovremennoi rossiiskoi antiterroristicheskoi politiki: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 23.00.02. Rostov-na-Donu, 2006. 25 s.
17. Kazantsev A. A. Perspektivy sotrudnichestva Rossii i Kitaya v Tsentral'noi Azii / A. A. Kazantsev, I. D. Zvyagel'skaya, E. M. Kuz'mina, S. G. Luzyanin / gl. red. I. S. Ivanov. M. : NP RSMD, 2016. 52 s.
18. Kazantsev A. A. Otzyv vnutrennego retsenzenta na kandidatskuyu dissertatsiyu Fan' Syuesuna «Vzaimodeistvie Rossii i Kitaya v sfere regional'noi bezopasnosti v Tsentral'noi Azii: mekhanizmy i strategii» [Elektronnyi resurs] // MGIMO Universitet. 2018. 26 dekabrya. URL: https://mgimo.ru/upload/diss/2019/Fan_otzyv_Kazantzev.pdf (data obrashcheniya: 14.01.2021).
19. Kefeli I. F. Bol'shaya Evraziya: tsivilizatsionnoe prostranstvo i proektirovanie budushchego // *Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika*. 2018. № 3 (25). S. 60–68.
20. Konovalov I. P. «Kavkaz-2020» dal start novomu formatu voennogo sotrudnichestva [Elektronnyi resurs] // *Nezavisimoe voennoe obozrenie*. 2020. 24 sentyabrya. URL: https://nvo.ng.ru/realty/2020-09-24/3_1110_caucasus2020.html (data obrashcheniya: 15.01.2021).
21. Kofner Yu. Bol'shaya Evraziya. Teoriya evraziiskoi integratsii. I [Elektronnyi resurs] // RSMD. 2019. 6 yanvarya. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/GreaterEurasia/teoriya-evraziyskoy-integratsii-i/> (data obrashcheniya: 15.01.2021).
22. Kravchenko I. Kakoi budet politika SShA v Evrazii posle vyborov [Elektronnyi resurs] // *Evraziya. Ekspert*. 2016. 8 noyabrya. URL: <https://eurasia.expert/politika-ssha-v-evrazii-posle-vyborov/> (data obrashcheniya: 15.01.2021).
23. Manoilo A. ShOS sozdaet universal'nyi tsentr po protivodeistviyu novym vyzovam i ugrozam [Elektronnyi resurs] // *Mirovoe obozrenie*. 2019. 27 maya. URL: <https://tehnovar.ru/105986-shos-sozdaet-universalnyj-centr-po-protivodejstvu-novym-vyzovam-i-ugrozam.html> (data obrashcheniya: 06.01.2021).
24. Oknyanskii V. O sotrudnichestve ODKB s SNG i ShOS [Elektronnyi resurs] // *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 2020. 29 iyunya. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/26794> (data obrashcheniya: 15.01.2021).
25. Opravdanie evraziiskoi integratsii / gl. red. A. A. Mukhin M. : Izdatel'stvo Algoritm, 2015. 224 s.
26. Pinchuk A. Yu. Institutizatsiya antiterroristicheskoi deyatelnosti v ramkakh Organizatsii Ob"edinennykh Natsii // *Sotsial'no-politicheskie nauki*. 2018. № 6. S. 70–73.
27. Reva S. I. Institutizatsiya mezhdunarodnogo sotrudnichestva kak metod protivodeistviya terroristicheskoi ugroze // *Vestnik Kirgizsko-Rossiiskogo slavyanskogo universiteta*. 2008. T. 8. № 7. S. 19–23.
28. Rybakova M. V., Palamarchuk A. V. Evraziiskii region: teoreticheskii aspekt integratsionnykh protsessov // *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 2017. № 2. S. 103–109.
29. Stupakov N. V., Aref'ev A. M., Mareev P. L. Inostrannye boeviki-terroristy — otvetchaya na sovremennye vyzovy : nauchnyi doklad NIIPB SNG i ATTS SNG na Konferentsii vysokogo urovnya. 11–12 fevralya 2020 g.

- Shtab-kvartira OBSE v Vene // Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo evraziiskikh gosudarstv: politika, ekonomika, pravo. 2020. № 1. S. 24–44.
30. U EAES budet svoya antiterroristicheskaya strategiya [Elektronnyi resurs] // Evraziiskii monitoring. Tsentr analiticheskikh issledovaniy. 2018. 25 iyunya. URL: <http://ea-monitor.kz/novosti-evraziyskogo-soyuza/ueaes-budet-svoya-antiterroristicheskaya-strategiya> (data obrashcheniya: 15.01.2021).
31. Chaotsin V. Sotrudnichestvo v oblasti bezopasnosti v ramkakh ShOS // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2014. № 21. S. 175–178.
32. Shumilov M. M. Sotsial'nye posledstviya globalizatsii // Teoreticheskii zhurnal Credo New. 2007. № 4 (52). S. 102–130.
33. Shumilov M. M., Isaev A. P., Gurkin A. B. Afganskaya narkougroza i mery protivodeistviya ei v kontekste realizatsii Strategii gosudarstvennoi antinarkoticheskoi politiki Rossiiskoi Federatsii do 2020 g. // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. Nauchno-prakticheskii zhurnal SZIU RANKhiGS. 2015. № 3 (75). S. 26–36.
34. Fettweis J. Christopher. Eurasia, the “World Island”: Geopolitics, and Policymaking in the 21st Century [Elektronnyi resurs] // Global Research, March 14, 2006. URL: <https://www.globalresearch.ca/eurasia-the-world-island-geopolitics-and-policymaking-in-the-21st-century/2095> (data obrashcheniya: 14.12.2020).
35. Gleason A. Eurasia: What is it? Is it? // Journal of Eurasian Studies. 2010. Vol. 1. Is. 1. Pp. 26–32.
36. Global Terrorism Index 2019. Measuring the Impact of Terrorism (Rusifitsirovano avtorami stat'i) [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2020/08/GTI-2019web.pdf> (data obrashcheniya: 04.01.2021).
37. Muscara L. Gottmann's Geographic Glossa // GeoJournal. 2000. 52 (4). Pp. 285–293.

About the authors:

Julia O. Karpenko, Master's Degree Student of International Relations and Political Studies of North-West Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg, Russian Federation); juliafogoso@gmail.com

Mikhail M. Shumilov, Professor of the Chair of International Relations of North-West Institute of Management — Branch of RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (History), Professor; mshumilov@mail.ru

Карабахский узел геополитических противоречий на Южном Кавказе

Когут В. Г.¹, Нурышев Г. Н.^{2,*}

¹ Секретариат Совета Межпарламентской Ассамблеи Содружества Независимых Государств, Минск, Республика Беларусь

² Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; * g.nuryshev@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Целью работы стало исследование геополитических процессов на Южном Кавказе, представляющем «Евразийские Балканы». На основе дискурс-анализа были рассмотрены геополитическое положение региона и геополитические интересы его основных акторов. Показано превращение карабахского узла геополитических противоречий из регионального противоборства в особую «шахматную партию» с активным участием западных стран. В этой партии Турция пытается стать ведущим центром сборки новой геополитической конструкции взаимодействия евразийских тюркоязычных государств в противовес российскому евразийскому проекту. Сделан вывод о том, что только Россия может стать гарантом мира и оказывать геополитическое влияние на более широкий регион Большого Кавказа.

Ключевые слова: геополитические интересы, геополитическое противоборство, геополитический узел, геостратегия, пантюркизм, неоосманизм

Для цитирования: Когут В. Г., Нурышев Г. Н. Карабахский узел геополитических противоречий на Южном Кавказе // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. № 1. С. 104 – 111.

Karabakh Knot of Geopolitical Contradictions in the South Caucasus

Victor G. Kogut^a, Gennady N. Nuryshev^{b,*}

^a Secretariat of the Council of the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States, Minsk, Republic of Belarus

^b St. Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation; * g.nuryshev@yandex.ru

ABSTRACT

The aim of the work was to study the geopolitical processes in the South Caucasus, representing the “Eurasian Balkans”. Based on the discourse analysis, the geopolitical position of the region and the geopolitical interests of its main actors were considered. The transformation of the Karabakh knot of geopolitical contradictions from a regional confrontation into a special “chess game” with the active participation of Western countries is shown. In this game Turkey is trying to become the leading center for development a new geopolitical structure of interaction between the Eurasian Turkic-speaking states as opposed to the Russian Eurasian project. It is concluded that only Russia can become the guarantor of peace and exert geopolitical influence on the wider region of the Greater Caucasus.

Keywords: geopolitical interests, geopolitical confrontation, geopolitical knot, geostrategy, pan-Turkism, neo-Ottomanism

For citing: Kogut V. G., Nuryshev G. N. Karabakh knot of geopolitical contradictions in the South Caucasus // Eurasian integration: economics, law, politics. 2021. No. 1. Pp. 104 – 111.

Для евразийских интеграционных процессов серьезный вызов представляют сегодня геополитические процессы на Южном Кавказе. Этот регион в постсоветском геополитическом пространстве является частью «Евразийских Балкан». Он имеет выгодное геополитическое положение между Европой, Ближним и Средним Востоком. Кроме того, Южный Кавказ богат природными ресурсами. Ряд аналитиков оценивают только запасы нефти от 13–22 до 50 млрд т. А председатель итальянской корпорации ENI Ж. М. Грос-Пьетро считает, что объем нефтяных запасов Каспийского региона составляет порядка 7,8 млрд т. Он подчеркивает: «Если прогнозы будут признаны верными, в ближайшем будущем каспийская нефть может составить одну пятую мировых запасов нефти и уравновесить нефтяные резервы, которыми располагают вместе Ирак и Кувейт»¹. По прогнозам экспертов, к 2050 г. в Каспийском море и Персидском заливе будет добываться более 80% объема всей мировой добычи нефти и природного газа. Южный Кавказ имеет ключевое значение для сохранения территориальной целостности и геополитической субъектности России [1, с. 210].

Поэтому кавказский геостратегический регион оказался сегодня центром геополитического противоборства со стороны внешних сил. С распадом СССР началось перераспределение зон влияния основных геополитических игроков в этом регионе, где все отчетливее просматриваются интересы таких внешних игроков, как США, Великобритания, Евросоюз, Турция, Иран, Китай, Израиль. В связи с этим на Южном Кавказе «карабахский конфликт» превратился из регионального столкновения в особую «геополитическую шахматную партию» с участием этих геополитических игроков со своими стратегическими интересами.

Сегодня из их числа следует, прежде всего, выделить Турцию, которая оказывает довольно сильное давление на страны Евросоюза с помощью «миграционных потоков» и значительного турецкого «диаспорального потенциала» в Европе. Так, только в одной Германии турецкая диаспора насчитывает более 3 млн чел. [3, с. 53–54]. Поэтому Турция, как член НАТО, считает себя вполне самостоятельным игроком на Кавказе, тем более что она уже сейчас имеет достаточно сильные позиции в Азербайджане и Грузии.

В нынешних условиях Турция жестко конкурирует со своим соседом Ираном за роль регионального лидера, который является одним из четырех центров силы на Ближнем Востоке, лидером шиитской ее части. Геополитическое противоборство между этими странами проявляется, прежде всего, на иракском и сирийском векторах. При этом Турция рассматривала себя в качестве лидера исламского мира, прежде всего, суннитского толка [Там же, с. 55]. В настоящее время Турции удалось подписать с Ираном три новых соглашения о железнодорожных перевозках, фактически меняющих геополитическую структуру ближневосточного мира. Для Ирана, одного из четырех центров силы, непримиримо конкурирующего за лидерство на Ближнем Востоке, эти соглашения означают постепенный выход из западной изоляции. А для Турции в новом мире «без гегемонии США» эти соглашения означают начало реализации своего геополитического курса в качестве ведущего центра Евразии, точки сборки новой геополитической конструкции взаимодействия всех евразийских государств, альтернативной российскому евразийскому проекту².

Такой геополитический курс Турции направлен на создание т. н. «Великого Турана», единого государства, в которое в будущем должны войти территории и население всех тюркских народов Закавказья, Средней Азии, Поволжья, Крыма, Северного Кавказа и Сибири. Анкара уже делает конкретные шаги в этом направлении. Растет военная мощь Турции, и, соответственно, усиливается ее геополитическое влияние. Сегодня Турция имеет свои вооруженные силы в более чем десяти странах на трех континентах, включая Европу, Азию и Африку. Эскалация конфликта в Карабахе — это тоже шаг по пути к созданию «Великого Турана». В дальнейшем весьма вероятным является размещение Турцией баз НАТО в Грузии

¹ *Анхадзе Ш.* «Великий Туран» — самый короткий путь к Хартленду // Геополитика.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://www.geopolitica.ru/article/velikiy-turan-samyy-korotkiy-put-k-hartlendu?fbclid=IwAR3Rrh6kb9ykb4aCZDCKA3CS-phKhDofOTHaWQIGzok6kLelqWMD2wpfrWs> (дата обращения: 25.01.2021).

² Турция пытается вернуть статус центра Евразии. Геополитическое значение железнодорожного соглашения между Ираном и Турцией // Институт русских стратегий [Электронный ресурс]. URL: https://russtrat.ru/comments/21-yanvarya-2021-1135-2749?utm_source=politobzor.net (дата обращения: 21.01.2021); Турция замахнулась не только на Кавказ и Среднюю Азию, но и на Сибирь // Dal.by [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dal.by/news/69/05-01-21-5/> (дата обращения: 05.01.2021).

и Азербайджане. Президент Эрдоган нацелен на построение «тюркского мира» в виде «Турции от моря до моря, от Урала до Адриатики» в зоне геополитических интересов России¹.

Большой пантюркистский интеграционный проект на первом этапе не предусматривает прямое поглощение суверенных тюркских государств. Для реализации этого проекта Анкара работает, прежде всего, над формированием с помощью геополитики «мягкой силы» пантюркистской идентичности в этих странах. В качестве геополитического оружия успешно используется ислам. Поэтому уже сегодня для многих тюркских народов Турция представляется успешным государственным проектом, а Эрдоган — сильным лидером, с которым считаются в современном мире. В связи с этим, по мнению Анкары, на первом этапе достаточно добиваться того, чтобы тюркские народы были лояльны «турецкому султану» больше, чем своим лидерам и местной власти.

Турецкая геостратегия создает прямую угрозу российской национальной безопасности и нашим интеграционным евразийским проектам. Потому что Турция собирается строить «Великий Туран» в контексте пантюркизма и неоосманизма по Бжезинскому — «за счет России, и на обломках России». Но воплотить в жизнь свои амбициозные планы Турция может только с позволения таких государств, как Великобритания, США и Израиль, которые стоят в настоящее время за пантюркистской экспансией в Евразии и других регионах мира. Эти государства сегодня также озабочены контролем геостратегических коммуникаций, борьбой против трансконтинентальных инициатив Китая, который пытается установить свой «мягкий» контроль над Евразией, включая реализацию проекта «Один пояс — один путь»².

Свои геополитические интересы в регионе имеет и Израиль, который принял самое активное участие в развитии военно-технического сотрудничества с Азербайджаном. Такая помощь, по мнению экспертов, позволила Баку обеспечить свою армию передовыми образцами вооружений и военной техники. Только за последние пять лет Азербайджан получил от Израиля 43% от общего объема внешних поставок вооружений, а Турция — лишь 2,8%. В декабре 2016 г. стороны заключили договор о сотрудничестве в области безопасности. В соответствии с этим договором в Баку прибыли опытные офицеры МОССАД (национальная разведывательная служба Израиля), а поставки израильских вооружений и военной техники в Азербайджан стали быстро нарастать.

Израильские спецслужбы наладили тесные связи с турецкой разведкой МИТ и турецкими военными. При этом Израиль стал крупным покупателем азербайджанской нефти. Как полагает заместитель директора российского Центра анализа стратегий и технологий К. Макиенко, военная операция в Нагорном Карабахе была спланирована не турками, а израильтянами, преследующими свои геополитические цели, в т. ч. планирующие проведение разведывательных и диверсионных операций против Ирана с территории Азербайджана. Поэтому умелые действия азербайджанских войск в Нагорном Карабахе резко отличались от прежней тактики и стратегии боевых операций. А турецкая армия акции такой сложности с налаженным взаимодействием всех родов войск ни в Сирии, ни в Ливии ни разу не проводила [5].

Турецко-израильские отношения были скреплены геополитическими интересами Британии. Начиная с XVIII–XIX вв. Османская империя использовалась британцами в этих целях для проведения разнообразных антироссийских политико-дипломатических операций в Крыму, на Ближнем Востоке, на Кавказе, в Туркестане. Назначение главой британской разведки Secret Intelligence Service (SIS, или МИ-6) Р. Мура, близкого друга турецкого лидера и имеющего тесные связи с азербайджанской элитой, укрепило и без того тесные турецко-британские связи. К тому же он был ранее послом в Турции (2014–2017 гг.) и главой политического директора МИД Великобритании.

В духе старых британских геополитических традиций Р. Мур стал активно вести «Большую игру» XXI в. Неслучайно Р. Мур приезжает в Анкару как накануне, так и сразу после «второй карабахской войны» (27 сентября — 10 ноября 2020 г.). Великобритания сегодня — это пятый по величине инвестор

¹ Анхаидзе Ш. «Великий Туран» — самый короткий путь к Хартленду // Геополитика.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://www.geopolitica.ru/article/velikiy-turan-samyu-korotkiy-put-k-hartlendu?fbclid=IwAR3Rrh6kb9ykb4aCZDCKA3CS-phKhDOFOTHaWQIGzok6KLelqwmD2wpfrWs> (дата обращения: 25.01.2021).

² Великий Туран — детище Лондона и Тель-Авива // Rusdozor.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://rusdozor.ru/2020/10/29/velikij-turan-detishhe-londona-i-tel-aviva/> (дата обращения: 25.01.2021).

и второй по величине экспортный рынок Турции. Отсюда британо-турецкие торговые отношения нельзя рассматривать вне геополитического контекста в тех регионах, которые являются объектами экспансии «неоосманов». «Турецко-исламское НАТО» на южных границах России является идеальным союзником Запада, нацеленным на передел евразийского пространства. Поэтому именно Великобритания наложила вето в Совете Безопасности ООН по вопросу о прекращении огня в Нагорном Карабахе [4].

Южно-кавказский геостратегический регион выделен в особое направление внешней политики США, которые стремятся поставить под свой контроль его углеводородные ресурсы. Одним из ключевых партнеров Вашингтона в Закавказье является Баку [1, с. 169–170]. Азербайджан представляет интерес для США и как буферная зона между Россией и Ираном. В последние годы Вашингтон активизировал свои усилия и в армянском направлении. Армянские интересы в США активно защищает Армянская Ассамблея Америки, достаточно влиятельная общественная организация со своей штаб-квартирой в Вашингтоне [Там же, с. 73]. Неслучайно после бархатной революции в Армении в 2018 г. новое руководство страны взяло установку на прозападный и антироссийский курс в своей внешней политике. О стратегической важности сотрудничества Армении с США свидетельствует в Ереване самое большое посольство США на всем постсоветском пространстве [3, с. 55].

Поэтому отношения Армении с Россией были подвергнуты существенным корректировкам. Так, ведущие российские телеканалы были признаны несущими угрозу национальной безопасности Армении. Ереван заявил в качестве одной из своих долгосрочных целей вступление в ЕС. В связи с этим Армения активно участвует в целом ряде европейских программ, таких как «Европейская политика соседства», «Восточное партнерство», а также заключила в 2015 г. соглашение «О всеобъемлющем и расширенном партнерстве с ЕС» [Там же, с. 56].

Таким образом, геополитическое влияние Запада на Южном Кавказе все возрастает. В связи с этим стратегическое значение для США имеет экспорт сырья по нефтепроводу Баку — Тбилиси — Джейхан, так как он представляет серьезную альтернативу российским трубопроводам, при этом значительно снижает российское влияние на Южном Кавказе. В геополитические интересы США входит противодействие возникновению геополитического треугольника Россия — Иран — Китай.

Для реализации своих геополитических интересов в регионе Вашингтон опирается на Азербайджан и Грузию. Поэтому США заинтересованы в создании «управляемого хаоса» на южных рубежах России для противодействия росту геополитического статуса Ирана и Китая и последующего установления американского контроля над Кавказским регионом, Центральной Азией. В этом геополитическом противоборстве с Западом непоследовательность проводившейся российской политики ведет к постепенному уходу России с Южного Кавказа. Поэтому эксперт И. Марзиев справедливо отмечает: «„Большая игра“ на Кавказе продолжается, и ход ее складывается пока отнюдь не в пользу России»[2]. А такая «игра» в настоящее время идет по ряду направлений.

Для дальнейшего проникновения на Южный Кавказ Турция, как член НАТО, спровоцировала разжигание нового военного конфликта между Азербайджаном и Арменией в Нагорном Карабахе. Декларируя тезис «один народ, две страны», Турция в этом конфликте под лозунгом восстановления территориальной целостности Азербайджана преследовала свои геополитические цели. Благодаря этому она получает выход к Каспийскому морю и затем в Центральную Азию, что позволяет осуществлять полный контроль территорий, богатых углеводородным сырьем, включая также маршруты транспортировки. В результате военного конфликта, где она была активным инициатором, произошла легализация турецкой экспансии в Закавказье. Негласное присутствие турецких вооруженных сил в Закавказье стало носить открытый характер. Любой успех Анкары ведет к значительному усилению позиций НАТО в Закавказье, так как Турция как сильный и активный член этого блока имеет вторую после армии США сухопутную армию и далеко идущие планы, включая и проникновение в Центральную Азию¹.

Турецкое присутствие в Азербайджане позволяет строить военные базы и иметь возможность создавать напряженность непосредственно у границ России и в ее мусульманских регионах. Кроме

¹ Багдаш А., Глушиц Е. НАТО усилило свои позиции на Кавказе. Итоги вооруженного конфликта в Нагорном Карабахе // Завтра.ру [Электронный ресурс]. URL: https://zavtra.ru/blogs/nato_usililo_svoi_pozitsii_na_kavkaze (дата обращения: 27.01.2021).

того, открывается перспектива соединения железной дорогой турецкого побережья Средиземного моря с азербайджанским побережьем Каспийского моря, что позволит соединить порты этих морей железными дорогами Турции, Грузии и Азербайджана, давая новый толчок развитию экономики тюркских стран и регионов и построению в будущем «Великого Турана»¹.

Кремль своевременно предупреждал власти Армении об агрессивных шагах Баку и Анкары. Ереван из-за своей прозападной ориентации проигнорировал подобные предупреждения. Москва, получив неопровержимые данные о том, что в спорную зону уже намечается ввод турецких войск под видом наемников, вынуждена была немедленно вмешаться в конфликт. Только такие шаги Москвы помешали Анкаре реализовать свои далеко идущие геополитические интересы в российском геополитическом пространстве.

10 ноября 2020 г. между Москвой, Баку и Ереваном после шестинедельных боев был подписан трехсторонний договор по Нагорному Карабаху. Между двумя враждующими сторонами встал контингент российских миротворческих сил. Россия и Иран получают дополнительные возможности в рамках транспортно-коридора Север — Юг для выхода на международные рынки. Турецкая сторона через сухопутный коридор, соединяющий Нахичевань с основной территорией Азербайджана, получила прямой выход к Каспийскому морю с планами превратиться в «логистическую супердержаву». Благодаря этому, Анкара получает возможность отобрать у Москвы грузопотоки, идущие по «Новому Шелковому пути» из Азии в Европу. Армения же получила транспортный коридор, соединяющий ее с Россией через азербайджанскую территорию, и доступ на рынки Турции и Ирана (см. рисунок)².

Но этими итогами военного конфликта оказались недовольны обе враждующие стороны. Общественность Армении воспринимает трехсторонний договор как явное геополитическое поражение, потерю исконно армянских территорий. Азербайджан и Турция недовольны тем, что им не дали отвоевать весь Нагорный Карабах и выселить оттуда всех армян³.

Трехсторонний договор свидетельствует, что фактически конфликт заморожен на пять лет, на время присутствия в Карабахе российских миротворцев. За это время враждующие стороны будут наращивать свой военный потенциал для заключительного раунда войны. Это полностью устраивает Турцию, так как не окончательное урегулирование конфликта дает ей повод и основание для размещения своей военной инфраструктуры в Азербайджане для поддержки своего союзника.

Неслучайно в настоящее время идет процесс радикального реформирования азербайджанской армии и ее перманентный переход под контроль Министерства обороны Турции. Поэтому сегодня вызывает большие сомнения декларируемая готовность Анкары объективно выполнять свои обязанности в работе совместного Российско-Турецкого центра по контролю за прекращением огня.

В связи с этим, оценивая в целом итоги «второй Карабахской войны», Тегеран рассматривает их как поражение не только Армении и России, но и самого Ирана. Поэтому он озабочен ростом политической, экономической и военной мощи Азербайджана, а также укреплением геополитического влияния и пантюркистских настроений Анкары, укрепившейся на Южном Кавказе и поднявшей свой рейтинг среди иранских азербайджанцев⁴.

В этой ситуации Тегеран опасается влияния Баку на национальные меньшинства Ирана, которые способны дестабилизировать ситуацию внутри страны (82 млн чел.). В стране проживают около 100 тыс. армян и порядка 15 млн т. н. «азербайджанских турок» (т. е. больше, чем в самом Азербайджане). Поэтому в Иране армяне и азербайджанцы могут стать в современных условиях «бомбой замедленного действия», близкой к детонации. В этом свете партнерство Азербайджана с западными странами и США,

¹ Возможное развитие ситуации в Нагорном Карабахе [Электронный ресурс]. URL: https://zen.yandex.ru/media/za_istoricheskuyu_pravdu/vozmozhnoe-razvitiie-situacii-v-nagornom-karabahe-5fb7f543572b8625756b6b6c (дата обращения: 26.01.2021).

² Маржецкий С. Чем обернется строительство железной дороги между Арменией и Азербайджаном // Репортер (topcor.ru) [Электронный ресурс]. URL: <https://topcor.ru/18182-chem-obernetsja-stroitelstvo-zheleznoj-dorogi-mezhdu-armeniej-i-azerbajdzhanom.html?yrfinfo=1610649764203517-559180663136027987700110-production-app-host-man-web-yp-376> (дата обращения: 14.01.2021).

³ Сокирко В. Два месяца мира. Карабах между Россией и Турцией // Geopolitics [Электронный ресурс]. URL: <https://zen.yandex.ru/media/bigwar/dva-mesiaca-mira-karabah-mejdu-rossiei-i-turciei-60003911dc0ac42b28afb9> (дата обращения: 15.01.2021).

⁴ Турция замахнулась не только на Кавказ и Среднюю Азию, но и на Сибирь // Dal.by [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dal.by/news/69/05-01-21-5/> (дата обращения: 05.01.2021).

участие Баку в военных учениях и программах НАТО воспринимается как серьезный геополитический вызов для Тегерана.

Рис. О чем договорились Азербайджан и Армения

Источник: Какие дороги и когда откроются на Кавказе после московских переговоров Азербайджана и Армении?¹

Поэтому 27 января 2021 г. в рамках встречи с армянским коллегой А. Айвазяном министр иностранных дел Ирана М. Д. Зариф отметил, что в этом конфликте Тегеран поддерживает пострадавшую сторону. Он подчеркнул: «Иран придает важность территориальной целостности всех стран, уважает и следит за тем, чтобы религии и права всех народов всегда были защищены. Наша красная линия — территориальная целостность Армении, и мы четко высказались по этому поводу»².

На реализацию коммуникационных проектов отводится время от двух до четырех лет. За этот период геополитические процессы, связанные с изменением границы между Азербайджаном и Арменией, будущего статуса Нагорного Карабаха и положения российских миротворцев в регионе, несомненно, окажут серьезное влияние на реализацию этих проектов.

¹ [Электронный ресурс]. URL: https://zen.yandex.ru/media/ethniks/kakie-dorogi-i-kogda-otkroitsia-na-kavkaze-posle-moskovskih-peregovorov-azerbaidjana-i-armenii-5ffeb4091e2ac4095dd83ea?utm_campaign=dbr (дата обращения: 25.01.2021).

² Турция замахнулась не только на Кавказ и Среднюю Азию, но и на Сибирь // Dal.by [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dal.by/news/69/05-01-21-5/> (дата обращения: 05.01.2021).

С приходом к власти администрации президента Байдена в «большую закавказскую игру» будут довольно жестко вступать США. В связи с этим американская поддержка как сторонников оккупации Карабаха, так и реваншистов из Армении будет заметно усилена. Демократы традиционно делали ставку на антироссийскую ориентацию Грузии и Армении. Поэтому американцы предложат Еревану пересмотреть условия карабахского урегулирования, отвечая на запрос той части армянского общества, которая недовольна соглашением и готова опереться на США. При этом американцам не нужна стабилизация мира на Южном Кавказе ни в каком виде, ни в пользу Армении, Азербайджана или Турции. Задача США с помощью антироссийского «управляемого хаоса» взорвать этот регион¹.

В случае успеха в реализации задуманного сценария в планах США сорвать или заморозить проекты развития транспортных коридоров в Закавказье. Здесь, конечно же, «свою роль должна сыграть и Россия, которая впервые за многие годы стала вплотную заниматься проблемами Закавказья и взяла на себя роль гаранта исполнения всех пунктов мирного соглашения по Карабаху»².

Таким образом, карабахский узел геополитических противоречий на Южном Кавказе превратился из регионального столкновения в особую «геополитическую шахматную партию» с участием ведущих геополитических игроков, активно ведущих в постсоветском пространстве «Большую игру» XXI в., направленную против России. Карабахский конфликт стал для Турции началом реализации своего геополитического курса в качестве ведущего центра сборки новой геополитической конструкции взаимодействия всех евразийских государств, альтернативной российскому евразийскому проекту. Решение всех спорных вопросов той или иной стороной неизбежно приведет к геополитическому контролю над всем этим геостратегическим регионом. Вот почему геополитические процессы на Южном Кавказе представляют сегодня серьезный вызов евразийским интеграционным процессам. В деле парирования этих вызовов ведущая роль принадлежит России. Совокупность двух российских центров силы — 102-й военной базы в Армении и миротворческого контингента в Нагорном Карабахе — позволяет России решать эти вопросы и оказывать геополитическое влияние на более широкий регион Большого Кавказа.

Литература

1. *Гаджиев К. С.* Большая игра на Кавказе. Вчера, сегодня, завтра. М. : Междунар. Отношения. 2012, 344 с.
2. *Марзиев И.* «Большая игра» на Южном Кавказе // Аналитический портал ПОЛИТ.РУ [Электронный ресурс]. URL: <https://polit.ru/article/2005/07/20/biggame/> (дата обращения: 19.01.2021).
3. *Маслакова-Клауберг Н. И., Садыкова Э. Л.* Обострение ситуации в Нагорном Карабахе как геополитический вызов // Вестник Института мировых цивилизаций. М., 2020. Т. 11. № 3 (28). С. 51–57.
4. *Нефёдов Д.* «Глобальная Британия» — неоосманская Турция: новая эра сотрудничества и экспансии // Военно-политическая аналитика [Электронный ресурс]. URL: <https://vpoanalytics.com/2021/01/07/globalnaya-britaniya-neoosmanskaya-turtsiya-novaya-era-sotrudnichestva-i-ekspansii> (дата обращения: 07.01.2021).
5. *Прохватиллов В.* Что объединяет Турцию и Израиль на Кавказе // Военно-политическая аналитика [Электронный ресурс]. URL: <https://vpoanalytics.com/2020/11/14/chto-obedinyayet-turtsiyu-i-izrail-na-kavkaze/> (дата обращения: 24.01.2021).

Об авторах:

Когут Виктор Григорьевич, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ — полномочный представитель Национального собрания (Минск, Республика Беларусь), кандидат политических наук; vgkogut@gmail.com

¹ США возвращаются в нагорно-карабахский конфликт на стороне оккупантов Карабаха? // Вестник Кавказа [Электронный ресурс]. URL: https://vestikavkaza.ru/material/335547?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 22.01. 2021).

² Станут ли Мегри яблоком раздора между Азербайджаном и Арменией? // Военно-политическое обозрение [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belvpo.com/118383.html/> (дата обращения: 13.01.2021).

Нурышев Геннадий Николаевич, профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор политических наук, профессор; g.nuryshev@yandex.ru

References

1. Gadzhiev K. S. Bol'shaya igra na Kavkaze. Vchera, segodnya, zavtra. M. : Mezhdunar. Otnosheniya. 2012, 344 s.
2. Marziev I. «Bol'shaya igra» na Yuzhnom Kavkaze // Analiticheskii portal POLIT.RU [Elektronnyi resurs]. URL: <https://polit.ru/article/2005/07/20/biggame/> (data obrashcheniya: 19.01.2021).
3. Maslakova-Klauber N. I., Sadykova E. L. Obostrenie situatsii v Nagornom Karabakhe kak geopoliticheskii vyzov // Vestnik Instituta mirovykh tsivilizatsii. M., 2020. T. 11. № 3 (28). S. 51–57.
4. Nefedov D. «Global'naya Britaniya» — neoosmanskaya Turtsiya: novaya era sotrudnichestva i ekspansii // Voenno-politicheskaya analitika [Elektronnyi resurs]. URL: <https://vpoanalytics.com/2021/01/07/globalnaya-britaniya-neoosmanskaya-turtsiya-novaya-era-sotrudnichestva-i-ekspansii> (data obrashcheniya: 07.01.2021).
5. Prokhvatilov V. Chto ob"edinyayet Turtsiyu i Izrail' na Kavkaze // Voenno-politicheskaya analitika [Elektronnyi resurs]. URL: <https://vpoanalytics.com/2020/11/14/chto-obedinyayet-turtsiyu-i-izrail-na-kavkaze/> (data obrashcheniya: 24.01.2021).

About the authors:

Victor G. Kogut, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the National Assembly of the Republic, PhD in Political Science (Minsk, Republic of Belarus); vkgkogut@gmail.com

Gennady N. Nuryshev, Professor of St. Petersburg State University of Economics (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Political Sciences); g.nuryshev@yandex.ru

Географическая индетерминированность государственно-гражданской идентичности российской молодежи

Передня Д. Г.

Академия управления МВД России, Москва, Российская Федерация; 2975829@mail.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена изучению государственно-гражданской идентичности в ее пространственном воплощении. Цель исследования сводилась к проверке гипотезы о том, что содержание и уровень государственной идентичности проявляются в представлениях молодежи о географической локации российских городов. То есть проверялось предположение об адекватности восприятия представителями российской молодежи географического пространства страны. Указанная локация выражается в относительно правильном представлении молодых людей о месторасположении всех городов России, за исключением малых. Принятие на себя формирующих воздействий образовательных и воспитательных институтов в социокультурных условиях российского общества, вероятно, должно было социализировать индивидов и выработать у них четкие и относительно полные представления о стране в ее территориальной представленности.

Рассмотрение предмета исследования строилось с учетом теории поколений. Для получения первичных эмпирических данных использовался опросный метод. Носителями информации по проблеме выступили студенты московских вузов. Объем выборки составил 184 респондента. Для проверки гипотезы осуществлялся как количественный, так и качественный анализ эмпирических данных.

Было установлено, что социализация в нынешних социокультурных условиях не приводит к формированию государственно-гражданской идентичности молодежи, в полной мере отражающей реалии территориальной целостности России. Оказалось, что респонденты знают относительно мало городов и не точно, с большими погрешностями соотносят их с территорией Российской Федерации. Их государственно-гражданская идентичность оказалась недостаточно сформированной. Не более 20% участников исследования предложили ответы безошибочных представлений о городах России. Относительно много, более двадцати, городов перечислили порядка 15% участников исследования. Среднее количество, десять — двадцать городов, назвали 35% респондентов. Остальные 50% назвали менее десяти наименований городов. Число городов, численность населения которых выше 100 тыс. чел., равно семидесяти. Следовательно, срединные значения в каждой из групп — двадцать пять, пятнадцать и пять — охватывают 35%, 21% и 7% количества городов, действительно расположенных в указанных частях России.

В статье приводятся причины, анализируются факторы, определяющие нынешнее положение дел. Представлено множество примеров, объясняющих текущую ситуацию, выраженную в характере идентичности молодых россиян. Высказываются соображения о потенциальных негативных последствиях такого состояния идентичности для национальной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации.

Ключевые слова: идентичность, молодежь, пространство, миграция, социализация, государственность

Для цитирования: Передня Д. Г. Географическая индетерминированность государственно-гражданской идентичности российской молодежи // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. № 1. С. 112 – 124.

Geographic Indeterminacy of the Russian Youth State and Civic Identity

Dmitriy G. Perednya

Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian, Moscow, Russian Federation;
2975829@mail.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the consideration of the nature and characteristics of Russian national identity. The research focus is concentrated on the youth state and civic identity study. State and civic identity was defined through its spatial embodiment. The spatial identity of Russians is largely subject to cognitive processes, and is associated with knowing, or not knowing the names of the cities of the residence country and ideas about their territorial location in the geographical space.

Students of Moscow universities acted as carriers of information on the problem. A survey technique was used. The author assumed that the representatives of Russian youth adequately perceive the geography of the country. In particular, it had to be expressed in a relatively correct idea of the location of large cities in Russia. The hypothesis was based on the knowledge that the citizens of Russia socialized in the socio-cultural conditions of Russian society, took on the formative influence of educational and upbringing institutions, and therefore have a formed Russian identity.

It was found that socialization in the current socio-cultural conditions does not lead to the formation of an adequate state-civil identity of young people. Based on the quantitative and qualitative analysis of empirical data, the article discusses the reasons that determine the current state of affairs. Considerations are expressed about the potential negative consequences of such a state of identity for the national security and territorial integrity of the Russian Federation.

Keywords: identity, youth, space, migration, socialization, statehood

For citing: Perednya D. G. Geographic Indeterminacy of the Russian Youth State and Civic Identity // Eurasian Integration: economic, law, politics. 2021. No. 1. Pp. 112 – 124.

Введение

Для всякого сообщества необходимы поведенческие и культурные образцы, которые будут задействованы в построении идентичности. Такими образцами выступают произведения популярной культуры: литературы, кино, музыки, телевидения, компьютерных игр [3, с. 131]. Характер и особенности российской национальной идентичности до сих пор характеризуются идеологизированными и даже мифологизированными темами, обсуждаемыми интеллектуальным сообществом [8, с. 121]. В нашей статье речь пойдет не столько о национальной, сколько о государственно-гражданской идентичности в пространственном воплощении. Идентичности как таковой посвящено много работ, которые так или иначе рассматривают этот феномен [6; 16; 15; 13; 10]. Продолжаются и дискуссии о содержании понятий, посредством которых раскрывается идентичность [2].

Под идентичностью понимают «ощущение себя как части уникальной группы, отличной от других групп в использовании групповых ценностей» [11, с. 103], и мы не станем отходить от этого значения. Идентичность — своего рода концентрат, посредством которого появляется возможность выразить то, как человек для себя представляет свою принадлежность к общностям: социальным, экономическим, национальным, профессиональным, языковым, политическим, религиозным, расовым. В исследовательском плане часто вызывает интерес то, насколько сильно индивиды отождествляют себя с этими общностями и через какие признаки это проявляется. «Общероссийская идентичность понимается нами как отождествление себя с гражданами страны и государственно-территориальным пространством» [9].

Пространственная же идентичность россиян — это неочевидный феномен, который, на наш взгляд, в значительной степени подвержен когнитивным процессам, приводящим к атрибуции смыслов.

Представители поколений, получивших базовое образование в период до цифровой эпохи, оказались носителями специфического набора знаний, который для них представляется естественным и правильным. Качества и характеристики, которыми наделены представители других поколений или других социокультурных групп, непосредственным образом увидеть невозможно. Восполнение информации происходит посредством домысливания с помощью атрибуции, после чего начинает работать механизм объяснения причин поведения социальных субъектов. Часто такой способ компенсации недостающих знаний искажает реальность, создавая условия для неадекватного взаимодействия с субъектами социальной среды.

Наше исследование позволит лучше понять, как и насколько сформированы общегосударственные представления о России в сознании молодых людей. Решить эту задачу поможет обобщение эмпирических данных о надэтническом синтезе государственно-гражданской идентичности в ее пространственном воплощении. Получить эту информацию можно на основе анализа признаков и индикаторов. Территория России в пространственно-географическом смысле у социальных субъектов представлена неодинаково. От того, как с этим вопросом обстоят дела на самом деле, зависит, например, территориальная устойчивость страны. Речь идет о перспективах распада Российского государства либо, наоборот, о сплочении и укреплении. Приращение такого рода не очевидными знаниями представляется весьма актуальным.

Методика исследования и носители информации по проблеме

В 2010 г. автор в качестве инструктора участвовал во всероссийской переписи населения. В результате появилась возможность ближе познакомиться с индикаторами и методиками, посредством которых описывалась российская социально-демографическая действительность. Тогда же появилась идея связать и оценить уровень идентичности россиян через оценку их представлений о географической локации российских городов. Затем на протяжении последующих лет происходил сбор и обобщение данных, полученных методом опроса. Респондентам, как правило в этой роли выступали студенты преимущественно московских вузов, предлагалось письменно перечислить города России по группам: 1. Северные города европейской части России. 2. Южные. 3. Сибирские. 4. Дальневосточные. Цель такого исследования состояла в получении сведений о представлениях молодежи о расположении крупных населенных пунктов в географическом пространстве нашей страны. При этом применен принцип максимизации географического удаления — условно говоря, Север, Юг, Сибирь и Дальний Восток. Такой охват вбирает полное пространство территориальной целостности Российской Федерации.

Такие части России, как Поволжье, Урал, центральные районы, занимают срединное положение, и задача перечислять города этих регионов не ставилась. Во время опросов соблюдался принцип однообразной постановки задачи и нейтрального восприятия спектра ответов. При опросах говорилось, что для облегчения решения задачи актуализации субъективных представлений респондентов разрешается использовать модель разделения России на федеральные округа (Указ Президента Российской Федерации № 849)¹. При этом города Северо-Кавказского и Крымского округа относились во время обработки данных к южным городам.

Опрошено 184 респондента 18–25-летнего возраста. Было предположение о появлении заметных динамических изменений. Например, между ответами тех, кто участвовал в исследовании в 2011 г., и тех, кто отвечал на вопросы в 2019 г. Такое предположение не подтвердилось, существенных отличий в ответах не наблюдалось. По-видимому, указанный период относился к цифровой эпохе, которая объединяла участников исследования и являлась основным детерминирующим фактором картины мира респондентов. В результате массив накопленных данных анализировался в целом.

¹ О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе : указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849.

Гипотеза исследования

31 июля 2020 г. Росстат опубликовал сборник «Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям». Из него известно, что в России 171 город с населением более 100 тыс. чел. Из них: 15 городов-миллионников; 23 города с населением от 500 тыс. до 1 млн чел.; 40 городов с населением от 250 тыс. до 500 тыс. чел.; 95 городов с населением от 100 тыс. до 250 тыс. Города представлены по категориям:

- малые города — до 50 тыс. жителей;
- средние города — до 100 тыс. жителей;
- большие города — более 100 тыс. жителей;
- крупные города — более 250 тыс. жителей;
- крупнейшие города — от 500 тыс. до 1 млн жителей;
- города-миллионеры — более 1 млн жителей.

Гипотеза исследования сводилась к следующему: представители российской молодежи адекватно воспринимают географическую локацию страны, выраженную в относительно правильном представлении о месторасположении всех ее городов, за исключением малых. В основу гипотезы было положено знание о том, что молодые люди, будучи гражданами России, прошли первичную социализацию в социокультурных условиях российского общества, приняли на себя формирующее воздействие образовательных и воспитательных институтов, к тому же прошли отбор и относительно успешно проходят обучение в вузах, то есть находятся в процессе получения высшего образования и их российская идентичность имеет одним из выраженных параметров четкие и относительно полные представления по исследуемой проблеме. Ведь нельзя быть россиянином просто так, без реальных, конкретных представлений о стране в территориальном аспекте. К тому же современные цифровые технологии дают широкие возможности в непосредственном режиме формировать и поддерживать представления о пространственной локации населенных пунктов не только в своей стране, но и в мире. Доступность спутниковых карт подтверждает это. Применительно к государственно-гражданской идентичности предположение было такое: чем больше городов знают индивиды и чем они точнее соотносятся с территорией Российской Федерации, тем идентичность выше. И наоборот, чем меньше городов актуализировано в сознании молодежи, тем идентичность ниже. Если не учитывать российские города, которые лежат вне рамок предложенных респондентам вопросов, и поэтому отбросить около 60% городов, то остается примерно семьдесят городов, названия которых потенциально ожидаемы в ответах респондентов. Из них не менее двадцати населенных пунктов наиболее крупные и известные, которые с наибольшей вероятностью могли бы быть указаны в опросных листах.

Результаты исследования

Начнем с того, что приведем размах вариации признака. Числовые границы суммарного значения количества указанных респондентами городов составляют 2 и 31 соответственно. Если учесть только правильно указанные города, то цифры уменьшатся: 1; 25. Не более 20% участников исследования предложили ответы безошибочных представлений о городах России. О том, какие встречались заблуждения и искаженные представления, скажем ниже, а пока приведем распределение участников исследования по степени наполнения ответов.

Относительно много, более двадцати городов, перечислили порядка 15% участников исследования. Среднее количество десять — двадцать городов назвали 35% респондентов. Остальные 50% назвали менее десяти наименований городов. Как известно, число городов, численность населения которых выше 100 тыс. чел. равно семидесяти. Следовательно, срединные значения в каждой из групп — двадцать пять, пятнадцать, пять — охватывают тридцать пять, двадцать один, семь процентов количества городов, действительно расположенных в указанных частях России. Отметим, что в этом случае учитывались все указанные респондентами города. Если подвергнуть ответы строгой проверке и оставить только пра-

вильно названные города, то снижение показателей произойдет в среднем на 5–10%. Это означает, что даже для самых осведомленных молодых людей по меньшей мере 65% российских городов находятся вне их актуальной картины мира. Респонденты не называют города и не указывают расположение городов в пространственном отношении. Причем эта «осведомленная» группа весьма немногочисленна. Из остальных групп подавляющее большинство городов в интервале 85–95% как бы отсутствует в рамках субъективного восприятия респондентов. Сразу же отметим, что наибольшее количество «субъективного географического вакуума» в сознании молодых людей приходится на города Сибири и Дальнего Востока. Примерно у 40% участников исследования в строках опросных листов напротив Сибири и Дальнего Востока ничего не было написано. Представьте, для половины молодых людей — студентов столичных вузов такие города, как Омск, Томск, Тюмень, Тобольск, Новосибирск, Барнаул, Новокузнецк, Кемерово, Междуреченск, Красноярск, Иркутск, как бы не существуют. И это только относительно крупные и известные в промышленном, научном и культурно-историческом смысле города.

Наше исследование не то же, что экзамен по географии. Поэтому, если респондент называл забайкальский город Читу как город, относящийся к Дальнему Востоку, это учитывалось как правильный ответ, так как показывало относительно правильную пространственную ориентацию населенного пункта в сознании давшего ответ. И наоборот, когда участник исследования в пункте города Дальнего Востока привел один-единственный город — Махачкала, это маркировалось как пробелы и искажения в пространственной идентичности индивида.

Следующая ступень анализа касается точности названий и месторасположения городских образований. Исследование показало большой разброс ошибочных представлений молодежи. Один из случаев мы уже указали, рассмотрим другие типичные и характерные, которые представим следующими тремя группами:

- Восприятие в качестве городов других географических объектов. Например, в анализируемом материале встречались такие ответы: Осетия, Камчатка, Афганистан, «Все города, расположенные на реке Лена, — это сибирские города», Урал, Казахстан, Сахалин.
- Восприятие городов сопредельных государств как российских. Чаще всего назывались Харьков, Минск, Ереван.
- Кардинально неправильное территориальное восприятие местоположения городов. Например, Курск указан как сибирский город, Севастополь как город, расположенный на севере, и другие значительные несоответствия.

В качестве обобщающей иллюстрации приведем два примера ответов респондентов. В одном случае молодой человек в графе «Города Сибири» написал «Саратов». Затем зачеркнул, видимо, подумал и снова написал «Саратов». Потом снова зачеркнул и в качестве окончательного ответа написал «Уфа, Екатеринбург, Чита». Второй опросный лист приведем полностью со всеми указанными городами. Респондент в пределах географических границ указал следующие города:

- Север — Норильск, Мумоис (вероятно, это попытка вспомнить город Мурманск), Севастополь, Магадан, Сургут.
- Юг — Волгоград, Ростов, Астрахань, Геленджик, Анапа, Осетия, Ереван.
- Сибирь — Курск.
- Дальний Восток — никаких городов указано не было.

Этот вариант ответа показывает, как пространственная реальность перемеживается с субъективными искажениями и когнитивными пробелами. В другом опросном листе Ростов-на-Дону правильно указан как южный город, но соседний с ним Таганрог приведен в числе северных населенных пунктов.

В прошлом году при накоплении информации по этой теме проведена серия неформализованных интервью с офицерами-пограничниками, которые недавно закончили учебу в ведомственных институтах. Среди эмоциональных рассказов о пространственной локации российских городов выделялись признания в том, что до момента приезда к местам службы у респондентов не было представлений, что конкретно из себя представляет территория России, какие города, где расположены и что из себя представляют по численности и размеру. Это при том, что их профессия — охрана границы, а во время

учебы среди однокурсников были представители разных городов. Кстати говоря, среди наших респондентов 30% студентов — это приезжие из других городов. После получения дополнительной информации от другой категории молодежи возникает желание быть снисходительным к студентам гражданских вузов. По-видимому, пространственно-территориальная идентичность молодых людей нашего времени как граждан России обусловлена интересами из других областей, и города России, вероятно, лежат за пределами этих интересов.

В этой связи стоит добавить, что, после того как участники исследования завершали заполнять опросные листы, им предлагалось в течение минуты перечислить города Соединенных Штатов Америки. С этим заданием респонденты справлялись сопоставимым образом. Количество известных американских городов оказалось немногим меньше, чем российских. Продукция массовой коммуникации американского производства, общий культурный фон с большим влиянием западной культуры привил российской молодежи в целом удовлетворительные знания об американских городах. Кроме общеизвестных городов этой страны, чаще других респондентами назвались такие города, как Бостон, Новый Орлеан, Детройт, Чикаго, Сан-Хосе.

Основные выводы

Первоначальная гипотеза не подтвердилась. Как показало исследование, представители российской молодежи неполно и неадекватно воспринимают географические реалии страны, выраженные в местонахождении городов. Попробуем осмыслить причины того, почему молодые люди, будучи гражданами России, прошли такую социализацию, в результате которой территория России представлена весьма размыто, не полно, фрагментированно. Выходит, что российская идентичность этих индивидов в пространственно-территориальном воплощении в значительной степени абстрактна и не конкретна. Оказывается, в настоящее время можно быть россиянином без реальных представлений о стране, конкретизированных в знаниях о названии населенных пунктов и географическом положении. Выходит, что безграничная сила цифровых технологий нашего времени со всеми их возможностями дает обратный эффект в непосредственной географической подготовке по формированию и поддержанию представлений о пространственном расположении городов России.

Не станем развивать тему качества школьного образования, в результате которой знания молодежи стали хуже, чем у представителей старших поколений. Чаще в подобных случаях подразумевается поколение, которое училось в советский период. Наверное, этот фактор также присутствует, хотя он сводится к обобщенной причине, связанной с цифровизацией современной жизни. Современные смартфоны, как выясняется, подавляют не только социальные навыки, когда непосредственное общение заменяется перепиской, но и когнитивную производительность индивидов. Начиная с 2010 г. практически каждый ученик старшей школы пользуется смартфоном, и он постоянно держит его при себе. В 2016 г. средний возраст, в котором дети получали первый смартфон, составлял десять лет, что на два года младше, чем показатель 2014 г. Американские ученые из Техасского университета в Остине провели исследование, в ходе которого выяснилось, что одно присутствие смартфона рядом с человеком снижает умственные способности владельца. И здесь речь не идет о влиянии электромагнитных волн или подобных феноменов физических явлений. Специалисты обнаружили, что наличие смартфона на столе рядом ухудшает производительность человека в задаче, которая требует сосредоточенности¹.

Для представителей молодежи нашего времени не кажется обязательным что-то помнить, если под рукой доступен интернет-поисковик. Парадокс в том, что уточнить что-то и расширить знания об этом можно лишь в том случае, если у тебя есть изначальные представления об объекте поиска. Другими словами, если кто-либо решит уточнить численность жителей города Карталы, то это он сможет сделать лишь в том случае, когда в принципе у человека присутствуют представления о существовании такого города в Челябинской области, которая, в свою очередь, расположена на Южном Урале.

¹ Медведев Ю. Утечка мозгов. Человек рядом с гаджетом глупеет [Электронный ресурс] // Российская газета. Федеральный выпуск. № 145 (7311). 04.07.2017. URL: <https://rg.ru/2017/07/04/uchenye-vyiasnili-kak-smartfony-vliiaut-na-intellekt.html> (дата обращения: 20.12.2020).

Корреляция между географической осведомленностью молодых людей до рубежа тысячелетий и после проявляется в исчезновении игры в города. Некогда популярная игра сегодня сошла на нет и практически не встречается. В этой игре каждый участник по очереди называет реально существующий город любой страны, название которого начинается на ту букву, которой оканчивается название города предыдущего участника. По-видимому, базовой причиной исчезновения этой инициативной игры стало стремительное оскудение знания названий городов. Как известно, это игра носила неформальный характер, но это не уменьшало силу негативных неформальных санкций в отношении тех, кто не поддерживал участие в игре на относительно приемлемом уровне по критерию продолжительности.

Анализируя результаты нашего исследования, мы понимаем, что часть из городов названы в силу того, что, например, кто-то из родителей родом из этого города и поэтому имелись знания об этом населенном пункте хотя бы на уровне знания воспроизведения. Это помимо того города, из которого сам молодой человек родом. Так, один из респондентов в ходе опроса назвал город Коломну и определил его как южный город России. При этом, как было известно, респондент сам оттуда и родители респондента проживают в этом городе. Фактически упомянутая игра в наше время могла бы сильно походить на сюжет из популярного некогда фильма «Джентльмены удачи». Напомним, что там один из главных героев желал увлечь уголовников игрой в города, но у него ничего не получилось, так как каждый участник вспоминает только один чем-то только ему памятный город, вне зависимости от озвученных правил игры.

— Воркута. — Почему Воркута? — А я там сидел.

Как известно, игра — это форма деятельности в условных ситуациях, направленная на воссоздание и усвоение общественного опыта, фиксированного в социально закрепленных способах осуществления предметных действий [4, с. 30]. Следовательно, обнаруженная в ходе нашего опроса осведомленность молодежи о городах России — есть отражение исчезнувших способов осуществления предметных действий. Рассмотрим, что под этим подразумевается.

Во-первых, существенное сокращение у молодежи установок на внутреннюю миграцию. При этом не важно, потенциальной она будет или же реальной. С начала Второй мировой войны и до окончания тысячелетия процессы принудительного переселения, выселения, затем массовая эвакуация, продвижение войск действующей армии в процессе боевых действий, комсомольские стройки, например БАМа, освоение целинных земель, служба по призыву, обязательное распределение после окончания любых учебных заведений, трудовая миграция в отдаленные, как правило, северные районы, — все это формировало пространственную идентичность населения. Массовая для мужской части населения служба в армии была организована по экстерриториальному принципу [12, с. 121]. В современной России этот принцип в течение некоторого времени был заменен на территориальный. Территориальный принцип прохождения военной службы («служба рядом с домом») — это одна из мер по гуманизации военной службы, по-видимому, как выяснилось, не повысила гуманность и не способствовала выработке дополнительных представлений о территории страны.

Перечисленная нами различного рода массовая активность даже в мирный период не всегда была добровольной. Коллективные мероприятия, связанные с перемещениями по территории советской страны, как правило, стимулировались комсомолом и партийными организациями и находились на попечении официальных органов. Но встречались и сугубо инициативные практики. Формированию пространственной идентичности способствовали, например, туристические поездки внутри страны дикарями.

Даже если человека непосредственно не коснулся процесс естественного «географического познания», все равно внутри собственной самости личность неоднократно моделирует потенциальные ситуации и постоянно готовится к возможным перемещениям в географическом пространстве страны. В пределах субъективной готовности к такому развитию событий каждый индивид старается предельно полно и целостно оформить представления о тех местах и городах, где ему, возможно, придется оказаться. Даже если так получилось, что конкретному индивиду не пришлось покидать собственный населенный пункт, то при тесных личностных социальных контактах человеку доведется услышать многочисленные рассказы о том, как и где участник беседы проходил военную службу, работал, гостил у друзей и тому

подобное. Аналогичным образом поступала информация от тех, кто приехал, например, по распределению в его населенный пункт, и через этих людей человек воспримет многочисленную конкретную информацию о других городах. Это лишь прямые источники знаний о различных территориях и городах. Помимо них были многочисленные косвенные. Например, девушки, переписываясь с парнями, проходящими службу в армии, знакомились с описаниями городов, рядом с которыми была расположена воинская часть. Многие жители Белоруссии и других республик Советского Союза знали о городе Вологда из одноименной песни популярной группы «Песняры». Слова песни, ее широкая известность как раз и отражают те практики, благодаря которым достигалась большая по сравнению с нынешней осведомленность о городах.

Вот слова из этой песни: «...Письма лично сам я на почту ношу. Словно я роман с продолжением пишу. Знаю, точно знаю, где мой адресат...» Каждый должен был неоднократно собственноручно писать на конверте, открытке, бланке телеграммы названия городов и областей страны, куда предназначалось отправление. Как известно, сообщение, написанное на платформе любого мессенджера, не предполагает указания городов. Фактически участники переписки, например Facebook Messenger, поддерживают контакты с представителями несчетных городов и даже из других стран и континентов, но не задумываются и не знают реалии географической локации тех населенных пунктов, из которых приходят сообщения от других индивидов по WhatsApp, Viber или Skype. Более того, транснациональный и международный формат общения размывает идентичность, связывающую молодых людей в границах одной страны. Раньше абсолютное большинство контактов было внутри страны, а общение с «заграницей» было настолько редким и контрастным, что стало дополнительным средством консолидации представлений о родной стране.

В наше время вся эта сложная интегрирующая страну схема внутренних миграционных процессов исчезла и во многих случаях заменена на более простую. Если ты житель села, то, как правило, в период молодости твоя цель-минимум — переезд в районный центр. Если ты вырос в районном городе, то центром притяжения и направлением миграционных устремлений будет выступать областной, краевой или республиканский центры. Из столиц регионов молодежь старается перебраться в Москву или Санкт-Петербург. Разумеется, возможны варианты и исключения, но это базовая схема. При ней необходимость практического знания о других городах отсутствует или минимальна.

Следует назвать еще один фактор, обуславливающий снижение пространственно-территориальной идентичности на уровне страны. С одной стороны, это уменьшение для многих финансовой возможности перемещаться по стране, а с другой, если такая возможность появляется, предпочтение будет отдано авиаперевозкам. В текущих экономических условиях цены на билеты на пассажирские самолеты или на поезда сопоставимы, а временной выигрыш, как правило, перевешивает в пользу первого варианта. В результате и в 1989-м, и в 2019-м молодые люди могли по каким-либо поводам переместиться из Москвы, например, во Владивосток. Но в первом случае это был бы, скорее всего, переезд с помощью железнодорожного транспорта, а во втором — посредством авиаперевозок. При этом молодые люди при перемещении на поезде физически, пусть и проездом, побывали бы во всех городах по пути следования. На больших станциях выходили на платформы, привокзальные площади. Были практики более длительных остановок в попутных городах с сохранением возможности продолжить путь, используя прежний билет. В пути пассажиры в вагонах общались с попутчиками из других городов, и впечатления от встреч запечатлевали бы в памяти те города, в которых человек мог физически не быть, но через другого конкретного социального субъекта он фиксировал в долговременной памяти, как минимум, название этого города.

Изменения средств массовой коммуникации также внесло свой вклад в текущее положение дел и отразилось на идентичности молодежи. Рассмотрим, к примеру, прогноз погоды. В наше время каждый имеет возможность получать его в какое угодно время в конкретном месте. При желании это осуществляется в непрерывном режиме. Тогда как в доцифровую эпоху о погоде на завтра можно было узнать, например, только в последние минуты программы «Время» и только посредством относительно внимательного созерцания территории страны с нанесенными на ней основными городами, названия

которых последовательно и отчетливо проговаривались ведущими. Даже те, кого погода не интересовала, вынуждены были участвовать в этом ритуале под названием «прогноз погоды», так как художественный фильм, возможно единственный за день, который из-за редкости привлекал многих, транслировался по окончании программы «Время», и, чтобы не пропустить его начало, важно было приступить к просмотру заранее. В результате складывалась следующая ситуация: где бы ни был человек, в каком населенном пункте не проживал, приходилось постоянно освежать представления о географии родной страны в полном объеме, а не локально, как это часто бывает в наше время. Сегодня на некоторых каналах сохранился формат трансляции прогноза погоды, похожий на прежний, но это мало что меняет в представлениях молодых людей. Это происходит потому, что абсолютное большинство из них игнорирует телевизионный контент. Фактически в прежнее время все от личного окружения через институты воспитания и просвещения и проявлений массовой доминирующей культуры прямо или косвенно работало на развитие и укрепление территориально-пространственной идентичности людей. Достаточно вспомнить слова песни «Мой адрес — Советский Союз» группы «Самоцветы», в которой поется: «...Мои номера телефонные разбросаны по городам». То есть прослеживается конкретизация принадлежности к стране через населенные пункты. В то время как сегодня в любом городе номер мобильного телефона остается прежним и никак не ассоциируется с конкретным городом.

Рассмотрим проблему идентичности со страной под другим углом зрения. Для празднования 75-летия Победы СССР в Великой Отечественной войне заблаговременно разработан логотип со стрелками и размещен с начала 2020 г. на официальном сайте празднования юбилея Победы. Логотип вызвал недоумение и шок сразу же, как появился, но не вся общественность так на него отреагировала. Возмущались преимущественно представители старших поколений, которых обескуражили сомнительные стрелки, точнее направление стрелок с Запада на Восток. Нами было проведено несколько интервью с участием молодых людей, которым этот логотип демонстрировался, и было предложено порассуждать о том, как показанный логотип воспринимается участниками интервью. Из более чем двадцати участников интервью в возрасте от шестнадцати до двадцати четырех лет никто не увидел ничего особенного в оформлении плаката. Опрашиваемые отвечали примерно так: «Очередная годовщина Победы, оформили плакаты к празднику с использованием военных карт». Даже после объяснения причин того, почему некоторым гражданам России такое оформление логотипа показалось неправильным, молодые люди или продолжали не замечать проблему, или говорили, что они сами ни за что не обратили бы внимание на такую особенность. Подразумевается расположение относительно друг друга городов Берлин и Москва, направление стрелок в сторону советской территории и, в частности, ее столицы. Движение советских атакующих солдат с Запада на Восток также осталось не замеченным. При этом более молодые люди больше всего недоумевали: мол надо же, на какие «мелочи» вы, более старшее поколение, обращаете внимание. Стрелки на карте красные, бойцы в советской форме, значит, все нормально, а где и что расположено в географическом пространстве, остается за рамками сознания и рефлексии представителей молодежи.

Интересно, что сам логотип, на котором стрелки образуют известный план наступления войск нацистов, менять под давлением общественного мнения не стали. Разработчики говорят, что просто «так видят». Вполне возможно, что художники из студии дизайнера Артемия Лебедева, кто непосредственно предлагал замысел плакатов к празднику, и есть те самые люди до тридцати лет — носители описываемой нами идентичности.

В пространственной ориентации заложены сущностные символы и смыслы для евразийской цивилизации и России как части Евразии. Во многом потенциал национальной консолидации России держится на великодержавной идентичности, важную роль в которой играет пространственный масштаб, который исчезает без объективного содержания. Историческое знание выполняет в обществе важнейшую социальную функцию, являясь одним из факторов, способствующих поддержанию социальной стабильности. То, кем ощущают себя граждане, что твердо знают о своей истории, формирует в сознании образ страны. Это твердое знание уже своей уверенностью заставляет и окружающих считаться с этим.

Представления о территории страны определяют консолидирующую идентичность граждан, увязывают представителей нынешнего поколения с прошлыми героическими событиями. Проиллюстрируем этот тезис на примере таких символических статусных атрибутов, как медали. Для этого рассмотрим медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и «За победу над Японией». На лицевой стороне обеих медалей профильное погрудное изображение И. В. Сталина в форме маршала Советского Союза. При этом в первом случае профиль повернут влево, а во втором — вправо. С учетом наших наблюдений сегодня этому обстоятельству, наверное, приписывается меньшее значение. В то время как для людей относительно недавнего прошлого пространственное расположение недружественных в тот период стран имело серьезное значение, и направление, куда смотрит изображение на лицевой стороне медали, обладало значительным символическим смыслом¹.

Нам представляется, что в связи с большей географической интегрированностью советских людей для них травма от распада СССР была чувствительнее, что для людей советского прошлого на субъективном уровне до сих пор проявляется болезненной симптоматикой. Об этом свидетельствует длящееся уже не первое десятилетие чувство ностальгии по советскому прошлому у значительной части российского сообщества [14, с. 51]. Советский Союз прекратил существование под воздействием многочисленных факторов. Тот фактор, который рассматриваем мы, нельзя считать базовым. Но если даже при том уровне пространственной идентичности граждан распад оказался возможным и произошел, то теперешний уровень пространственно-географической идентичности приведет к еще большей толерантности при возникновении в стране дезинтеграционных процессов. Трудно защищать абстракцию под названием Россия, которая в сознании конкретного индивида не смогла оформиться в виде представлений о значительном количестве городов, расположенных на хорошо представляемой территории, и воплощающей в своей целостности единство страны. Фактически местечковость сознания молодежи нашего времени, пространственная несформированность молодых людей — это условие эрозии общероссийской идентичности. При таком ментальном состоянии молодых людей, которые спустя некоторое время выйдут на руководящие позиции в стране, перестают работать или теряют эффективность любые консолидирующие усилия. «Социальная позиция подразумевает определение “идентичности” в рамках системы социальных связей и взаимоотношений; идентичности как “категории”, к которой относится ряд специфических нормативных санкций» [5, с. 141]. Трудно при таком положении дел объединять сферы символически значимого в сознании граждан. Что значит рассказ о победе под Курском в период Великой Отечественной войны, если я не представляю, где город Курск находится, например, относительно места моего проживания?

Изучая рынок, российские туристические агентства стремятся увеличить долю въездного туризма из стран дальнего зарубежья. В ходе исследований выясняется, что бы хотели увидеть потенциальные туристы при посещении нашей страны? Чаще других три первые позиции занимают следующие предпочтения: Москва, Санкт-Петербург, Сибирь. Попытки выяснить, что именно в Сибири желают увидеть иностранцы, наталкиваются на непреодолимую когнитивную проблему. Сибирь в сознании иностранных граждан представлена монолитно без отчетливой дифференциации. Похоже, что и у современной молодежи, по крайней мере у значительной ее части, Россия представляет собой нечто, трудно дифференцируемое с точки зрения географической представленности населенных пунктов страны.

Наша работа не носит обличительный характер в отношении отдельной категории индивидов. Она лишь преследует цель восполнения информации о представлениях молодежи не на основе домысливания и приписывания смыслов, а с опорой на сведения, полученные опытным путем. Поэтому стоит обратить внимание на другие практики конструирования идентичности молодежью. Например, практика конструирования идентичности в наше время проявляется в виртуальной среде, что раньше было невозможно, а также посредством причисления себя к различным субкультурам. Мы коснемся тех практик, которые связаны с урбанистикой, с городами. Например, так называемые «новые городские туристы»

¹ Сидорчик А. За нашу Победу. История самой массовой награды Великой Отечественной [Электронный ресурс] // Аргументы и факты. 09.05.2014. URL: https://aif.ru/society/history/za_nashu_pobedu_istoriya_samoy_massovoy_nagrady_velikoy_otechestvennoy (дата обращения: 20.12.2020).

или «городские разведчики» в ходе исследовательских практик многое узнают и проникаются порой необычными и важными для единомышленников смыслами. К примеру, переживают по поводу экологии «заброшек», их состояния и негативных изменений. По этой причине резко противопоставляют себя мародерам, гопникам и вандалам, разрушающим «заброшки», которые в их сознании представляют ценность. Для сталкеров важен не материальный, а эмоциональный и культурный аспекты потребления заброшенных пространств. Идентичность «городских разведчиков» находится на стыке городского фланерства, экстремального туризма и локального краеведения с элементами археологии нашего времени. При этом чаще подобного рода занятия основываются на альтруистической позиции в отношении объектов получения новых впечатлений [5, с. 137]. Но подобные практики универсальны и легко переносятся на любые территории в мировом масштабе. При этом не формируется идентичность через знание пространства территории страны, как и не происходит использование этого знания для усиления государственной идентичности.

Заключение

Идентичность нам представляется важным элементом механизма интеграции социальных общностей. Национальная идентичность, государственно-гражданская идентичность индивидов оценивается и осмысливается через критерий пространственной представленности городов страны в сознании ее граждан. Результаты социологического зондирования, воплощенного в нашем исследовании некоторой части современной молодежи, показали, что уровень ее пространственной идентичности относительно низкий. Такое положение дел не случайно и обусловлено множественными условиями и факторами. Следствием такого положения дел, вероятно, выступает также и то, что 31% молодых людей, как показало исследование, не идентифицируют себя со статусом гражданина России [7, с. 75].

Еще раз отметим, что мы в своей работе придерживались принципа нейтральности и избегали оценок, например, уровня патриотизма в молодежной среде. Однако считаем, что обнаруженная географическая индетерминированность государственно-гражданской идентичности российской молодежи, на наш взгляд, представляет собой тревожный фактор и вероятный риск для безопасности России. Страна всегда ассоциируется с определенными формами локальности, и законность использования территории, на которой расположена страна, определяется в том числе идентичностью ее граждан. Стоит согласиться с утверждением, что «задача социализации молодежи, а в последующем — результативного и прогрессивного содействия самореализации, заключается в том, чтобы многообразие по содержанию индивидуальных идентичностей по форме интегрировалось в социальное единство граждан государства» [Там же].

В будущем надлежит дополнительно изучить истоки личностной идентичности в обществе нашего времени. Следует лучше понять, насколько государственно-гражданская идентичность растворена в коллективной идентичности социума. Кто имеет больший приоритет в массовом сознании: индивид или наиндивидуальные образования до общества включительно? Как в наше время кодифицировать представления молодежи о стране через конкретное знание территории и населенных пунктов?

Литература

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Г. Николаева. М. : Канон-Пресс-Ц. Кучково поле, 2001. 286 с.
2. Белозёров В. К. Понятия «народ» и «нация» в российском и международном политическом и научном дискурсе // Вестник Российской нации. 2019. № 5. С. 118–125.
3. Бердникова О. Е. Микроурбанизм. Город в деталях. М., 2015.
4. Гамезо М. В. Общая психология. Учебно-методическое пособие / под общ. ред. М. В. Гамезо. М. : Ось-89, 2008.

5. Гидденс Э. Устроение общества. Очерк теории структуризации. 2-е изд. М. : Академический проект, 2005.
6. Головашина О. В. Ассоциативный эксперимент для измерения гражданской идентичности // Социологические исследования. 2015. № 7. С. 64–71.
7. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. М. : ЦСПиМ, 2010.
8. Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2003 годов. М. : Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ-А», 2004.
9. Дробизева Л. М. Общероссийская идентичность и уровень межнационального согласия как отражение вектора консолидационных процессов // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 25–36.
10. Дробизева Л. М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 37–50. DOI: 10.31857/S013216250009460-9.
11. Киреева О. П. Социология в вопросах и ответах : учеб. пособие. М. : КНОРУС, 2006.
12. Лузиков В. К. Территориальный и экстерриториальный принципы в формировании Красной армии // Вестник ТГУ. 2010. № 5. С. 121–128.
13. Магранов А. С., Деточенко Л. С. Гражданская идентичность современной студенческой молодежи: особенности и факторы трансформации // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 108–116.
14. Петрова М. В. Культурный феномен ностальгии по СССР на российском телевидении // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 1. Т. I. (Культурология). С. 51–60.
15. Тишков В. А. [и др.] Идентичность и жизненные стратегии студенчества в России // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 81–87.
16. Эфендиев А. Г. [и др.] Идентичность и профессиональная культура ответственной социологии: опыт библиометрического анализа // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 45–54.

Об авторе:

Передня Дмитрий Григорьевич, профессор кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России (Москва, Российская Федерация), кандидат социологических наук, доцент; 2975829@mail.ru

References

1. Anderson B. Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma / per. s angl. V. G. Nikolaeva. M. : Kanon-Press-Ts. Kuchkovo pole, 2001. 286 s.
2. Belozarov V. K. Ponyatiya «narod» i «natsiya» v rossiiskom i mezhdunarodnom politicheskom i nauchnom diskurse // Vestnik Rossiiskoi natsii. 2019. № 5. S. 118–125.
3. Berdnikova O. E. Mikrourbanizm. Gorod v detalyakh. M., 2015.
4. Gamezo M. V. Obshchaya psikhologiya. Uchebno-metodicheskoe posobie / pod obshch. red. M. V. Gamezo. M. : Os'-89, 2008.
5. Giddens E. Ustroenie obshchestva. Ocherk teorii strukturatsii. 2-e izd. M. : Akademicheskii proekt, 2005.
6. Golovashina O. V. Assotsiativnyi eksperiment dlya izmereniya grazhdanskoi identichnosti // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2015. № 7. S. 64–71.
7. Gorshkov M. K., Sheregi F. E. Molodezh' Rossii: sotsiologicheskii portret. M. : TsSPiM, 2010.
8. Gudkov L. Negativnaya identichnost'. Stat'i 1997–2003 godov. M. : Novoe literaturnoe obozrenie, «VTsIOM-A», 2004.
9. Drobizheva L. M. Obshcherossiiskaya identichnost' i uroven' mezhnatsional'nogo soglasiya kak otrazhenie vektora konsolidatsionnykh protsessov // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2017. № 1. S. 25–36.
10. Drobizheva L. M. Rossiiskaya identichnost': poiski opredeleniya i dinamika rasprostraneniya // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2020. № 8. S. 37–50. DOI: 10.31857/S013216250009460-9.

11. Kireeva O. P. Sotsiologiya v voprosakh i otvetakh : ucheb. posobie. M. : KNORUS, 2006.
12. Luzikov V. K. Territorial'nyi i eksterritorial'nyi printsipy v formirovanii Krasnoi armii // Vestnik TGU. 2010. № 5. S. 121–128.
13. Magranov A. S., Detochenko L. S. Grazhdanskaya identichnost' sovremennoi studencheskoi molodezhi: osobennosti i faktory transformatsii // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2018. № 8. S. 108–116.
14. Petrova M. V. Kul'turnyi fenomen nostalgii po SSSR na rossiiskom televidenii // Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik. 2015. № 1. T. I. (Kul'turologiya). S. 51–60.
15. Tishkov V. A. [i dr.] Identichnost' i zhiznennye strategii studenchestva v Rossii // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2017. № 8. S. 81–87.
16. Efendiev A. G. [i dr.] Identichnost' i professional'naya kul'tura otchestvennoi sotsiologii: opyt bibliometricheskogo analiza // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2016. № 3. S. 45–54.

About the author:

Dmitriy G. Perednya, Professor of Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation (Moscow, Russian Federatoin), PhD in Social Sciences; 2975829@mail.ru

Стратегическое развитие Евразийского экономического союза в эпоху коронакризиса

Храмова А. В.

Институт права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Российская Федерация; halexasha@gmail.com

РЕФЕРАТ

С целью определения возможностей Евразийского экономического союза по преодолению глобального экономического кризиса, связанного с распространением коронавирусной инфекции, и восстановлению экономики в посткоронавирусный период автор проводит SWOT-анализ и раскрывает сильные и слабые стороны евразийской интеграции в контексте внешних вызовов. Евразийский экономический союз имеет фундаментальный базис, который позволяет оперативно принимать антикризисные меры, — это наличие институциональных механизмов взаимодействия на площадке наднационального органа — Евразийской экономической комиссии. При этом предлагается сфокусировать внимание на таких преимуществах объединения, как высокий кадровый и научный потенциал, и приоритизировать развитие информационно-коммуникационных и медицинских технологий, технологий в области энергоэффективности, «зеленой» экономики, что может стать специализацией региона в новое время во избежание попадания в экспортно-сырьевую зависимость от нового экономического лидера — Китая. Актуальность исследования обусловлена ведущейся на площадке Евразийской экономической комиссии работой по подготовке плана мероприятий по реализации Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 г.

Ключевые слова: интеграция, коронавирус, кризис, глобализация, экономика

Для цитирования: Храмова А. В. Стратегическое развитие Евразийского экономического союза в эпоху коронакризиса // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. № 1. С. 124 – 132.

Strategic Development of the Eurasian Economic Union in the Coronacrisis Era

Alexandra V. Khramova

Institute of Law and National Security of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation; halexasha@gmail.com

ABSTRACT

To determine the capabilities of the Eurasian Economic Union to overcome the global economic crisis associated with the spread of coronavirus infection, and to restore the economy in the post-coronavirus period, the author conducts a SWOT analysis and reveals the strengths and weaknesses of Eurasian integration in the context of external challenges. The Eurasian Economic Union has a fundamental basis that allows it to undertake anti-crisis measures quickly — this is the presence of institutional mechanisms of interaction on the platform of a supranational body — the Eurasian Economic Commission. As a result, the author proposes to focus on such advantages of the association as high human and scientific potential; and to prioritize the development of information and communication and medical technologies, energy efficient technologies, a “green” economy, which may become a specialization of the region in the new time, in order to avoid falling into export and commodity dependence on the

new economic leader — China. The relevance of the study is due to the ongoing work of the Eurasian Economic Commission to prepare an action plan for the implementation of the Strategic Directions for the Development of Eurasian Economic Integration until 2025.

Keywords: integration, coronavirus, crisis, globalization, economics

For citing: Khramova A. V. Strategic Development of the Eurasian Economic Union in the Coronacrisis Era // Eurasian Integration: economic, law, politics. 2021. No. 1. Pp. 124 – 132.

Текущий мировой кризис, связанный с распространением коронавирусной инфекции COVID-19, так или иначе затронул практически все население Земли, все государства, он также стал индикатором нерешенных в свое время проблем в области экономики, политики, управления, медицины и образования. Естественной реакцией государств на кризисы такого масштаба является протекционизм и изоляция. Но если во времена глобальных экономических кризисов 2008 и 2015 гг. такое явление затрагивало только экономическую политику, то текущий кризис физически изолировал страны и даже людей друг от друга, начиная с необходимости соблюдения социальной дистанции и заканчивая закрытием государственных границ и практически полным прекращением воздушного сообщения. Таким образом, глобализация, которую многие считали необратимым процессом, в какой-то мере приостановилась, по крайней мере в офлайн-формате.

В то же время ввиду отсутствия возможности физических контактов бизнес, образование, торговля, даже политика практически полностью перешли в онлайн-пространство. Та часть мира, которая имеет доступ к интернету, стала еще более взаимосвязанной. Помимо этого, необходимость разработки вакцины от COVID-19 потребовала кооперации ведущих мировых ученых и медиков. Многие страны оказывали друг другу поддержку в поставках медицинского оборудования и товаров медицинского назначения. Данные процессы усилили технологическую глобализацию.

Если коронакризис стал таким противоречивым явлением для глобализации, то как он подействовал на интеграцию, с учетом того что интеграция, с одной стороны, является проявлением глобализации, а с другой — ответом на ее вызовы?

Очевидно, что в текущих мировых условиях даже ЕС испытывает кризис интеграции. Так, первой реакцией многих государств — членов ЕС, входящих в шенгенскую зону (например, Финляндии, Венгрии, Чехии, Франции, Германии), на распространение коронавирусной инфекции стало немедленное закрытие национальных границ, в том числе для граждан шенгенских стран, то есть, по сути, были восстановлены внутренние границы в рамках зоны Шенгенского соглашения, что продемонстрировало, что в условиях чрезвычайной ситуации каждый выступает сам за себя и значение национальных институтов все еще имеет приоритетное значение. Таким образом, один из столпов европейской интеграции — свобода перемещения граждан — пал в условиях пандемии.

Что уж говорить о молодом, еще не в полной мере окрепшем Евразийском экономическом союзе (далее — ЕАЭС). Если посмотреть на историю его функционирования, которая началась 1 января 2015 г., складывается ощущение, что с самого начала мировые кризисы будто испытывают объединение на прочность. Первый год работы ЕАЭС пришелся на серьезный спад в мировой экономике, связанный с падением мировых цен на нефть, тогда суммарный ВВП государств — членов ЕАЭС сократился на 33%¹.

Не успев достаточно нарастить обороты, на шестой год функционирования ЕАЭС экономики государств-членов (Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Российская Федерация) столкнулись с глобальным кризисом из-за коронавируса. По прогнозам МВФ, спад глобальной экономики в 2020 г. составил -3,5%². ВВП ЕАЭС сократился в январе — сентябре 2020 г. по отношению к соответствующему периоду 2019 г. на 3,3%, объем внешней торговли со странами вне ЕАЭС — на 16,4%, объем взаимной торговли в рамках ЕАЭС — на 11,5%, промышленное производство в 2020 г. уменьшилось на 2,7%, оборот розничной торговли — на 4,1%, объем перевозок

¹ Евразийский экономический союз в цифрах. Краткий статистический сборник. М. : Евразийская экономическая комиссия, 2016. С. 18.

² World Economic Outlook Update. International Monetary Fund, January 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/01/26/2021-world-economic-outlook-update> (дата обращения: 18.02.2021).

груза всеми видами транспорта — на 6,1%, но беспрецедентное сокращение коснулось перевозок пассажиров всеми видами транспорта — на 44,3%, а также показателей безработицы — число безработных увеличилось в 3,3 раза¹.

SWOT-анализ, представленный в следующей таблице, позволит оценить воздействие коронакризиса на ЕАЭС, возможности объединения по преодолению угроз и наращиванию своего экономического потенциала, в том числе с учетом принятия Стратегических направлений.

Таблица

SWOT-анализ положения ЕАЭС в условиях коронакризиса²
Table. SWOT-analysis of the EAEU in the Context of Coronavirus Crisis

Слабые стороны ЕАЭС	Сильные стороны ЕАЭС
— преобладание сырьевой экономики и недостаточная развитость легкой промышленности; — зависимость от экспорта технологий, товаров медицинского назначения, критически важных продуктов питания и сельскохозяйственной продукции; — недостаточное финансирование медицины; — неравномерный доступ к информационно-коммуникационным и медицинским технологиям; — объем взаимной торговли в рамках ЕАЭС существенно меньше объема внешней торговли; — сильная зависимость от глобальной конъюнктуры рынка; — сильная волатильность национальных валют; — нестабильная политическая ситуация в большинстве государств — членов ЕАЭС; — санкции в отношении России и Беларуси; — отсутствие определенной евразийской идентичности	— выработаны механизмы институционального взаимодействия; — наличие наднационального органа — ЕЭК как площадки для оперативного решения проблем; — функционирует антикризисный Евразийский фонд стабилизации и развития; — политическая воля как основной фактор интеграции; — высокая роль государства в экономике, что является преимуществом в кризисные времена; — поддержка интеграции населением; — общность цивилизационных основ; — объединительная роль русского языка; — высокий научный потенциал; — правовая база ЕАЭС включает все необходимые меры и механизмы развития интеграции и борьбы с коронакризисом; — обширность и климатическое разнообразие территорий, позволяющих выращивать различные сельскохозяйственные культуры; — обеспеченность различными природными ресурсами для развития промышленности; — транзитный потенциал и единство таможенной территории между Европой и Азией; — добрососедские отношения с Китаем.
Угрозы для ЕАЭС	Возможности для ЕАЭС
— мутация коронавируса, которая может нивелировать пользу разработанных Россией вакцин; — протекционизм и изоляция, снижение инвестиционной активности в мире; — введение нового пакета санкций и вторичных санкций (против стран, взаимодействующих с Россией и Беларусью); — противодействие тесному сотрудничеству с Китаем со стороны Запада; — становление сырьевым “придатком” растущей экономики Китая	— повышение востребованности и улучшение имиджа России и ЕАЭС в связи с разработкой вакцины против коронавируса; — использование пандемии в целях смещения фокуса в сторону развития инноваций, биотехнологий, цифровых и медицинских технологий, “зеленой” экономики, энергоэффективности, что будет крайне востребовано в мире в ближайшем будущем; — устранение барьеров, изъятий и ограничений, а также импортозамещение как нераскрытые потенциалы внутреннего экономического роста; — развитие телемедицины для доступа граждан к передовым возможностям медицины независимо от места жительства; — цифровизация образования, трудоустройства и трудовой деятельности как фактор повышения занятости; — развитие регионов за счет продвижения евразийского туризма в условиях глобального локдауна

Коронакризис высветил многие проблемы ЕАЭС.

Главным недостатком является преобладание сырьевой экономики, недостаточная развитость легкой промышленности, в том числе производства товаров медицинского назначения: все мы помним продолжительный дефицит одноразовых масок и антисептиков весной 2020 г. Вследствие этого наблюдается

¹ Основные социально-экономические показатели Евразийского экономического союза, январь — декабрь 2020 года. Экспресс-информация Евразийской экономической комиссии 12 февраля 2021 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Brief_Indicators/Brief_indicators2020_12.pdf (дата обращения: 18.02.2021).

² Составлено автором.

зависимость от импорта как материалов для производства товаров медицинского назначения (респираторов, защитных очков, резиновых перчаток, боксов и носилок для транспортировки пациентов), так и самих товаров (пипеток одноразовых, эндоскопов, термометров электронных), которые, важно заметить, не являются высокотехнологичными товарами.

Кроме того, 2020 г. продемонстрировал недостаточную развитость сельскохозяйственного сектора, зависимость от импорта продуктов питания (детское питание, соки) и сельскохозяйственной продукции, которая при этом имеет достаточный потенциал произрастания на территории государств — членов ЕАЭС (картофель, лук, чеснок, капуста, морковь, перец, рожь, гречиха).

Хотя эпидемия коронавируса стала непредсказуемым явлением, к нему оказалась не готова даже сама медицина, в том числе в том, что касается планового обследования и лечения иных заболеваний, не связанных с коронавирусом. Возможной причиной является недостаточное или неэффективное финансирование здравоохранения в последние годы, а также неравный доступ некоторых регионов к современным медицинским технологиям.

Неравномерность доступа к информационно-коммуникационным технологиям и интернету в целях осуществления дистанционной работы или обучения также сказалась на состоянии экономики и занятости ЕАЭС.

Также часто ЕАЭС критикуют за то, что объем взаимной торговли в рамках объединения существенно меньше объема внешней торговли. Действительно, объем взаимной торговли в 2020 г. составил 54 млрд долл. США¹, в то время как объем внешней торговли — 622 млрд долл. США². Отсюда сильная зависимость от глобальной конъюнктуры рынка, в котором сейчас преобладают протекционизм, изоляция и снижение инвестиционной активности, и волатильность национальных валют.

Кроме того, в последнее время для большинства государств — членов ЕАЭС характерна нестабильная политическая ситуация, которая усугубляется санкциями в отношении России и Беларуси и вторичными санкциями против государств, сотрудничающих с ними.

Наконец, многие исследователи называют недостатком ЕАЭС отсутствие какой-либо определенности в понятии «евразийская идентичность». Казалось бы, какое отношение имеет столь философская категория к вопросу противостояния ЕАЭС коронавирусу? Выявление, фиксация и усиление общеевразийских ценностей способствовали бы единению народов перед лицом внешней угрозы, как это было с теми же евразийскими народами (тогда гражданами СССР) во время Великой Отечественной войны. В тот самый исторический период победа была обусловлена не только борьбой советского народа за выживание, но и за сохранение советской идеологии, права на расовое многообразие (в противовес фашизму) и дружбу народов. Понятие идентичности включает в себя такую составляющую, как менталитет. Так, показателен пример Китая, в котором и началась эпидемия коронавируса, но который смог купировать угрозу благодаря жестким государственным мерам, тотально ограничившим свободу человека (закрытие общественных мест, присвоение категорий опасности каждому человеку, увольнения, массовые тестирования и т. д.), и самому китайскому народу, в восточном менталитете которого, как известно, заложен приоритет государственного и общественного над индивидуальным. Западные страны с их демократическими ценностями, как мы можем наблюдать, гораздо менее эффективно справляются с пандемией. Показатели заболевших на 1 млн чел. в государствах — членах ЕАЭС распределены неравномерно: в Армении — 57 708, в Беларуси — 29 790, в Казахстане — 13 848, в Киргизии — 13 163, в России — 28 227 чел.³ Вероятными причинами такого разброса может являться разница в предпринимаемых мерах, ситуации в экономике и медицине, а также в менталитете: как видно, в более «восточных» странах ситуация лучше. В целом, как отмечает профессор А. Н. Михайленко, «прочная идеологическая

¹ Объемы, темпы и пропорции развития взаимной торговли государств — членов ЕАЭС. Официальный сайт Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/intra/Documents/2020/12/I202012_1.pdf#view=fitV (дата обращения: 22.02.2021).

² Итоги внешней торговли ЕАЭС с третьими странами. Официальный сайт Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extra/Documents/2020/12/E202012_1_1.pdf (дата обращения: 22.02.2021).

³ [Электронный ресурс]. URL: <https://news.google.com/covid19/map?hl=ru&gl=RU&ceid=RU%3Aru> (дата обращения: 24.02.2021).

сцепка позволит серьезно укрепить евразийский интеграционный проект. Это создаст возможность гражданам стран Союза понимать и разделять его цели, увязывать свои перспективы и будущее с Союзом, активно подключаться к решению стоящих перед интеграционным объединением задач» [5, с. 2787].

Тем не менее в разгар пандемии руководству государств — членов ЕАЭС удалось максимально оперативно решать возникающие вопросы именно благодаря наличию отлаженных институциональных механизмов и наднационального органа — Евразийской экономической комиссии. Совместные антикризисные и стабилизационные меры включали:

- создание «зеленого коридора» для импорта критически важных товаров (временное обнуление ставок ввозных таможенных пошлин, упрощение таможенных процедур при оформлении, первоочередное осуществление таможенных операций в отношении товаров, необходимых для предупреждения и ликвидации последствий пандемии);
- временное введение ограничений на экспорт критически важных товаров в третьи страны;
- создание механизмов оперативных консультаций на разных уровнях;
- разрешение выпуска в обращение на таможенной территории ЕАЭС лекарственных средств и медицинских изделий, предназначенных для экспорта;
- реализация совместных мероприятий по созданию противовирусных препаратов и вакцин и налаживанию их массового производства;
- комплекс мер по цифровизации торговли;
- мониторинг и оперативное принятие решений в случае необоснованного роста цен в связи с волатильностью обменных курсов;
- оказание Евразийским фондом стабилизации и развития кредитного содействия в целях макроэкономической стабилизации¹.

Более того, именно в этот непростой для экономики период были приняты Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 г.² (далее — Стратегические направления), задачей которых является повышение эффективности работы не только в традиционных сферах интеграции (таких, как промышленность, сельское хозяйство, энергетика, государственные закупки, конкуренция и антимонопольное регулирование, цифровая политика и т. д.), но и в таких секторах, как научно-техническое сотрудничество, здравоохранение, образование, туризм, спорт. Данное событие является прорывным для интеграционных процессов в ЕАЭС, поскольку документ пересматривает некоторые установленные Договором о ЕАЭС от 29 мая 2014 г. нормы (вносит 25 поправок), а также раскрывает потенциал интеграции для людей, чему раньше было уделено недостаточное внимание. Например, предполагается сближение квалификаций специалистов различных профессий, создание единой информационной системы в области образования, трудоустройства, которые позволят людям быть более востребованными на трудовом рынке ЕАЭС, что особенно актуально ввиду уже упомянутого роста безработицы вследствие распространения коронавируса.

Для реализации Стратегических направлений ЕАЭС обладает всеми необходимыми параметрами: большая территория, расположенная в различных климатических зонах, позволяет выращивать различные сельскохозяйственные культуры; высокая степень обеспеченности природными ресурсами является серьезной предпосылкой для развития обрабатывающей промышленности; значительный кадровый и научный потенциал (именно здесь была разработана вакцина от коронавируса); весомым преимуществом является транзитный потенциал и единство таможенной территории между Европой и Азией, а также добрососедские отношения с первой экономикой мира — Китаем.

Несмотря на трудный период для интеграции, ЕАЭС продвинулся по международной повестке и остается интересным для других стран партнером. Так, статус государства-наблюдателя получили Республика

¹ О предпринимаемых в рамках Евразийского экономического союза мерах, направленных на обеспечение экономической стабильности в условиях развития пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 : распоряжение Евразийского межправительственного совета от 10 апреля 2020 г. № 6.

² О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года: решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г. № 12.

Узбекистан и Куба, продвинулись переговоры о заключении зоны свободной торговли с Ираном, Индией и другими странами, был подписан Меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Секретариатом Шанхайской организации сотрудничества.

Все это говорит, с одной стороны, о большой политической воле, на которую опирается этот проект, но, с другой стороны, никакая политическая воля не смогла бы сдержать дезинтеграционные тенденции пяти государств, если бы проект не содержал в себе текущих и стратегических выгод: экономических, социальных, имиджевых, геополитических — своих для каждого государства-члена. Более того, представляется, что евразийская интеграция имеет более глубокие основы, чем современный формат экономического союза, во многом повторяющего ЕС, это проект глубокого цивилизационного значения, в первую очередь для народов государств-членов, поскольку они имеют длительную историю совместного проживания на евразийском пространстве, культурного и бытового взаимодействия, защиты своей территории от внешних завоевателей, многие владеют русским языком, выполняющим объединительную роль. Согласно опросу Евразийского банка развития 2017 г., поддержка ЕАЭС в государствах-членах достаточно высокая (несмотря на некоторое снижение по сравнению с 2014 г. — годом подписания Договора о ЕАЭС): в Армении положительное отношение к ЕАЭС наблюдается у 50% жителей, в Беларуси — у 56%, в Казахстане — у 76%, в Кыргызстане — у 83%, в России — у 68%¹. Вероятно, текущие политические и экономические события несколько изменяют данные показатели, но задача ЕАЭС заключается в том, чтобы продемонстрировать заботу о гражданах и создать выгодные условия для бизнеса. В каком-то смысле ЕАЭС является методом извлечения экономической пользы из исторической и культурной близости государств-членов.

Итак, какими возможностями обладает ЕАЭС для эффективного функционирования и стратегического развития в эпоху коронакризиса?

Цифровая повестка ЕАЭС была вовремя включена в сферу интеграции, благодаря чему многие процессы были автоматизированы, что, в свою очередь, облегчило прохождение таможенных и иных формальностей, в том числе в разгар пандемии. Необходимо максимально перевести все возможные операции в цифровой режим, в том числе в сфере государственных закупок, обеспечении качества продукции и прослеживаемости товаров, а также добиться взаимного признания электронной цифровой подписи. С учетом роста рынка электронной торговли, особенно на фоне карантинных мер, важно на должном уровне обеспечить защиту прав потребителей и защиту интеллектуальной собственности.

Научно-техническое сотрудничество, разработка цифровых и медицинских технологий, технологий в области энергоэффективности, стимулирование «зеленой» экономики находятся сейчас в фокусе внимания ЕАЭС. Созданы механизмы взаимодействия между ведущими научными организациями и высокотехнологичными компаниями государств-членов — евразийские технологические платформы. Например, евразийская биомедицинская технологическая платформа может получить новый стимул развития проектов. Разработка и совершенствование вакцины против коронавируса и его мутлирующих штаммов, вероятно, повысят востребованность и улучшат имидж России и ЕАЭС.

Достижения в медицине (в том числе телемедицине), экологии, возобновляемой энергетике и цифровых технологиях могут быть очень востребованы в мире в новое время. Это могло бы стать новой специализацией ЕАЭС на глобальном рынке во избежание экспортно-сырьевой зависимости от набирающего силу Китая и крупного интеграционного объединения, возникшего по инициативе Китая в 2020 г., — Всестороннего регионального экономического партнерства.

Что касается Китая, то необходимо использовать выгоды соседства с таким партнером в части транзита товаров, а также формировать кооперационные связи в высокотехнологичных отраслях и использовать инвестиционные возможности этой страны, как предлагает академик С. Ю. Глазьев в сценарии «Российско-китайское стратегическое партнерство» книги «Битва за лидерство в XXI веке. Россия — США — Китай. Семь вариантов обозримого будущего»: «Разрабатываются общие планы развития, реализуются крупные совместные инвестиционные проекты, наполняется реальным содержанием сопря-

¹ Интеграционный барометр ЕАБР. СПб. : ЦИИ ЕАБР, 2017. С. 9.

жение ЕАЭС и ЭШП (Экономический пояс Шелкового пути). Создается Большое Евразийское партнерство. Российская высокотехнологическая продукция осваивает китайский рынок. Россия подключается к ядру нового центра роста мировой экономики» [2, с. 327–328].

Устранение барьеров, изъятий и ограничений облегчит процесс выхода местного бизнеса в страны — партнеры по ЕАЭС и сократит издержки, что особенно важно после того, как он понес существенные потери в 2020 г.

Реализация совместных проектов по импортозамещению предотвратит дефицит критически важных товаров в случае нового глобального кризиса или нового пакета санкций, направленных против какого-либо из государств — членов ЕАЭС (вероятно, России или Беларуси). Стимулирование кооперации и разработка инструментов поддержки экспорта как никогда важна именно сегодня, когда глобальный рынок имеет тенденцию к замыканию и протекционизму.

Создание Евразийской электронной биржи труда и унифицированной системы поиска «Работа без границ» позволит использовать возможности более емкого, по сравнению с национальным, евразийского рынка труда, предотвратит распространение нелегальной трудовой миграции и «утечку мозгов» на фоне колоссального роста безработицы по итогам 2020 г.

Переход на дистанционные технологии в образовании расширит доступ к образовательным услугам и решит проблему необходимости очного посещения образовательных учреждений в период обострения пандемии.

Расширение сотрудничества между государствами — членами ЕАЭС в области туризма, создание евразийских туристических маршрутов на фоне закрытия для туристов большинства стран мира могут внести существенный вклад в ВВП ЕАЭС и привести к притоку капитала в отдаленные регионы.

Особенно актуальными в свете последних событий представляются меры по кооперации в сфере здравоохранения, например, стимулирование совместных исследований и инновационных разработок по профилактике, диагностике и лечению инфекционных заболеваний с эпидемическим потенциалом.

В целом большой потенциал для восстановления экономики ЕАЭС после коронакризиса имеет реализация принятых Стратегических направлений, поскольку, во-первых, документ готовился как раз в разгар пандемии и многие актуальные вопросы нашли свое отражение в нем, а во-вторых, изначальной целью его подготовки был «прорыв» в интеграции и достижение высоких экономических показателей. В первом квартале 2021 г. должен быть принят план мероприятий по реализации Стратегических направлений¹. Принципиально важно, чтобы данные мероприятия были конкретными и действенными, уточняли общие формулировки, указанные в Стратегических направлениях.

Таким образом, распространение коронавирусной инфекции является испытанием для любой страны или объединения. Однако исследователи предсказывают новые кризисы [1], которые последуют за пандемией, ввиду того что мир сегодня находится в ситуации трансформации и перехода к новому технологическому укладу [3] и изменению расстановки сил со смещением основного экономического и — в скором времени — политического потенциала в Азию. Кроме того, существуют опасения ученых, что вскоре «дуга нестабильности» активизируется уже в рамках ЕАЭС, имея в виду, например, «тлеющий пожар в Нагорном Карабахе» [4].

ЕАЭС следует учитывать это и не просто быть готовым к новым вызовам, но и по мере возможности извлекать возможные выгоды из ситуации. Для этого необходимо преодолеть внутренние дисбалансы, справиться с политическими проблемами и приспособиться к новым условиям ведения бизнеса и деловой активности, опираясь на свои сильные стороны и развивая их.

Литература

1. Барабанов О. Н., Бордачев Т. В., Лисоволик Я. Д. [и др.] Не одичать в «осыпающемся мире». Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». 2020. С. 16–17.

¹ О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года : решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г. № 12.

2. Глазьев С. Ю. Битва за лидерство в XXI веке. Россия — США — Китай. Семь вариантов обозримого будущего. М. : Книжный мир, 2017.
3. Глазьев С. Ю. Формирование нового мирохозяйственного уклада на евразийском пространстве. Доклад Ялтинского цивилизационного клуба «Стратегия становления устойчивого многополярного мироустройства на базе партнерства цивилизаций». 2017. С. 463–499.
4. Кефели И. Ф., Колбанев М. О., Малафеев О. А., Плебанек О. В. Проект «Большая Евразия» в контексте междисциплинарного дискурса // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. № 4. С. 90.
5. Михайленко А. Н. Векторы развития евразийской интеграции // Вопросы политологии. 2020. С. 2781–2792.

Об авторе:

Храмова Александра Владимировна, соискатель Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Российская Федерация); halexasha@gmail.com

References

1. Barabanov O. N., Bordachev T. V., Lisovolik Ya. D. [i dr.] Ne odichat' v «osypayushchemsya mire». Doklad Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdai». 2020. S. 16–17.
2. Glaz'ev S. Yu. Bitva za liderstvo v XXI veke. Rossiya — SShA — Kitai. Sem' variantov obozrimogo budushchego. M. : Knizhnyi mir, 2017.
3. Glaz'ev S. Yu. Formirovanie novogo mirokhozyaistvennogo uklada na evraziiskom prostranstve. Doklad Yaltinskogo tsivilizatsionnogo kluba «Strategiya stanovleniya ustoychivogo mnogopolyarnogo miroustroistva na baze partnerstva tsivilizatsii». 2017. S. 463–499.
4. Kefeli I. F., Kolbanev M. O., Malafeev O. A., Plebanek O. V. Proekt «Bol'shaya Evraziya» v kontekste mezhdistsiplinarnogo diskursa // Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika. 2020. № 4. S. 90.
5. Mikhailenko A. N. Vektory razvitiya evraziiskoi integratsii // Voprosy politologii. 2020. C. 2781–2792.

About the author:

Alexandra V. Khramova, Applicant for a degree of Institute of Law and National Security of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation); halexasha@gmail.com

Политические проблемы и ракурсы безопасности: состояние и перспективы¹

Саямов Ю. Н.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация; y.sayamov@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются политические проблемы и актуальные ракурсы состояния и перспектив безопасности. Выделяется безопасность человека как глобальная проблема, важность которой была подтверждена поразившей мир пандемией коронавируса COVID-19. Отмечается растущая сложность мира и отставание человека в ее понимании, включение в повестку дня вопроса о путях и возможностях преодоления этого разрыва, который получил название «человеческий пробел» (human gap). Обращается внимание на то, что традиционная парадигма обеспечения безопасности оказывается не способной справиться с возникающими угрозами существованию современной цивилизации. Указывается, что обеспечение безопасности человека является неотъемлемой составной частью глобальной повестки развития. Анализируется евразийский вектор развития в контексте проблемы глобальной безопасности. Высказываются предложения направить усилия ученых на научное обсуждение этой проблемы, приводятся примеры научных мероприятий в России в сотрудничестве с ЮНЕСКО, Всемирной академией искусства и науки и Римским клубом. *Ключевые слова:* безопасность человека, COVID-19, человеческий пробел, глобальная повестка развития, Евразийский вектор, ЮНЕСКО, Всемирная академия искусства и науки, Римский клуб

Для цитирования: Саямов Ю. Н. Политические проблемы и ракурсы безопасности: состояние и перспективы // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. № 1. С. 133 – 145.

Political Problems and Angles of View on Security: Present State and Prospects

Yury N. Sayamov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; y.sayamov@yandex.ru

ABSTRACT

The article considers political problems and current angles of views on the state and prospects of security. Human security is highlighted as a global problem. Its importance was confirmed by the COVID-19 pandemic that broke out in the world. The author pointed out the growing world's complexity and the human lag in its understanding. It has led to the inclusion in the global agenda of the question how to bridge this "human gap". Attention is drawn to the fact that the current paradigm of safety assurance, is not able to cope with the emerging threats to the existence of the contemporary civilization. It is suggested that the task of ensuring human security should be considered as an integral part of the global development agenda. The author analyzes Eurasian vector of development in the context of the global security problem. It is proposed to direct the efforts of scientists to the scientific discussion of this problem, including the scientific events held in this regard in Russia in cooperation with UNESCO, the World Academy of Art and Science and the Club of Rome.

¹ Выполнено в рамках проекта РФФИ № 19-014-00001 «Управление социальными трансформациями в контексте глобальных процессов и проблем».

Keywords: human security, COVID-19, human gap, global development agenda, Eurasian vector, UNESCO, World Academy of Art and Science, Club of Rome

For citing: Sayamov Y. N. Political Problems and Angles of View on Security: Present State and Prospects // Eurasian Integration: economic, law, politics. 2021. No. 1. Pp. 133 – 145.

Разразившаяся пандемия коронавируса вкупе с глобальным кризисом и нарастающей опасностью охвативших мир «горячих» конфликтов и «холодных» противостояний заставила человечество серьезно задуматься о ценности человеческой жизни и обнаружившейся неспособности государств и международных организаций ее эффективно защитить.

Мир постоянно усложняется, и человек стал отставать в понимании происходящих процессов. Проблема, которую стали называть «человеческим пробелом» (human gap)¹, быстро распространилась на новые скрытые угрозы для безопасности человека, таящиеся в расширении применения искусственного интеллекта (ИИ) в самых различных областях, в технологиях, используемых устройствах, средствах, способах и продуктах. Человек все чаще становится неспособным разобраться в их сути и возможных последствиях, оценить, насколько безопасно их использование.

В контексте проблем безопасности человека остро проявились вопросы современной этики, в особенности поведенческой этики, биоэтики, этики науки и искусственного интеллекта. Искусственно насаждаемая псевдо-толерантность, подрывая устои общества, все более отчетливо обнаруживала реальные экзистенциальные риски и вызовы для всего человечества.

Далеко не случайно генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш использовал пугающие персонажи Откровений Иоанна Богослова, назвав «четырьмя всадниками Апокалипсиса» проблемы, которые в настоящее время наиболее угрожают человечеству. В их число он включил геополитическую напряженность, климатические изменения, глобальное недоверие и злоупотребление новыми технологиями, заявив, что мир приближается к точке невозврата. Первый всадник, отметил он, предстает в обличье очень высокой и продолжающей усиливаться геополитической напряженности. Растет угроза глобальной конфронтации и гибели человечества в результате применения ядерного и другого оружия массового уничтожения. Террор собирает свою все более обильную кровавую жатву. Военные конфликты и различные угрозы и притеснения заставляют все больше людей покидать свои дома и множить массовую миграцию, достигшую самых высоких уровней за весь период после Второй мировой войны. Разворачиваются ожесточенные торгово-экономические, технологические и информационные войны в борьбе за ресурсы и влияние.

Вторым всадником выступает глобальный климатический кризис, вместе с деградацией окружающей среды ставящий под вопрос дальнейшее существование человека и миллионов видов живых существ на Земле.

Третьим всадником является катастрофическое снижение уровня доверия в обществе, которое возникает от социального неравенства, дискриминации, двойных стандартов и разочарования в политических институтах и провозглашаемых ими ценностях.

Четвертая глобальная угроза видится в обратной стороне формирующегося цифрового мира, в котором технологический прогресс идет быстрее, чем способности человека ему соответствовать или даже его осознавать².

Качество жизни человека заметно меняется с развитием и совершенствованием технологий, которые приносят огромные блага, но вместе с ними и огромный вред. В настоящее время стало очевид-

¹ Эта проблема была первоначально описана еще в 1979 г. в докладе Римскому клубу «Нет пределов образованию. Преодолевая человеческий пробел». No Limits to Learning. Bridging the Human Gap. Report to the Club of Rome [Электронный ресурс]. Oxford : Pergamon Press, 1979. 159 p. ISBN 0-08-024705-9. URL: <https://clubofrome.org/publications/no-limits-to-learning-1979/> (дата обращения: 09.11.2020).

² Антониу Гутерриш. Обращение к Генеральной Ассамблее ООН о приоритетах Генерального секретаря ООН на 2020 год. Нью-Йорк, 22 января 2020 г. Guterres A. Remarks to the General Assembly on the Secretary General's priorities for 2020 // Официальный сайт ООН. 22.01.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/speeches/2020-01-22/remarks-general-assembly-priorities-for-2020> (дата обращения: 18.04.2020).

ным происходящее перепрограммирование цивилизационных процессов, которое осуществляется на цифровых платформах в интересах элиты против интересов большинства. Нарастает манипулятивное воздействие на сознание человека, которое подчас незаметно для него постепенно переформируется под влиянием целенаправленно выстроенной информации. При этом использование вымыслов и исторических фальсификаций, которое ранее осуждалось как недобросовестное и считалось неприемлемым, сегодня стало привычным и широким распространенным способом действий манипуляторов. Ими же активно разрушаются моральные и этические принципы, на которых зиждилось построение человеческого общества. Взамен навязываются альтернативы, противоречащие природе человека и его предназначению в жизни. В жизни человечества утверждаются неизвестные ранее цифровые преступления и возможности для разжигания розни и ненависти, «нового рабства», закабаления и эксплуатации людей, для массового и постоянного вторжения в их частную жизнь. На этом негативном и опасном фоне происходит отчуждение человека, его дегуманизация и десоциализация.

Несколько позже Генеральный секретарь ООН дополнил использованный им библейский образ, назвав охватившую мир пандемию коронавируса «пятым всадником Апокалипсиса», который добавился к четырем другим и умножил разрушительную силу каждого из них. Он отметил, что человечество столкнулось не только с глобальным кризисом здравоохранения, но и с крупнейшим спадом мировой экономики со времен Великой депрессии 1929–1933 гг. Страны переживают потрясения, предупредил генсек, колеблется и без того непрочный фундамент, на котором стоит мир, находящийся в состоянии стресса и нуждающийся в глобальном лидерстве¹.

Сегодня фокус внимания мирового сообщества наряду с неизменно актуальными вопросами глобальной безопасности все более обращается к проблеме обеспечения безопасности конкретно каждого человека. Стало очевидным, что государства, столкнувшись с неожиданно разразившейся пандемией коронавируса, явно не справились с этой проблемой. Одновременно пришло осознание, что биологическим путем человечество может быть уничтожено не в меньшей степени эффективным образом, чем посредством атомного оружия, причем без разрушения объектов инфраструктуры и других материальных ценностей.

Вокруг человека все более плотно сжимается кольцо глобальных угроз современного мира, которое включает в себя геополитические, экономические, социальные, технологические и экологические риски для выживания человечества. Полностью подтвердился мрачный прогноз Всемирного экономического форума о том, что в 2020 г. усилится протест гражданского общества против углубляющегося социального неравенства, усугубится нестабильность геополитической среды и увеличится количество кибератак².

«Нынешняя парадигма, посредством которой наиболее влиятельные страны стремятся обеспечить безопасность, не способна справиться с многими динамическими угрозами выживанию современной цивилизации», — считает президент Института глобальной безопасности Джонатан Гранофф³. Первый долг государства — служить своим гражданам и защищать их сегодня не может быть адекватно удовлетворен только акцентом на военную мощь. Необходимо противостоять угрозам деградации окружающей среды, а также обеспечивать личное здоровье и благополучие людей. На самом деле подход к безопасности, основанный на военной силе, скорее усугубляет неблагоприятные условия, чем поощряет сотрудничество, необходимое для обеспечения устойчивой жизни и развития, полагает исследователь. Более целесообразно, по его мнению, использовать научный подход, основанный на понимании необходимости жизни в гармонии с природным миром, уважении и защите его регенеративных процессов, а также осуществлении политики и практики в соответствии с ценностями Всеобщей декларации прав человека, которая защищает его неотъемлемое достоинство⁴.

¹ Генсек ООН предупредил о близком Апокалипсисе из-за пандемии COVID-19 [Электронный ресурс] // ТВЦ 22.09.2020. URL: <https://www.tvc.ru/news/show/id/193101/> (дата обращения: 30.09.2020).

² The Global Risks Report 2020, 15th Edition // World Economic Forum. Geneva, 2020. Pp. 4–5.

³ Granoff Johathan. President, Global Security Institute. Approaching Human Security // CADMUS, Scientific Journal of the World Academy of Art and Science (WAAS). V. 4, No. 3, November 2020, 1–4. P. 1.

⁴ Ibid. P. 2.

Осознание существующих в настоящее время неоспоримых экзистенциальных глобальных угроз для человечества, исходящих от климатических изменений, пандемических заболеваний, оружия массового уничтожения, а также повседневного воздействия на людей голода, нищеты, безработицы, преступности, социального дефицита и неравенства, политического угнетения и несправедливости, необходимо для разработки, принятия и осуществления эффективных и реалистичных решений. Все множество проблем безопасности человека, порождающих в своем многообразии причины и условия существующей опасной глобальной нестабильности, не может быть решено только военными средствами. Экономические и интеллектуальные усилия, вкладываемые в обеспечение безопасности государства, защиту его территории от агрессии и продвижение национальных интересов, нуждаются в комплексном подходе, который смог бы переориентировать энергию, ресурсы и показатели успеха на человека, на природную и социальную среду, в которой он существует.

Необходимо подходить к обеспечению безопасности человека не только в том, что касается его защиты от внешних угроз и насилия любого рода и происхождения, но и в плане его социальной, моральной и духовной безопасности. Безопасность человека важно рассматривать как неотъемлемую составную часть глобальной повестки, сформулированной в резолюции A/RES/70/1 Генеральной Ассамблеи ООН от 25 сентября 2015 г. «Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года»¹. Достижение любой из 17 целей устойчивого развития и 169 задач их реализации тесно связано с проблематикой обеспечения безопасности человека, но пока еще далеко не всегда и не везде является составляющей реальной политики безопасности государств. Недавнее учреждение должности специального представителя Президента Российской Федерации по связям с международными организациями для достижения целей устойчивого развития свидетельствует о возросшем внимании России к этой проблематике².

«Хочешь мира — готовься к войне», — гласит древнеримская максима, которая, однако, представляется не очень пригодной для формирования современной концепции обеспечения безопасности человека в мире, способном многократно уничтожить себя в глобальной конфронтации. Известно, что подготовка к войне способна ее генерировать, и это уже неоднократно подтверждалось в истории человеческой цивилизации. «Мысли о войне возникают в умах людей, поэтому в сознании людей следует укоренять идею защиты мира», — записано в преамбуле Устава ЮНЕСКО³.

Неблагоприятные условия для достижения безопасности человека создает навязчивое стремление к глобальному доминированию, желание «управлять миром» и «сесть во главе стола», о котором открыто заявил Д. Байден в своей президентской программе. Путь дипломатии и переговоров для достижения договоренностей и разрешения конфликтных ситуаций, открывающих возможности сотрудничества на основе взаимного учета интересов и верховенства права, замещается подходом «с позиции силы». Именно с этой позиции предложила вести диалог с Россией министр обороны ФРГ госпожа А. Крамп-Карренбауэр, выступая в Бундестаге 25 ноября 2020 г. в годовщину 75-летия разгрома гитлеровской Германии⁴.

Как министр обороны государства, развязавшего в прошлом столетии «с позиции силы» две мировые войны и дважды потерпевшего сокрушительное поражение, она должна была бы отдавать себе отчет, что следующая после Бисмарка и Гитлера фатальная ошибка в отношении России обернется в современных условиях для Германии ее полным уничтожением.

Стремление к мировой гегемонии, которое США унаследовали от некогда могущественной Британской империи, оказавшейся, впрочем, неспособной, как и другие претенденты на мировое господ-

¹ Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года : резолюция A/RES/70/1 Генеральной Ассамблеи ООН от 25 сентября 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/RES/74/223> (дата обращения: 02.12.2020).

² Президент России Владимир Путин назначил спецпредставителя президента по связям с международными организациями для достижения целей устойчивого развития [Электронный ресурс] // РИА Новости. 05.12.2020. URL: <https://ria.ru/20201205/chubays-1587771571.html> (дата обращения: 02.12.2020).

³ Коротко о ЮНЕСКО: миссия и мандат [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.unesco.org/about-us/introducing-unesco> (дата обращения: 02.12.2020).

⁴ В Германии призвали к диалогу с Россией «с позиции силы» [Электронный ресурс] // Известия. 26.12.2020. URL: <https://iz.ru/1092306/2020-11-26/v-germanii-prizvali-k-dialogu-s-rossiei-s-pozitsii-sily> (дата обращения: 02.12.2020).

ство, реализовать свои планы в этом отношении, оформлялось в различные концепции. В 1970-е гг. была выдвинута теория «гегемонической стабильности», обеспечиваемой государством, которое выступает гегемоном, если контролирует сырьевые ресурсы, источники капитала, рынки и обладает конкурентными преимуществами в производстве наиболее значимой в научно-техническом и стоимостном выражении продукции¹. Автор термина, которым считается профессор Гарвардского университета Роберт Кохейн, понимает, отводил роль гегемона Соединенным Штатам Америки. С подобными идеями выступал также профессор Принстонского университета Роберт Гилпин, предпочитая из политкорректности говорить о «стабильности лидерства», основанной на общности политических и экономических интересов гегемона и других стран, прежде всего его союзников. Он полагал, что расшатывание такой общности в результате противоречий между гегемоном и другими странами значительно ослабляет возможности практиковать такую стабильность².

Американский политолог Джозеф Най дополнил эти взгляды, подхваченные администрацией США, рассуждениями о необходимости доминирования одной державы как в экономическом, так и в военно-политическом отношении для достижения стабильности всей системы международных отношений. В то же время Р. Кохейн и Дж. Най были вынуждены признать, что в мире нарастает тенденция противодействия американскому доминированию³.

В этой связи несколько позже в своей очередной работе Дж. Най попытался объяснить, что Соединенные Штаты обязаны взять на себя функцию руководства миром, хотели бы они того или нет⁴.

Эта теория, напоминавшая рассуждения английского писателя Редьярда Киплинга о «бремени белого человека» по отношению к поработанным колонизаторами народам, была без энтузиазма встречена мировым сообществом. Дж. Най, удачно придумавший термин «мягкая сила» для обозначения привлекательности вместо «жесткой силы» принуждения, считал, что «мягкая сила», которую он определял как вовлекающий метод оказания влияния, может в большей степени помочь США добиться мировой гегемонии через пропаганду привлекательности американского образа жизни⁵.

Став заместителем министра обороны США по международной безопасности, Дж. Най выступил против многополярности, заявив, что она практически равнозначна дестабилизации. Ему вторил директор Ассоциации за объединение демократии А. Страус, считавший, что «со времени распада советского полюса биполярного мира международная система является униполярной». Униполярность при этом он рассматривал как закономерный итог эволюции международных отношений, полагая, что она «представляет собой конечную точку определенной эволюции, начавшейся в ранние времена модерна с образования многополярного баланса могущества, который в XX в. стал биполярным»⁶. Страус выступал за понимание глобализации как глобальной вестернизации, обусловленной экономической мощью и моральной силой Запада. Идея неоспоримости американского лидерства лежала в основе концепции «расширения демократии», провозглашенной в сентябре 1993 г. помощником президента США по национальной безопасности Энтони Лейком. Она отражала новые приоритеты американской администрации, заключавшиеся, прежде всего, в распространении американского влияния на постсоветское пространство в широком смысле этого понятия, включавшем в себя все оставшееся бесхозным союзное наследие СССР — от бывших республик и социалистических стран до бывших союзников по антиимпериалистической борьбе в «третьем мире». При президенте-демократе Б. Клинтоне эта идея была положена в основу стратегии национальной безопасности «расширения и вовлечения», направленной на конвертацию постсоветского пространства в «стратегический резерв» влияния США⁷.

¹ Robert O. Keohane. *After Hegemony. Cooperation and Discord in the World Political Economy*. Princeton : Princeton University Press, 1984. P. 32.

² Gilpin Robert. *The Political Economy of International Relations*. Princeton : Princeton University Press, 1987. P. 73.

³ Keohane R. O., Nye J. S. (J.). *Transnational Relations and World Politics*. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1972. Pp. IX–XXIX.

⁴ Joseph S. Nye Jr. *Bound to Lead. The Changing Nature of American Power*. Basic Books. 1990.

⁵ Nye Joseph Jr. *The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone*. Oxford University Press, 2002. P. 8.

⁶ Страус А. Л. Униполярность. Концентрическая структура нового мирового порядка и позиция России // Полис. Политические исследования. 1997, № 2. С. 27–44.

⁷ A National Security Strategy of Engagement and Enlargement [Электронный ресурс]. URL: www.globalsecurity.org (дата обращения: 11.02.2021).

Кривая нарастания угроз безопасности резко устремилась ввысь, когда вопреки своим обещаниям Запад принял в 1997 г. решение о расширении НАТО на восток, к границам России, которая возражала против расширения альянса, но, будучи ослабленной, не имела рычагов воздействия на участников этого процесса. Тем самым первый этап политической трансформации международных отношений после распада биполярности и провозглашенного окончания «холодной войны» завершился игнорированием интересов России и усилением роли США, которые поспешили ощутить себя гегемоном в однополярном мире. Но в это же самое время в мировом сообществе развернулось обсуждение альтернативных моделей и вариантов построения многополярного мира, которое подтолкнули как разрушение существовавшей биполярной структуры международных отношений, так и неготовность даже ближайших союзников США оказаться в подчиненной роли. Хотя Россия по своему потенциалу явно уступала СССР, но, сохранив в качестве его правопреемницы ядерный потенциал и статус постоянного члена Совета Безопасности, она оставалась одним из значимых центров влияния и потенциальных центров многополярного мира. Его наступление она провозгласила с новым экономическим и политическим гигантом — Китайской Народной Республикой в совместной декларации в мае 1997 г.

Со своими вариантами видения многополярного мира выступили многие исследователи международных отношений и глобальных проблем. Японский профессор Акихико Танака выделил три полюса, в число которых наряду с США и Германией он включил, разумеется, и Японию. В политическом отношении многие исследователи рассматривают в качестве полюсов государства, имеющие статус постоянных членов Совета Безопасности ООН, — Великобританию, КНР, Россию, США и Францию. Британский ученый Пол Кеннеди предложил понятие «имперского перенапряжения», которым, по его мнению, неизбежно обуславливается закат могущества государств, осуществлявших гегемонистские устремления, что подтверждается примерами глобальных держав Франции, Великобритании, Германии, Испании, Нидерландов. Анализируя аспекты внешнеполитической гегемонии, он отмечает, что рост военных расходов, связанный с экспансионистской внешней политикой, неизбежно приводит государство к «красной черте», за которой начинается грозящее крахом истощение экономики¹.

Норвежский исследователь проблем мира и конфликтов Йохан Галтунг насчитывает семь возможных полюсов многополярности — США, Европу, Ближний Восток, Индию, Китай, Японию и Россию. Предсказывая закат «американской империи» к 2020 г., который и в самом деле почти состоялся в финале президентства Трампа, скандинавский ученый отмечает многочисленные противоречия современных международных отношений. Он обращает внимание на противодействие устремлениям США в Евразии со стороны Индии, Китая и России, совокупный человеческий потенциал которых составляет 40% от населения Земного шара. Он указывает на разногласия США и НАТО и между другими членами альянса и др.²

Вторая волна расширения НАТО в 2002–2003 гг. совпала с еще более осложнившим вопросы международной безопасности переходом США от «гуманитарных интервенций» к стратегии «смены режимов», которые, по мнению американской администрации, могли представлять собой некую «угрозу международной безопасности». Объектом применения новой стратегии стал Ирак, результаты ничем не обоснованного нападения на который продемонстрировали возможность военного устранения неугодных политических режимов в зонах стратегических интересов США. Произвол на мировой арене и попрание международного права «коллективным Западом» побудили других участников международных отношений срочно искать возможности сохранения своего суверенитета и независимости. Такое развитие событий на мировой арене подтолкнуло некоторые государства, имеющие соответствующие технологические возможности, негласно приступить к разработке собственного ядерного оружия. Отвечая на новую американскую концепцию упреждающих ударов, Россия заявила о своем праве наносить упреждающие удары по готовому к агрессии противнику. Еще одним ответом на изменение в худшую сторону параметров глобальной безопасности в результате расширения НАТО и применения

¹ Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. N. Y. : Random House, 1987.

² Galtung Johan. On the Coming Decline and Fall of the US Empire [Электронный ресурс] // TRANSCEND official website. January 28, 2004. URL: http://www.oldsite.transnational.org/SAJT/forum/meet/2004/Galtung_USempireFall.html (дата обращения: 11.02.2021).

концепции «смены режимов» стало создание Организации Договора коллективной безопасности на пространстве СНГ.

Устранение СССР как одного из полюсов биполярной системы не привело к возникновению моноцентричного мира. Разрушенная ликвидацией СССР биполярность сохранила свою очень важную и исключительно значимую для судеб мира остаточность в виде ООН, без которой гарантии международной безопасности вообще могли бы при определенных обстоятельствах свестись к нулю. «Остаточная биполярность» проявилась также в том, что Россия, оправившись от шока разрушительных реформ по западным рецептам и несамостоятельности первых лет самостоятельного развития вне СССР, постепенно смогла вернуть себе роль глобального полюса и статус великой державы¹.

Возврат России к независимой политике вызвал мощное противодействие «коллективного Запада», который задействовал все более мощные санкции, оказавшиеся, впрочем, неспособными заставить российское государство следовать в фарватере решений Вашингтона и других западных столиц.

Воссоздание Россией эффективных, не имеющих аналогов видов современного оружия заставили Запад вспомнить о важности переговорного процесса и договоренностей в области контроля над вооружениями для всей архитектуры международных отношений и систем обеспечения глобальной безопасности. Одним из первых решений нового президента США Дж. Байдена стало продление в 2021 г. на очередные пять лет российско-американского договора СНВ-3 (договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений). Когда безопасность мира в целом и безопасность человека в частности понимаются как единая глобальная проблема, поиск путей к ее решению становится частью, необходимой для политической трансформации международных отношений в глобальном процессе достижения взаимоприемлемых договоренностей заинтересованных участников.

Кризис в отношениях с Западом и его непрекращающиеся попытки путем беспрецедентного давления на Россию добиться в свою пользу смены ориентиров во внутренней и внешней политике российского государства, обусловили для него жизненную необходимость избежать экономической западни, выстраиваемой США и Евросоюзом. Стало необходимым активнее развернуть вектор российского сотрудничества на другие направления, прежде всего на просторы своего Евразийского континента. Сегодня, когда говорят о Евразии, некоторые отвлекаются от понимания того, что это континент, образованный Европой и Азией, из 99 государств которого 50 являются европейскими государствами. Сама Европа континента в классическом понимании не образует, поскольку вся не омывается морями и океанами. Ее восточная граница проходит, как известно, по Уралу, где одноименная река не может считаться омывающим континент водным пространством. Другие исследователи оперируют понятиями Большой и Малой Евразии, вкладывая в них подчас разные смыслы. Для России, 22% территории которой находится в Европе, составляя почти половину европейского пространства, а 78% располагаются в Азии, евразийский вектор может выступать своего рода гарантом безуспешности попыток Запада оспорить ее независимость и безопасность².

Именно в этой связи особое значение приобретает развитие Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и его сопряжение с гигантским китайским проектом нового Шелкового пути. Другой важной инициативой мог бы стать международный коридор «Север — Юг», предложенный Индией и Ираном. Уже к 2015 г. более 50 стран заявили о своей готовности установить и развивать сотрудничество с ЕАЭС. В 2016 г. заработала зона свободной торговли (ЗСТ) «ЕАЭС — Вьетнам». О желании создать такие зоны заявили Египет, Израиль, Индия, Иран, Сербия, Сингапур и другие страны. Развитие евразийского вектора российского международного сотрудничества меняет политическую структуру глобальных международных отношений и побуждает Запад задуматься об упущенной выгоде, что для него всегда являлось значимой составляющей для принятия политических решений. Несмотря на постоянно создаваемые

¹ См.: Соколова А. А. Политическая трансформация государства в условиях глобализации : диссертация на соискание степени кандидата политических наук по ВАК РФ. 23.00.04.

² См.: Богатуров А. Д. Великие державы на Тихом океане // История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995). М., 1997.

собственными руками все более серьезные осложнения в отношениях с Россией, Евросоюз не забывает об идее «Большого евразийского партнерства» и создания общего экономического пространства «от Лиссабона до Владивостока» для доступа к сырьевым богатствам и человеческому потенциалу ЕАЭС, а также в целях расширения рынка для сбыта своей продукции. Преодоление разногласий и политическое единение Европы и Азии на фоне общепризнанного географического восприятия их континентальной общности стало бы значимым шагом на пути к всеобъемлющей безопасности, определив ее важные параметры для всего человечества.

Всеобъемлющая безопасность человека может представляться отдаленным идеалом. Однако, приобретая поддержку и получая распространение, идеал может порождать необходимые изменения в пользу его достижения. Безопасность человека и совместная работа по ее обеспечению выступают факторами укрепления сотрудничества между государствами и повышения уровня защиты граждан внутри государств. Снижение уровня угроз высвобождает экономические, организационные и интеллектуальные ресурсы для удовлетворения человеческих потребностей. Переход к более высокой ступени человеческого развития, которую великий русский ученый В. И. Вернадский видел в основанной на силе разума грядущей ноосферной цивилизации, реализуется через понимание особой ценности человеческой жизни и обеспечение безопасности человека. На этой идейной основе возможно и формирование всеобъемлющей глобальной культуры мира.

Тем не менее необходимо немедленно, а не в отдаленном будущем добиваться нейтрализации жизненно опасных рисков, угрожающих человеку. Наряду с обеспечением его безопасности это позволит снизить непроизводительные расходы и повысить объем и доступность общественных благ, открыть дополнительные возможности конструктивного решения глобальных проблем.

Путь к устойчивому процветающему будущему лежит, как представляется, во многом через целостный и всеобъемлющий подход к безопасности человека. Такой подход включает в себя возможность использовать ценности, навыки, устремления, лучшие практики и опыт разных людей, наций и культур. Список проблем безопасности, создаваемых глобальной нестабильностью, климатическими изменениями, эпидемиями, оружием массового уничтожения и угрозами, которые возникают в связи с развитием новых технологий и искусственного интеллекта, весьма внушителен и имеет тенденцию расширяться. Анализ проблем безопасности и оценка их последствий могут производиться посредством проверяемых эмпирических методов, использующих научный инструментарий и требующих глобального сотрудничества. Чтобы произвести необходимые системные и целостные изменения в политической плоскости проблем безопасности, нужно добиться принципиального сдвига в осознании их теоретического и практического содержания. Сегодня представляется уже нереальным отсоединить регенеративные процессы природного мира от экономической системы, все более неоправданным — фокусировать и далее задачи обеспечения безопасности на государстве, а не на людях и явно контрпродуктивным — фрагментировать подходы к безопасности человека и к устойчивому развитию.

Безопасность человека должна быть неотъемлемым принципом и высшим общественным приоритетом без границ и национальных исключений по политическому, религиозному или иному признаку, пониматься как многогранное, многоуровневое право всех людей, распространяющееся на все аспекты человеческой деятельности. Она должна восприниматься как интегрированная система, включающая в себя личное здоровье, воздух, воду, питание, условия жизни, права и обязанности, взаимодействие с окружающим миром и защиту от возможной агрессии и неправомерных действий. В случае трансграничных угроз безопасности человека границы и национальный суверенитет государств, формирующие геополитический ландшафт, не могут, как подтвердила пандемия коронавируса, служить для них эффективным препятствием. Тем, как в существующем государственном образовании обеспечивается безопасность его граждан, утверждаются сегодня стабильность, суверенность и легитимность государств, может быть, не в меньшей степени, чем прочерченными человеком границами и написанными им законами.

Глобальная проблема неравенства осложняет достижение безопасности человека. Неравенство приобретает катастрофические размеры, грозя социальным взрывом в точках экстремального напря-

жения. Половиной богатств Земли сегодня владеют всего лишь 26 чел.¹, в то время как более 70% ее населения испытывает недостаточность или отсутствие необходимых доходов². Вследствие все более разительного неравенства в доходах и возможностях и увеличивающейся пропасти между бедными и богатыми продолжает опасно нарастать социальная нестабильность внутри государств и сообществ. Неравенство в отношениях между государствами и внутри государств порождает и будет порождать все новые конфликты и угрозы безопасности человека, пока в контексте Глобальной повестки развития не будет достигнуто смягчение и последующее комплексное решение этой проблемы, что, впрочем, представляется весьма отдаленной перспективой.

Не только не устранены, но и становятся еще более опасными глобальные угрозы физического уничтожения человека и всей цивилизации на фоне безответственных размышлений отдельных политиков и военных о возможности «ограниченной ядерной войны». Необходимо совместными усилиями государств на глобальном уровне снизить и затем устранить угрозу всеобщей катастрофы, которая, скорее всего, завершила бы историю человечества. «Коллективный Запад», однако, пока не проявляет готовности к сотрудничеству в этом жизненно важном для всех вопросе.

Новое многополярное мироустройство формируется в серьезно и опасно осложнившихся за последнее время условиях. Торговые войны и экономические санкции, развязанные США и их союзниками, ставят под угрозу мировое устойчивое развитие и вкупе с бьющей по экономике пандемией коронавируса ведут к дальнейшему спаду производства и депрессии. Опасения в отношении глобальных катастрофических рисков заметно выросли, о чем свидетельствует представительный опрос общественного мнения, проведенный международной социологической службой «Новус» по заказу Фонда глобальных вызовов³ в конце 2020 г. в десяти странах мира⁴.

Под глобальными катастрофическими рисками в опубликованном докладе о результатах исследования предлагается понимать события или угрозы, способные нанести человечеству серьезный ущерб во всем мире, будь то немедленно или в будущем, с потенциальным воздействием на 10% или более мирового населения⁵.

Большинство из опрошенных считают, что сегодня мир стал еще менее безопасным, чем он был два года назад. Наибольшая доля тех, кто считает, что мир стал менее безопасным, приходится на Южную Африку (73%), Австралию (69%), Россию (68%) и Бразилию (67%). Описывая одним словом нынешнее состояние мира, все участники за редкими исключениями не употребляли положительных эпитетов, используя такие характеристики, как «ужасный», «страшный», «пугающий», «хаотичный». Во всех странах, где проводилось обследование, большинство опрошенных рассматривает изменение климата, ухудшение состояния окружающей среды, политическое насилие, оружие массового уничтожения, пандемии, искусственный интеллект, рост населения и крайнюю нищету как потенциальные глобальные катастрофические риски. В результате исследования констатировались как возросшая общая обеспокоенность проблемой обеспечения безопасности человека, так и озабоченность тем, что государства сплошь и рядом оказываются не в состоянии с ней справиться.

Появились и настойчиво продвигаются в массовое сознание утверждения о том, что в быстро меняющемся мире глобализация вскоре не оставит места национальным государствам, заместив их роль транснациональными корпорациями «с социальной ответственностью». Об этом, в частности, идет речь в работе «COVID-19: великая перезагрузка», которую основатель и неизменный модератор Давосского форума Клаус Шваб написал летом 2020 г. в соавторстве с журналистом Тьерри Маллере⁶. Авторы считают, что на фоне пандемии коронавируса в мире формируется некая «новая реальность», радикально

¹ [Электронный ресурс]. ТАСС, 18 июля 2020 г. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8999053> (дата обращения: 17.11.2020).

² [Электронный ресурс]. Лента РУ, 18 июля 2020 г. URL: <https://lenta.ru/news/2020/07/18/bogatstvo/> (дата обращения: 17.11.2020).

³ Global Challenges Foundation. Global Catastrophic Risks and International Collaboration. Opinion Poll 2020. Report [Электронный ресурс]. URL: <https://globalchallenges.org/events-catastrophic-risks-2020/> (дата обращения: 18.11.2020)

⁴ Австралия, Англия, Бразилия, Германия, Индия, Китай, Россия, США, Швеция, ЮАР.

⁵ Global Challenges Foundation. Global Catastrophic Risks and International Collaboration. Opinion Poll 2020. Report. P. 6. The Public's Perception of Global Catastrophic Risks [Электронный ресурс]. URL: <https://globalchallenges.org/events-catastrophic-risks-2020/> (дата обращения: 18.11.2020).

⁶ Klaus Schwab, Thierry Malleret. COVID-19: The Great Reset. Forum Publishers. 2020.

отличающаяся от прежней. По их мнению, человечество уже никогда не сможет вернуться к той жизни, которая существовала ранее. О «новой нормальности» говорит и Джо Байден, и канадский премьер Джастин Трюдо, считающий, что вирус оказался, в общем-то, весьма кстати, предоставив возможность для быстрой перезагрузки.

В этом видении будущего, которое оставляет в прошлом государства, их правительства и народы, предлагая вместо них «новую реальность» под эгидой «социально ответственных» транснациональных корпораций, не уточняется, как в этом случае и кем будут исполняться функции государства по обеспечению закона и порядка, прав человека и его безопасности. Хорошо известная приоритетная ориентация транснациональных корпораций на собственные интересы и извлечение прибыли заставляют серьезно усомниться в их способности быть «социально ответственными» настолько, чтобы взять на себя социальные функции государства.

Глубокую тревогу в мировом сообществе вызывают в ряде случаев не только подобные теоретические размышления по поводу происходящих в мире перемен, но и практические проявления таких изменений. Беспрецедентными посягательствами на права и безопасность человека ознаменовались президентские выборы в США в 2020 г. Катализаторами беспорядков становились требования уважения «права на жизнь черного человека», которые нередко оборачивались актами насилия в отношении белого населения. В охватившем страну апофеозе разрушения, который во многом поставил под вопрос безопасность человека, оказались буквально перевернутыми с ног на голову принципы равенства, свободы и демократии, номинально являющиеся ценностными характеристиками американского общества.

Процессы, разрушающие цивилизационные устои, сегодня характерны и для Евросоюза. Навязывание идей трансгуманизма, ложной толерантности и трансформаций на этой основе в диапазоне от преобразования мира и общества до изменения физиологии человека, усугубляющее социальные проблемы и недовольство населения, выливается в конфликты, в ходе которых насилие нередко делает ценность жизни человека и его безопасность малозначимыми понятиями.

Подвергается переосмыслению и растущему отторжению прогрессизм как идеология, продвигающая представления о единственно верном пути мирового развития по западным лекалам. Весьма условные в реальной жизни свободы западного мира, в особенности их фетишизация, и навязывание и эксплуатация в политических целях все чаще и опаснее приходят в столкновение с моральными и религиозными устоями иных сообществ как на внешнем периметре, так и внутри западных стран в отношениях с национальными диаспорами.

Необходимо понимать, что безопасность сегодня является глобальной комплексной проблемой, в сфере которой находится весь мир, все человечество и каждый человек в отдельности. Задачи ее обеспечения требуют развития взаимодействия государств и народов в контексте согласованного на универсальной платформе ООН глобального управления и лидерства для продвижения человечества вперед и исключения угроз для его существования. В условиях быстро меняющегося мира растет актуальность научного осмысления проблемы безопасности с гуманитарных позиций как экзистенциального вызова, обусловленного возникновением новых угроз, в том числе в результате стремительного технологического развития. Широкий простор для новых знаний открывает вступление человечества в цифровую эру, обуславливая вместе с тем появление новых рисков для человека и его безопасности.

Сегодня над проблемой безопасности человека усиленно размышляют ученые и исследовательские центры, включая такие известные «лаборатории мысли», как Всемирная академия искусства и науки и Римский клуб. Петербургский ученый И. Ф. Кефели предложил новое понятие «асфатроники» для обозначения формирующейся теории комплексного видения проблем глобальной безопасности¹.

По инициативе Всемирной академии искусства и науки (ВАИН) развернут международный проект под эгидой Отделения ООН в Женеве, получивший название «Глобальное лидерство–21»².

¹ Кефели И. Ф. Асфатроника: на пути к теории глобальной безопасности : монография. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2020. 228 с.

² World Academy of Art and Science (WAAS). Global Leadership in the 21st Century [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldacademy.org/conferences/stgl/Strategies for Transformative Global Leadership/> (дата обращения: 21.06.2020).

Прошедшие в течение юбилейного года дискуссии и мероприятия в рамках проекта «Глобальное лидерство–21», а также завершившая год онлайн-сессия на женеvской площадке ООН 15–16 декабря 2020 г. засвидетельствовали высокую релевантность этой темы и интерес, который вызывает в мире поиск путей ее реализации. Академия, отметившая в 2020 г. свое 60-летие, была инициирована великими учеными Альбертом Эйнштейном, Бертраном Расселом и Робертом Оппенгеймером и вначале формировалась как движение против использования результатов научных исследований в целях, способных принести вред человечеству. Затем добавилось противодействие разрушительным тенденциям в области культуры и искусства. В последние годы Академия приняла участие в международных научных конгрессах «Глобалистика», которые проводятся в МГУ им. М. В. Ломоносова по инициативе факультета глобальных процессов, а также в других совместных научно-образовательных международных мероприятиях.

20 мая 2020 г. на онлайн-площадке факультета глобальных процессов МГУ прошел представительный международный научный форум с участием ЮНЕСКО, Всемирной академии и Римского клуба «Глобальные социальные трансформации и будущее цивилизации», в рамках которого были подняты вопросы обеспечения безопасности человека, прозвучавшие особенно актуально на фоне разразившейся пандемии коронавируса. Эта тема была продолжена на следующем совместном международном научном онлайн-форуме с ЮНЕСКО, Академией и Клубом 22 декабря 2020 г. «COVID-19 и безопасность человека», инициатором проведения которого выступил факультет глобальных процессов и кафедра ЮНЕСКО по изучению глобальных проблем МГУ им. М. В. Ломоносова. Вступительный доклад академика РАН А. Г. Чучалина побудил участников сессии обратиться к обсуждению взаимосвязи неопределенности коронавирусной инфекции и порожденной новым вирусом неясного происхождения глобальной ситуации.

Ставший мировой сенсацией доклад Римского клуба «Пределы роста» почти полувековой давности в МГУ решили переосмыслить применительно к реальностям современного мира, который радикально изменился за прошедшее время. Научный коллектив под руководством ректора МГУ академика РАН В. А. Садовниченко приступил к разработке научного доклада «Новые пределы роста», призванного оценить состояние мира и перспективы его развития. Проблеме обеспечения безопасности человека в докладе будет уделено первостепенное внимание.

Литература

1. *Антониу Гуттериш*. Обращение к Генеральной Ассамблее ООН о приоритетах Генерального секретаря ООН на 2020 год. Нью-Йорк, 22 января 2020 г. *Guterres A. Remarks to the General Assembly on the Secretary General's priorities for 2020* // Официальный сайт ООН. 22.01.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/speeches/2020-01-22/remarks-general-assembly-priorities-for-2020> (дата обращения: 18.04.2020).
2. *Богатуров А. Д.* Великие державы на Тихом океане // История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995). М., 1997.
3. *Кефели И. Ф.* Асфатроника: на пути к теории глобальной безопасности : монография. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2020. 228 с.
4. Коротко о ЮНЕСКО: миссия и мандат [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.unesco.org/about-us/introducing-unesco> (дата обращения 02.12.2020).
5. Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года : резолюция A/RES/70/1 Генеральной Ассамблеи ООН от 25 сентября 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/RES/74/223> (дата обращения: 02.12.2020).
6. *Соколова А. А.* Политическая трансформация государства в условиях глобализации : диссертация на соискание степени кандидата политических наук по ВАК РФ. 23.00.04.
7. *Страус А. Л.* Униполярность. Концентрическая структура нового мирового порядка и позиция России // Полис. Политические исследования. 1997. № 2. С. 27–44.
8. A National Security Strategy of Engagement and Enlargement [Электронный ресурс]. URL: www.globalsecurity.org (дата обращения 02.12.2020).

9. *Galtung Johan*. On the Coming Decline and Fall of the US Empire [Электронный ресурс] // TRANSCEND official website. January 28, 2004. URL: http://www.oldsite.transnational.org/SAJT/forum/meet/2004/Galtung_USempireFall.html (дата обращения 02.12.2020).
10. *Gilpin Robert*. The Political Economy of International Relations. Princeton : Princeton University Press, 1987. P. 73.
11. Global Challenges Foundation. Global Catastrophic Risks and International Collaboration. Opinion Poll 2020. Report [Электронный ресурс]. URL: <https://globalchallenges.org/events-catastrophic-risks-2020/> (дата обращения: 18.11.2020).
12. *Granoff Johathan*. President, Global Security Institute. Approaching Human Security. CADMUS, Scientific Journal of the World Academy of Art and Science (WAAS). V. 4, No. 3, November 2020, 1–4. P. 1.
13. *Joseph S. Nye Jr.* Bound to Lead. The Changing Nature of American Power. Basic Books. 1990.
14. *Kennedy P.* The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. N. Y. : Random House, 1987.
15. *Keohane R. O., Nye J. S. (J.)*. Transnational Relations and World Politics. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1972. Pp. IX–XXIX.
16. *Klaus Schwab, Thierry Malleret*. COVID-19: The Great Reset. Forum Publishers. 2020.
17. No Limits to Learning. Bridging the Human Gap. Report to the Club of Rome [Электронный ресурс]. Oxford : Pergamon Press, 1979. 159 p. ISBN 0-08-024705-9. URL: <https://clubofrome.org/publications/no-limits-to-learning-1979/> (дата обращения: 02.12.2020).
18. *Nye Joseph Jr.* The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. Oxford University Press, 2002. P. 8.
19. *Robert O. Keohane*. After Hegemony. Cooperation and Discord in the World Political Economy. Princeton : Princeton University Press, 1984. P. 32.
20. The Global Risks Report 2020, 15th Edition // World Economic Forum. Geneva, 2020. Pp. 4–5.
21. World Academy of Art and Science (WAAS). Global Leadersip in the 21st Century [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldacademy.org/conferences/stgl/Strategies for Transformative Global Leadership/> (дата обращения: 21.06.2020).

Об авторе:

Саямов Юрий Николаевич, профессор, заведующий кафедрой ЮНЕСКО МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация), действительный член Всемирной академии искусства и науки и Римского клуба; y.sayamov@yandex.ru

References

1. Antoniu Gutterish. Obrashchenie k General'noi Assamblee OON o prioritetakh General'nogo sekretarya OON na 2020 god. N'yu-lork, 22 yanvarya 2020 g. Guterres A. Remarks to the General Assembly on the Secretary General's priorities for 2020 // Ofitsial'nyi sait OON. 22.01.2020 [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/speechts/2020-01-22/remarks-general-assembly-priorities-for-2020> (data obrashcheniya: 18.04.2020).
2. Bogaturov A. D. Velikie derzhavy na Tikhom okeane // Istoriya i teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii v Vostochnoi Azii posle Vtoroi mirovoi voyny (1945–1995). M., 1997.
3. Kefeli I. F. Asfatronika: na puti k teorii global'noi bezopasnosti : monografiya. SPb. : IPTs SZIU RANKhiGS, 2020. 228 s.
4. Korotko o YuNESKO: missiya i mandat [Elektronnyi resurs]. URL: <https://ru.unesco.org/about-us/introducing-unesco> (data obrashcheniya 02.12.2020).
5. Povestka dnya v oblasti ustoichivogo razvitiya na period do 2030 goda : rezolyutsiya A/RES/70/1 General'noi Assamblei OON ot 25 sentyabrya 2015 g. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/RES/74/223> (data obrashcheniya: 02.12.2020).

6. Sokolova A. A. Politicheskaya transformatsiya gosudarstva v usloviyakh globalizatsii : dissertatsiya na soiskanie stepeni kandidata politicheskikh nauk po VAK RF. 23.00.04.
7. Straus A. L. Unipolyarnost'. Kotsentricheskaya struktura novogo mirovogo poryadka i pozitsiya Rossii // Polis. Politicheskie issledovaniya. 1997. № 2. С. 27–44.
8. A National Security Strategy of Engagement and Enlargement [Elektronnyi resurs]. URL: www.globalsecurity.org (data obrashcheniya 02.12.2020).
9. Galtung Johan. On the Coming Decline and Fall of the US Empire [Elektronnyi resurs] // TRANSCEND official website. January 28, 2004. URL: http://www.oldsite.transnational.org/SAJT/forum/meet/2004/Galtung_USempireFall.html (data obrashcheniya 02.12.2020).
10. Gilpin Robert. The Political Economy of International Relations. Princeton : Princeton University Press, 1987. P. 73.
11. Global Challenges Foundation. Global Catastrophic Risks and International Collaboration. Opinion Poll 2020. Report [Elektronnyi resurs]. URL: <https://globalchallenges.org/events-catastrophic-risks-2020/> (data obrashcheniya: 18.11.2020).
12. Granoff Johathan. President, Global Security Institute. Approaching Human Security. CADMUS, Scientific Journal of the World Academy of Art and Science (WAAS). V. 4, No. 3, November 2020, 1–4. P. 1.
13. Joseph S. Nye Jr. Bound to Lead. The Changing Nature of American Power. Basic Books. 1990.
14. Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. N. Y. : Random House, 1987.
15. Keohane R. O., Nye J. S. (J.). Transnational Relations and World Politics. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1972. Pp. IX–XXIX.
16. Klaus Schwab, Thierry Malleret. COVID-19: The Great Reset. Forum Publishers. 2020.
17. No Limits to Learning. Bridging the Human Gap. Report to the Club of Rome [Elektronnyi resurs]. Oxford : Pergamon Press, 1979. 159 p. ISBN 0-08-024705-9. URL: <https://clubofrome.org/publications/no-limits-to-learning-1979/> (data obrashcheniya: 02.12.2020).
18. Nye Joseph Jr. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. Oxford University Press, 2002. P. 8.
19. Robert O. Keohane. After Hegemony. Cooperation and Discord in the World Political Economy. Princeton : Princeton University Press, 1984. P. 32.
20. The Global Risks Report 2020, 15th Edition // World Economic Forum. Geneva, 2020. Pp. 4–5.
21. World Academy of Art and Science (WAAS). Global Leadersip in the 21st Century [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.worldacademy.org/conferences/stgl/Strategies for Transformative Global Leadership/> (data obrashcheniya: 21.06.2020).

About the author:

Yury. N. Sayamov, Professor, Head of the UNESCO Chair, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation), Full Member of the World Academy of Arts and Science and the Rome Club; y.sayamov@yandex.ru

ВЫСШИЙ ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

«11» декабря 2020 г.

№ 12

г. Минск

О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года

В целях реализации Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза от 6 декабря 2018 года Высший Евразийский экономический совет **решил:**

1. Утвердить прилагаемые Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года (далее – Стратегические направления).

2. Совету Евразийской экономической комиссии утвердить в I квартале 2021 г. план мероприятий по реализации Стратегических направлений.

3. Правительствам государств – членов Евразийского экономического союза и Евразийской экономической комиссии обеспечить реализацию Стратегических направлений и ежегодно информировать Высший Евразийский экономический совет о ходе их исполнения.

Члены Высшего Евразийского экономического совета:

23.02.2021

Иран вступает в ЕАЭС: какую выгоду получит Россия?

Евгений Цоц

Истекают две недели, после которых должно начаться вступление Ирана в Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Его анонсировал 10 февраля спикер парламента Ирана Мохаммад Бакер Калибаф, вернувшийся в Тегеран из Москвы. Он рассказал о подготовке к постоянному членству в блоке, в который, помимо России, входят Белоруссия, Казахстан, Армения и Киргизия. И хотя официальных комментариев со стороны российского руководства пока не было, такое заявление не могло быть сделано само по себе, без предварительной договоренности и согласования.

«Лидер сделал акцент на долгосрочной координации и стратегических договоренностях с Россией. Его послание было, конечно, шире и охватывало другие вопросы, в том числе экономические и политические», — пересказал спикер парламента послание лидера Исламской революции аятоллы Али Хаменеи Президенту России Владимиру Путину.

Калибаф отметил, что союз объединил все страны региона и создал зону свободной торговли, поэтому «Иран начал переговоры о том, чтобы стать постоянным членом союза, и подготовка к нашему постоянному членству будет осуществляться в течение следующих двух недель».

Иран представляется для России одним из наиболее перспективных партнеров. Пусть и через Каспийское море, он наш сосед. Это крупное государство Евразии, Ближнего Востока, Западной и Передней Азии с 80-миллионным населением, богатой историей и крепкой армией. И он пока единственный наш ключик к Индии, без которой евразийская интеграция будет означать для РФ экономическое поглощение Китаем. Индию надежно отрезают Пакистан — у стран давний конфликт и спорные территории, Афганистан — самая горячая точка континента, а также высочайший горный хребет. Наиболее удобный путь для грузов возможен через Иран, что нашло отражение в идее проекта транспортного коридора «Север — Юг». И в этом контексте присоединение Ирана к ЕАЭС упростит движение российских грузов к порту Чехбехар — прямому морскому пути в Мумбаи.

Конечно, Иран стремился не к России. Но он уже много лет находится под санкциями Запада, которые поддерживают и крупные азиатские компании, а также обеспокоен усилением влияния Турции в регионе, в частности на Азербайджан, что проявилось во время последних событий в Нагорном Карабахе.

Что Россия может предложить Ирану? Почти весь ассортимент продуктов питания, непродовольственных товаров, стройматериалы, мебель, различную технику, как собственную, так и локализованную, — почти все, что нужно для жизни. А также проекты в сфере строительства, многоэтажного и частного, инженерной, транспортной и социальной инфраструктуры. По сути, Россия владеет и знаниями, и материалами, чтобы построить «новую Персию», ограничены лишь финансовые возможности и человеческие ресурсы. Но последнего богатства как раз в избытке у самого Ирана.

Сложнее найти то, что будет интересно покупать. Основные статьи экспорта этой страны — нефть, газ, нефтепродукты, продовольствие, а также ковры и оружие. Из всего списка могут подойти только некоторые агрокультуры. Но главное сокровище, которое есть у Ирана, — это море, Индийский океан. За выход к морской торговле Россия столетиями вела кровопролитные войны. А здесь — почти неограниченные пути. Торговые маршруты, помимо Индии, могут быть проложены в Ирак, Кувейт, Катар, ОАЭ, Саудовскую Аравию, Оман, Йемен, Шри-Ланку. В относительной близости окажутся страны Африки, Индокитая, Океании. Между прочим, порт Чехбехар может стать глубоководным, что позволит загружать крупные суда и перевозить товары по низкой цене.

И конечно, бесконечное побережье Ирана в Персидском заливе и Индийском океане. Оно почти полностью пустует и состоит из диких пляжей, не востребованных ни туристами, ни иранцами. Более

полтора тысяч километров береговой линии, россыпь островов, крупнейший из которых Кешм в 2,5 раза больше Бахрейна. Для примера, береговая линия Сочи в Черном море вытянулась на скромные 118 километров. От центра пляжного отдыха острова Киш до знаменитой «пальмы» в Дубае (ОАЭ) — искусственного острова Палм-Джумейра — менее 200 км. Недалеко Мальдивы и Сейшелы. Тот же песок, та же лазурная теплая вода. Развитию туризма в Иране мешает важное обстоятельство — строгие религиозные правила. Так, запрещен алкоголь, а женщины не могут появиться на пляже и купаться без закрытой одежды. Распространены также отдельные пляжи для мужчин и женщин. Очевидно, что российские туристы не согласятся отдыхать на этих условиях. Но в целом дефицит моря и теплого климата в странах ЕАЭС спрятали глубокий отложенный спрос как на пляжный отдых, так и на длительное пребывание у моря. И, к примеру, житель Белоруссии или Казахстана охотно арендует «дачу» в таком месте, если получит эту возможность и будет чувствовать себя в безопасности.

Кроме того, Евразийский банк развития (ЕАБР) финансирует индустриальные проекты, что может стать выгодным в перспективе всем участникам и позволит найти для Ирана подходящую нишу. Испытывающие давление Запада страны ЕАЭС заинтересованы в замещении продукции, поставляемой из Европы или США. При этом Иран и сам имеет возможности инвестировать в производства, продукция которых найдет потребителя. И это вопрос хорошего администрирования. Например, автопром Ирана ежегодно выпускает более 1 млн автомобилей различных марок, что сопоставимо с объемами российского автопрома. И если местный спрос машины удовлетворяют, на наш рынок им не пробиться из-за потребительских требований. Следовательно, чтобы организовать поставки, нужно объяснить, что именно хотим купить, возможно, научить делать, а еще предусмотреть, чтобы не пострадали наши собственные автопроизводители. Задача для специалистов.

Непонятных вопросов хватает. Например, свободный рынок труда откроет для иранцев вакансии России. По крайней мере, в сферах, где не требуется хорошее знание языка, — строительство, АПК, добыча ресурсов. Учитывая примерно двукратную разницу в зарплатах, а также светские свободы, не начнется ли массовая миграция с юга на север? А как сочетаются ускоренная цифровизация в ЕАЭС с ограничениями в иранском интернете и в целом с его плохим качеством?

Эти неясности требуют ответов, однако не являются сомнениями. Иран обладает притягательной природой, доступом к морским торговым маршрутам, хорошей демографией, а следовательно, рынком потребления и трудовыми ресурсами. Страны ЕАЭС научились производить большинство товаров и имеют разнообразие сырья, но, чтобы пока еще слабой промышленности встать на ноги, выйти на объемы и совершенствовать мастерство, нужен сбыт. Важно не увязнуть в декларативных заявлениях, не стопориться, а находить решения и действовать. Использовать исторический шанс.

Соединенные Штаты не станут идти на эскалацию с Ираном из-за нападений на американских военных на территории Ирака, однако в будущем намерены привлечь Тегеран к ответственности за действия группировок, которые Вашингтон считает связанными с иранскими властями. С таким заявлением выступил в понедельник на брифинге глава пресс-службы Госдепартамента США Нед Прайс.

«Мы в ярости от недавних нападений», — заявил он. «Что касается нападения в Эрбиле, то мы до сих пор определяем, кто конкретно это сделал, но мы ранее уже говорили, что мы будем привлекать Иран к ответственности за действия связанных с ним организаций, которые осуществляют нападения на американцев», — добавил Прайс.

Источник: <https://regnum.ru/news/polit/3197862.html>

19.03.2021

В ЕАЭС создадут наднациональный орган по регулированию общего финансового рынка

19 марта, Москва / Эдуард Пивовар — БЕЛТА /. В Евразийском экономическом союзе ведется работа по созданию наднационального органа по регулированию общего финансового рынка. Об этом БЕЛТА сообщили в пресс-службе Евразийской экономической комиссии по итогам заседания Консультативного комитета по финансовым рынкам, на котором был утвержден рабочий план по реализации положений концепции общего финансового рынка ЕАЭС.

«В соответствии с Договором о Евразийском экономическом союзе государства союза должны создать наднациональный орган по регулированию финансового рынка ЕАЭС, — отметили в пресс-службе. — Агентством Казахстана по регулированию и развитию финансового рынка разработан проект соглашения о наднациональном органе по регулированию финансового рынка ЕАЭС. Документ подготовлен в соответствии с подходами по реализации концепции формирования общего финансового рынка ЕАЭС, согласованными Консультационным советом по валютной политике центральных (национальных) банков государств ЕАЭС. Основными задачами наднационального органа являются углубление экономической интеграции государств союза с целью развития общего финансового рынка, обеспечение недискриминационного доступа на финансовые рынки государств-членов и эффективного его функционирования».

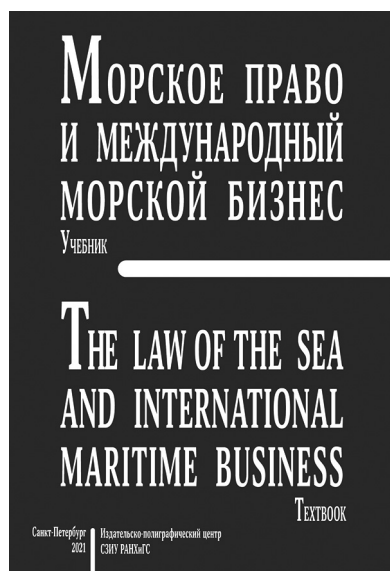
Члены Консультативного комитета по финансовым рынкам рассмотрели проект соглашения о взаимном допуске к размещению и обращению ценных бумаг на организованных торгах в государствах ЕАЭС и обсудили вопросы раскрытия эмитентами инвестиционно значимой информации. Соглашение будет направлено на гармонизацию процедур, обеспечение взаимного допуска ценных бумаг из списка, отнесенного биржей к котировальному списку высшей категории, к организованным торгам в других государствах союза, свободу размещения и обращения эмиссионных ценных бумаг и торговых операций на общем биржевом пространстве ЕАЭС.

По словам директора департамента финансовой политики Евразийской экономической комиссии Армана Хачатряна, взаимный допуск ценных бумаг будет обеспечиваться при одновременном выполнении следующих условий: если осуществлена регистрация выпуска ценных бумаг в государстве союза в порядке, установленном его законодательством, и выпуск ценных бумаг эмитента включен в котировальный список высшей категории на фондовой бирже. «Таким образом, эмитентам стран союза предоставляются возможности расширить географию привлечения финансовых средств и получить широкий доступ к инвестиционным ресурсам», — подчеркнули в ЕЭК.

Для обеспечения взаимного доступа участников финансовых рынков на финансовые рынки государств ЕАЭС Центробанк России совместно с финансовыми регуляторами государств союза разработал проект соглашения о стандартизированной лицензии. Механизм стандартизированной лицензии для учреждения юридического лица в банковском и страховом секторе позволит определить согласованные подходы к взаимному признанию лицензий.

«Члены Консультативного комитета рассмотрели также вопросы об организации и создании электронного канала реализации финансовых продуктов (система «Маркетплейс»), правилах реализации общих процессов в сфере финансовых рынков, ходе работы по проекту технического задания по изучению оптимальных подходов по гармонизации требований к проспектам эмиссий ценных бумаг и другие вопросы. Участникам заседания была представлена информация о ходе работы по увеличению доли национальных валют во взаимных расчетах и возможных мерах либерализации валютного контроля при осуществлении взаимной торговли в рамках ЕАЭС», — добавили в пресс-службе.

Источник: <https://www.belta.by/economics/view/v-eaes-sozdadut-nadnatsionalnyj-organ-po-regulirovaniju-obschego-finansovogo-rynka-433410-2021/>

**Рецензия на учебник под общей редакцией
В. А. Шамахова и В. П. Кириленко
«Морское право
и международный морской бизнес»**

Шехова Н. В.

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация;
nataly65vf@gmail.com

**Review for a Textbook Edited by V. A. Shamakhov and
V. P. Kirilenko "The Law of the Sea and International Maritime
Business"**

Natalia V. Shekhova

St. Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation; nataly65vf@gmail.com

Шамахов В. А., Кириленко В. П. Морское право и международный морской бизнес : учебник. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2021. — 656 с. ISBN 978-5-89781-677-4

Выход в свет учебника «Морское право и международный морской бизнес», подготовленного научно-педагогическим составом кафедр Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации и ведущими специалистами ряда других научных и образовательных организаций Российской Федерации под общей редакцией доктора экономических наук, кандидата исторических наук, профессора Шамахова В. А. и доктора юридических наук, заслуженного юриста Российской Федерации, профессора Кириленко В. П., свидетельствует о новом подходе отечественных специалистов в области международного права и экономической теории к проведению системного международно-правового анализа взаимосвязи морского публичного и частного права.

Подготовленный указанным авторским коллективом новый фундаментальный учебник имеет междисциплинарный характер и по своему содержанию выступает в качестве образовательной инновации, представляющей собой новый важный шаг к дальнейшей научной разработке непростых вопросов международных морских отношений в стремительно меняющемся мире.

Актуальность материалов, содержащихся в рецензируемом учебнике, предопределяется действием фактора динамичного развития институтов морского права в современной международной системе, эволюция которой корреспондирует закономерным процессам роста объемов мировой торговли и сотрудничества государств на пространствах с международным и смешанным режимом правового регулирования.

Апеллируя к теме морского права, авторский коллектив учебника в части I «Морское право» успешно разрешает узловые моменты проблемного поля доктринальной и терминологической сложности международного морского права и коллизий в национальном морском законодательстве, обусловленных корреляцией публичных и частных юридических аспектов морской деятельности.

Второй блок сущностных аспектов международного права, обращенных к обширной области правовых вопросов, ориентирован на анализ инновационных и прорывных схем ведения международного морского бизнеса и всесторонне представлен в части II «Международный морской бизнес и адмиралтейское право» учебника. Общим признаком отмеченных первой и второй частей учебника выступает очевидный энциклопедический характер представленных позиций, что, безусловно, также относится к достоинству рецензируемого учебника.

Уровень изложения материала в рецензируемом учебнике соответствует современным достижениям общественных наук и подкрепляется значительным массивом источников и литературы, включающим в себя более 260 наименований (в том числе около 100 зарубежных).

Авторское изложение материала рецензируемого учебника способствует его использованию в процессе преподавания и изучения смежных отраслей знаний студентами различных направлений и уровней подготовки, в том числе таких как: «Юриспруденция», «Правовое обеспечение национальной безопасности», «Международные отношения», «Зарубежное регионоведение», «Экономика», «Экономическая безопасность», «Таможенное дело», «Политические науки и регионоведение». Учебник также может быть полезен законодателям всех уровней, представителям государственных органов исполнительной власти, формирующим и реализующим российскую морскую политику, судьям, специалистам-практикам, ученым и исследователям в области морского права и экономики, а также в образовательных процессах при реализации дополнительных профессиональных программ в соответствующих отраслях знаний.

Литература

Шамахов В. А., Кириленко В. П. Морское право и международный морской бизнес : учебник. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2021. 656 с. ISBN 978-5-89781-677-4.

Об авторе:

Шехова Наталия Владимировна, профессор кафедры экономической безопасности Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; nataly65vf@gmail.com

References

Shamakhov V. A., Kirilenko V. P. Morskoe pravo i mezhdunarodnyi morskoi biznes : uchebnik. SPb. : IPTs SZIU RANKhiGS, 2021. 656 s. ISBN 978-5-89781-677-4.

About the author:

Natalia V. Shekhova, Professor of the Department of Economic Security of St. Petersburg State University of Economics (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; nataly65vf@gmail.com

ПРАВИЛА
оформления статей, принимаемых к рассмотрению редакцией
международного научно-аналитического журнала
«ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА»

1. Автор(-ы) представляет(-ют) в редакцию электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Объем представляемых для публикации статей не должен быть меньше 16 000 знаков с пробелами. Оригинальность статьи должна быть не менее 65%. Все материалы проверяются системой «Антиплагиат».

2. Каждая статья должна быть сопровождается сведениями об авторе(-ах) (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество полностью; место работы; должность; ученая степень; ученое звание; адрес электронной почты. После указания места работы обязательно указывается город и страна.

3. Рукопись статьи должна содержать реферат (аннотацию) и ключевые слова.

Статьи без реферата (на русском и английском языках) не рассматриваются.

Реферат не должен содержать ссылки и аббревиатуры. Объем ограничен 250–300 словами. В реферате обязательно указываются: Цель, Методы, Результаты, Выводы (по 1–2 предложения для каждого пункта).

4. Рукопись статьи должна содержать ключевые слова. Обычно — 5–6 слов. Термины-словосочетания считаются одним ключевым словом. Желательно избегать составных ключевых слов.

5. Сокращения и аббревиатуры должны быть расшифрованы при первом их употреблении (в скобках в тексте или под текстом).

6. Список литературы в конце статьи дается в алфавитном порядке. В случае, когда цитируется англоязычная работа, обязательно ссылаться на оригинал, а не на русскоязычный перевод. В тексте дается ссылка в квадратных скобках, например [7, с. 625].

7. Ссылки на официальные сайты, правовые и законодательные акты, архивные материалы, учебники/учебные пособия, словари и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи.

8. Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов WordArt в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в тех форматах, в которых они были сделаны (объекты должны давать возможность редактирования). Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком/подписью, продублированными на английский язык. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

Формулы должны быть набраны в редакторе Microsoft Equation, где их набор более корректен; также возможен набор формул в MathType ... Equation.

Простые строчные формулы желательно набирать с клавиатуры, не используя формульный редактор.

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Сведения об авторе:

Иванов Иван Иванович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация
Заведующий кафедрой
Доктор философских наук, профессор

E-mail:

Телефон: (только для внутреннего пользования)

2. Краткие затекстовые ссылки:

В тексте:

А. В. Виленский называет его «своего рода „золотым легионом“ постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализирующемся мире: Политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М. : Наука, 2004.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках:

– **монографии:**

Филиппов Г. Г. Роль организации в механизме политической власти. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2008.

– **статьи в научных сборниках:**

Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М. : Прогресс, 1972.

– **публикации в многотомных изданиях:**

Ирвинг В. Собр. соч.: в 5 т.: пер. с англ. М. : ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.

Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. М. : Мир книги, 2003. Т. 7.

– **статьи в научных журналах:**

1. *Кириленко В. П., Дронов Р. В.* О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 46–53.

2. *Шамахов В. А.* К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 6–15.

– **статьи в газетах:**

Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.

– **правовые акты:**

О науке и государственной научно-технической политике: федер. закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 45. Ст. 3274.

О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.

– **архивные документы** (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):

Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.

Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.

– **электронные ресурсы оформляются следующим образом:**

1. Манойло А. В. Объекты и субъекты информационного противоборства [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: сайт информационного ресурсного центра по научной и практической психологии. Библиотека. Информационная война. Информационное противоборство. URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar24.htm> (дата обращения: 23.02.2016).

2. Образ врага. Все об «Аль-Каеде» [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler Media Group. 2004. 23 июня. URL: <http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/> (дата обращения: 20.09.2017).

2021. Том 15, № 1

**ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:
ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА**

Международный научно-аналитический журнал

Выходит 4 раза в год

Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ

Выпускающий редактор
О. Д. ПОЛЕЖАЕВА
E-mail: polezhaeva-od@ranepa.ru

Корректор
Е. А. ЛЫСУНЕЦ

Верстка
А. Л. СЕРГЕЕНОК

Сдано в набор 15.03.2021.

Подписано к печати 30.03.2021.

Формат 84×108 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 9,75. Тираж 100 экз.

Заказ № 1/2021.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-72803 от 25 мая 2018 г.

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61
Тел. (812) 335-94-72